

Министерство культуры и национальной политики
Республики Коми
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

И.Л.Жеребцов, Е.Н.Рожкин

СТОЯВШИЕ У ИСТОКОВ

**(Очерки истории становления
гуманитарной науки в Коми)**

Сыктывкар 2005

УДК 8(092)+39(092)

Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. **СТОЯВШИЕ У ИСТОКОВ. (Очерки истории становления гуманитарной науки в Коми).** Сыктывкар, 2005. 108 с.

В книге в научно-популярной форме рассказывается о том, как происходило становление гуманитарных научных исследований (лингвистики, истории, этнографии и др.) в Коми до середины XX в., чем был вызван интерес к гуманитарной науке, каким образом деятельность ученых и краеведов влияла на развитие коми языка и национальной культуры, говорится о судьбах исследователей. Подробно рассказано о жизни В.А.Молодцова, В.И.Лыткина, А.С.Сидорова. Книга предназначена для широкого круга читателей.

Научный редактор
к.и.н. А.Ф.Сметанин

Рецензенты
д.и.н., проф. В.А.Семенов
д.филол.н., доц. Е.А.Цыпанов

ISBN 5-7555-0847-X

© Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н., 2005

Предисловие редактора

2005 год оказался отнюдь не скуп на различные «круглые даты», в том числе и связанные с коми гуманитарной наукой. 1 апреля, например, исполнилось 35 лет ведущему гуманитарному научному учреждению нашей республики, занимающемуся исследованиями в области исторических и филологических наук – Институту языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 35 лет – возраст небольшой, но широко известные достижения института базируются на прочном фундаменте, заложенном существовавшими до его создания гуманитарными отделами Коми филиала АН СССР, на тех исследовательских традициях, которые берут свои истоки в Коми научно-исследовательском институте, в Обществе изучения Коми края, Усть-Сысольском отделении Архангельского общества изучения Русского Севера.

Не случайно мы и сегодня с уважением и благодарностью вспоминаем Георгия Лыткина, Каллистрата Жакова, Питирима Сорокина, Василия Налимова, которые не только написали замечательные научные труды, но и побудили своих земляков Андрея Цембера, Василия Молодцова, Василия Лыткина, Алексея Сидорова и их коллег заняться краеведением, со временем – благодаря таланту, энтузиазму, трудолюбию и упорству – переросшим в полноценную профессиональную науку.

По-своему символично, что в год 35-летия ИЯЛИ, парой месяцев позже – 6 июня – исполнилось 170 лет со дня рождения первого коми ученого, просветителя Георгия Степановича Лыткина (он родился в 1835 году, 25 мая по старому, 6 июня по новому стилю), с именем которого связана, пожалуй, целая эпоха в становлении коми науки. Выдающийся труд Георгия Степановича – «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык» и по сей день является настольной книгой многих ученых. Еще более символично, что на этот же год, на 27 декабря (15 по старому стилю), приходится и 110-летие со дня рождения его однофамильца – финно-угроведа с мировым именем, крупнейшего коми языковеда, литературоведа и писателя Василия Ильича Лыткина, достойно продолжившего дело Георгия Степановича, принесшего коми науке мировую славу и оказавшего, отметим это особо, огромную помощь лингвистам Коми филиала АН СССР и Института языка, литературы и истории. Мы

с гордостью говорим о том, что этот замечательный ученый работал в нашем институте.

Наконец, как не упомянуть о 120-летию со дня рождения еще одного видного коми лингвиста, создателя коми алфавита Василия Александровича Молодцова, родившегося по старому стилю в 1885 (20 декабря), а по новому – в 1886 (1 января) году. Обращаю на это специальное внимание, поскольку в некоторые весьма солидные издания вкралась путаница: там говорится, что Молодцов будто бы родился 1 января по старому стилю, а по новому – 13 января. На самом деле сам В.А.Молодцов в своих анкетах всегда четко сообщал, что родился именно 20 декабря по старому стилю, 1 января – по новому. В.А.Молодцов оказал большое влияние на своего тезку, юного Василия Лыткина, на выбор им своего пути. Не случайно его даже иногда называли учителем В.И.Лыткина. К сожалению, в дальнейшем их отношения не сложились, и в ту непростую эпоху это негативно отразилось на судьбе обоих.

Издание этой книги приурочено как раз к «круглым датам» названных исследователей, и поэтому на ее страницах читатели смогут найти очерки о жизни и научном творчестве Георгия и Василия Лыткиных и Василия Молодцова (особенно обстоятельно авторы рассказывают о двух Василиях – учитывая их роль в развитии коми языкознания в бурный послереволюционный период, когда формулировались многие, если не все, основные принципы развития коми лингвистики, коми языка в целом). Но книга не только о них: в ней авторы прослеживают, как происходило становление гуманитарных научных исследований в Коми – от первых скудных, случайных и невнятных известий, неведь как попавших к античным историкам, до появления в Коми научных учреждений, профессионально занимавшихся гуманитарными научными исследованиями.

Вполне оправданы в этой книге и небольшие информационные очерки о К.Ф.Жакове, П.А.Сорокине, В.П.Налимове и отдельный очерк об А.С.Сидорове, сыгравшем, пожалуй, ключевую роль в становлении и развитии коми гуманитарной науки в 1920-е – начале 1950-х годов, работавшем и в первом коми вузе – Институте народного образования, и в Обществе изучения Коми края, и в Коми пединституте, и в Коми НИИ, и в секторе языка, письменности и истории Коми филиала АН СССР. Не случайно видный коми фольклорист Ю.Г.Рочев в свое время даже высказывался за то, чтобы Институт языка, литературы и истории носил имя А.С.Сидорова.

Уже издано немало работ, посвященных коми ученым и краеведам, среди которых особо стоит отметить посвященную истории Общества изучения Коми края и его деятелям научно-популярную книгу «Они любили край родной» (коллектив авторов, ответственный редактор – И.Л.Жеребцов), выпущенную в 1993 году Коми книжным издательством и быстро ставшую библиографической редкостью, и изданные Коми

научным центром УрО РАН брошюры серии «Люди науки» о В.И.Лыткине и А.С.Сидорове. Однако эти и другие работы сейчас, к сожалению, мало кому доступны, а популяризация знаний об истории коми науки и культуры, о жизни видных деятелей нашего прошлого в современных условиях как никогда актуальна. Поэтому остается только приветствовать инициативу авторов, подготовивших данную работу, и Министерство культуры и национальной политики РК, которое ее выпускает. Эта книга – еще один пример плодотворного сотрудничества ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН и министерства. Было бы желательно, чтобы данная работа стала шагом к подготовке обстоятельной научной монографии, посвященной истории краеведческого движения в Коми крае.

Хочется надеяться, что не за горами то время, когда достаточным тиражом будет издаваться специальная серия книг, посвященных замечательным людям земли Коми. Думается, давно назрела необходимость появления обстоятельных книг, посвященных Георгию Лыткину, Алексею Сидорову, Василию Лыткину, Виктору Савину, Вениамину Чисталеву, Александру Католикову, Николаю Балину, Дмитрию Батиеву, Ивану Морозову и другим видным деятелям культуры, искусства, науки, образования, экономики, политики, здравоохранения, спорта и других сфер жизни. Эти и многие люди прославили нашу республику. Пора и республике отдать им должное.

А.Ф.Сметанин, кандидат исторических наук, доцент, академик Академии военно-исторических наук, заместитель председателя Президиума Коми научного центра УрО РАН, директор Института языка, литературы и истории, заслуженный работник Республики Коми

Очерк 1. Предыстория: от Геродота до Георгия Лыткина

Преданья старины глубокой.

Кто был первым исследователем истории и культуры коми народа? Когда начались такие исследования? На эти вопросы нет однозначных ответов. Уже в глубокой древности появились первые сведения о живших на Севере Европы народах. Например, древнегреческий ученый Геродот в V веке до нашей эры написал труд «История», где, в частности, привел сведения об охотничьих племенах, живших на далеком Севере (может быть, имелись в виду предки современных финно-угорских народов), а готский историк Иордан в VI веке нашей эры в книге «О происхождении и деяниях гетов» упомянул о живших на Севере финских племенах. Но к изучению истории и культуры коми, разумеется, все эти «преданья старины глубокой» (весьма отрывочные и порой весьма далекие от истины) отношения не имеют, поскольку коми народ появился существенно позже.

Вряд ли могут претендовать на первенство и путешественники IX и X столетий – такие как скандинав Отар, совершивший в IX веке морское путешествие в землю Биармию и рассказавший по возвращении о виденных там жителях-биармийцах, живших на берегах большой реки (не исключено, что он имел в виду Европейский Северо-Восток, хотя есть на сей счет и другие суждения), или секретарь Багдадского халифа Ахмед Ибн-Фадлан, который в 921–922 годах побывал на Волге (в Волжской Булгарии) и привез оттуда на Ближний Восток рассказ о богатой соболями и черно-бурыми лисицами стране Вису (по мнению некоторых ученых, речь в этом рассказе идет о Северном Приуралье, и, в частности, возможно, о территории современной Республики Коми). Ведь даже если Отар и Ибн-Фадлан действительно поведали правителям Западной Европы и Передней Азии об обитателях Европейского Северо-Востока, они слегка «поспешили»: по данным археологов, народ коми сформировался лишь в XI столетии, уже после их путешествий.

На землях древних коми уже в XI веке побывали славяне – новгородцы. Появлялись они здесь и в XII, и в XIII столетиях. Через них весьма скудные сведения о древних коми попали в русские летописи и, в частности, в знаменитую «Повесть временных лет». Однако язык не поворачивается назвать «исследователями» новгородских полуразбойников-полуторговцев (как и их скандинавских «коллег», время от времени являвшихся в «Биармию»), которым, впрочем, до культуры, быта, да и языка местных жителей дела было мало. Их больше интересовали пути сообщения и природные богатства.

Стефан и Епифаний.

Пожалуй, лишь в XIV веке появился человек, которого действительно можно было бы рассматривать как одного из первых исследователей коми

языка – уроженец Устюга Стефан Пермский, в 1372 году в Ростове создавший древнекоми письменность. Стефановская азбука состояла из 24 букв: а, бур, гаи, дои, е, жои, зата, зита, и, коке, лей, мено, нено, во, пей, реи, сии, таи, цю, шой, ы, е, ю, о; позднее, к концу XIV века, для учета особенностей фонетики древнепермского языка были добавлены еще две – «джои» (дж) и «черы» (тш); возможно, что еще позже, в XV и последующих столетиях, в азбуку могли добавляться новые буквы. В качестве образца Стефан использовал буквы греческого и славянского алфавита, а также древнекоми «пасы» – знаки, изображавшиеся на различных предметах. Создание Стефановской азбуки стало выдающимся событием в истории коми культуры. Однако заметим, что Стефан, собственно, научных целей не преследовал: письменность нужна была ему для того, чтобы перевести на коми язык богослужебные книги, сделать их понятными и доступными для древних коми, среди которых он намеревался проповедовать православие (что ему в полной мере и удалось). Более того: существует гипотеза, что Стефан лишь использовал для перевода и записи богослужебных книг уже функционировавший у древних коми алфавит, возможно, внося в него некоторые изменения, либо, по крайней мере, взял за основу или использовал бытовавшую древнекоми письменность при создании своей азбуки.

Даже если Стефан и пришел в Коми край, по словам писателя Л.Н.Смоленцева, «ученым богословом-философом» (но отнюдь не лингвистом), то затем он все силы отдавал религиозной, просветительской, даже административной и политической деятельности; ему было уже не до научных изысканий. Собственно, вполне вероятно, что Стефан и не считал нужным более заниматься ими: коми язык он в нужной мере знал, письменность, в значительной мере обеспечившую успех его миссионерской работы, уже создал, а языческая культура древних коми (дохристианские верования, обряды, обычаи и проч.) вряд ли его интересовала – разве что как объект беспощадной борьбы: «Разъярился владыка Стефан на кумирницы пермские поганые, истуканные, изваянные, издолбленные боги их в конец сокрушил, раскопал, огнем пожег, топором посекал, сокрушил обухом, испепелил без остатку», – говорится в Вычегодско-Вымской летописи.

Быть может, в большей мере право считаться первым исследователем коми истории и культуры может принадлежать современнику Стефана – ростовскому монаху Епифанию Премудрому, автору труда «Житие святого Стефана, епископа Пермского», который можно было бы назвать первой работой, посвященной Коми краю. В «Житии» содержится немало ценных сведений о расселении, религиозных верованиях древних коми второй половины XIV столетия. Но главное внимание уделено, конечно, самому Стефану; остальные данные являются, в сущности, лишь фоном, на котором разворачиваются деяния епископа Пермского. Заметим, что

работа над «Житием» началась в 1390-х годах в Москве, куда Епифаний перебрался из Ростова, и завершена была там же к исходу XIV или в начале XV века; так что древних коми автор описывал, так сказать, «издалека». Епифаний, кстати, является также автором «Жития Сергия Радонежского» и послания архимандриту Спасо-Афанасьева монастыря в Твери Кириллу, в котором идет речь о художнике Феофане Греке. Возможно, Епифаний участвовал также в составлении «Слова о житии и преставлении Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» и некоторых летописей.

О чем рассказывают летописи.

Немаловажное значение имели северные летописи, повествовавшие о событиях, происходивших на Севере Руси. Один из наиболее важных исторических источников по средневековой истории региона, содержащий уникальные сведения – Вологодско-Пермская летопись, работа над которой началась около 1496 года. Историк М.Б.Рогачев пишет, что ее, возможно, составил сподвижник одного из крупнейших церковных деятелей XV в. епископа Филофея Пермского «владычный слуга» Леваш. Считают, что Леваш был образованным человеком и незаурядным писателем. Именно ему, кстати, епископ Филофей поручил составить свод сведений о Сибири, каковым стало «Сказание о человецех незнаемых в восточной стране» (конечно, то был свод легендарных сведений). Однако заметим, что во время составления Вологодско-Пермской летописи епископ Пермский (и, естественно, его помощники) пребывали уже большей частью не в Усть-Выми, а в Вологде (после присоединения к Пермской епархии в 1492 году вологодских церквей), так что даже если Вологодско-Пермскую летопись и впрямь составлял Леваш, то происходило это, надо думать, уже не в Коми крае, а в Вологде.

А вот чрезвычайно интересная Вычегодско-Вымская летопись создавалась в конце XVI – начале XVII веков уже в Коми крае. Ее начал вести в 1586 году смотритель Усть-Вымской Михайло-Архангельской пустыни Мисаил. После его смерти летописание продолжил священник Усть-Вымской Благовещенской церкви Евтихий (по их именам летопись получила также название Мисаило-Евтихиевской). Составители летописи не только записывали события, современниками которых они были, но и использовали другие летописи и старинные исторические документы, поэтому этот труд охватывает период с конца XII до начала XVII века. Это был, пожалуй, первый свод данных по истории Коми края – но, разумеется, летописцы лишь фиксировали события, а не изучали их, не пытались (за редкими исключениями) как-либо объяснить их причины и следствия.

От азбуки – к разговорникам.

Небольшие сообщения о Коми крае и его жителях XVI – середины XVIII веков, которые содержатся в записках побывавших тут иностранцев

С.Герберштейна, Дж.Флетчера, И.Идеса и А.Брандта, трудах российских и иностранных ученых В.Н.Татищева, Г.Ф.Миллера, М.Меховского и некоторых других, могут послужить весьма любопытным источником сведений, но вряд ли можно отнести кого-либо из этих авторов к исследователям Коми края. Изучением коми языка после Стефана никто, видимо, не занимался. Стефановская письменность просуществовала до XVII века. Но ее роль в распространении грамотности среди местного населения резко уменьшилась уже при первых епископах-преемниках Стефана (они не знали коми языка и не стремились к распространению стефановской письменности). Сохранилось несколько написанных стефановскими буквами списков азбуки, надписей на иконах и приписок в русских рукописных книгах XV–XVI столетиях. Интересно, что древнекоми азбука в XV веке использовалась русскими писцами для тайнописи, при пересылке зашифрованных сообщений. В XVIII столетии для коми письма стали использовать русские буквы, а стефановская азбука вышла из употребления.

Пожалуй, следует упомянуть лишь составление небольших рукописных словарей и разговорников, которые, возможно, имели большое распространение в XVIII веке. До наших дней сохранились два русско-коми разговорника, каждый из которых содержит около 200 слов и 100 коротких выражений с переводом на русский язык. Вот некоторые из весьма красноречивых выражений разговорников XVIII столетия (в передаче современным алфавитом): «Быдён пёръявлёны, а веськыда оз висътавыны, омёлъ войтыр» – «Все обманывают, а правды не сказывают, худые люди»; «Он тёд, кудзи песёма лоан, мун тэ водзинджыг ортсё, кытчедз тэ абу песёма» – «Не знаешь, как бит будешь, поди заранее прочь, пока ты не бит»; «Аддзылі мэ вётён, эжмалісныс» – «Видел я во сне, что ограбили»; «Кин тэ тшёк кузя воин татчи? Выим-ё тэнад лэдзём? А токо выим, и тэ сыён мун шыаяс ордё» – «По чьему ты приказу прибыл сюда? Есть ли у тебя отпускная? И ежели есть, то ты с нею пойдй к боярину».

Академики приехали.

Часто начало научных исследований в Коми крае связывают с экспедицией под руководством академика И.И.Лепехина, которая, действительно, имела огромное значение. Ученый-натуралист и путешественник Иван Иванович Лепехин (10(21).09.1740, С.-Петербург – 06(18).04.1802, С.-Петербург), адъютант Императорской Академии наук и художеств, с 1768 года возглавлял экспедиционный отряд академии, изучавший Поволжье, Приуралье и Европейский Север России. Летом 1771 года отряд, включавший шесть человек (среди них два гимназиста), прибыл в Коми край. Помощником И.И.Лепехина был начинающий ученый-естествоиспытатель, будущий академик Николай Яковлевич Озерецковский (1750, с. Озерецкое Московской губ. – 28.02(12.03)1827, С.-Петербург).

Экспедиция проехала почти через весь Коми край – по рекам Летке и Лузе (от Ношуля до Зануля), Сыsole и ее притокам (от Кибры до Усть-Сысолы), Вычегде (от впадения в нее Сысолы до самого устья), нижней Выми. Позднее, в 1772 году, ученые исследовали прибрежные районы Севера, побывали на нижней Печоре и Ижме. Был сделан важный шаг в изучении региона: впервые начались специальные исследования природных богатств края и, что особенно важно для нас, сбор материала об истории Коми, культуре и быте местных жителей (постройках, промыслах и других хозяйственных занятиях, одежде, народной медицине, фольклоре) силами российской академической науки.

Результаты исследований вошли в четырехтомные «Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта И.И.Лепехина», подготовленные и опубликованные И.И.Лепехиным в 1771, 1772, 1780 годах и Н.Я.Озерецковским в 1805 году. В них содержится много ценных сведений о населенных пунктах Коми края (Усть-Цильме, Ижме, Серегово, Усть-Сыsole, Нювчине и др.), о культуре и быте их жителей и др. «Дневные записки» были переведены на немецкий и французский языки, и содержащиеся в них сведения о Коми крае и других регионах России стали достоянием европейской читающей публики. Но при всем при том поездка Лепехина и Озерецковского по Коми краю была лишь эпизодом в их деятельности (у них было много других научных интересов); эпизодом, скоро забывшимся, стала она и для жителей края – последователей из их числа, пожелавших бы продолжить научные изыскания столичных академиков, увы, не нашлось.

Зыряне учености не пугаются.

В XIX веке положение стало меняться. Все больше приезжало в Коми край российских ученых, а под их влиянием все чаще к участию в исследовательской работе стали понемногу подключаться местные жители. Интерес обитателей края к науке подметил побывавший здесь (когда и почему – об этом чуть позже) ученый Н.И.Надеждин: «Зыряне народ чудный. Они не только не пугаются учености, но даже питают к ней какое-то особое благоговение». Надеждин сделал даже такое неожиданное предположение: «Весьма вероятно, что это у них остаток древнего языческого суеверия. Вся северная чужь в старину боготворила медведей, этих мохнатых отшельников, которых уединенные берлоги неоспоримо были первообразом ученых затворнических кабинетов».

В 1808 году Филипп Козлов, студент Вологодской духовной семинарии, составил первую «Коми грамматику» удорского «наречия», то есть диалекта (судя по этому, он был родом с Удоры, возможно, из Глотова, где эта фамилия была распространена еще в середине XVII века). «Грамматика» эта представляла собой учебное пособие для семинаристов, была очень несовершенна, но все же то был один из первых шагов в

изучении коми языка, предпринятый уже не приезжим ученым, а уроженцем Коми края. Преподаватель той же семинарии А.Ф.Флёров внес в грамматику некоторые изменения и напечатал ее в 1813 году под своим авторством (кстати, год спустя он опубликовал в журнале «Вестник Европы» статью «О древностях Вологодских и зырянских»).

В 1827 году в Коми крае побывал филолог и этнограф А.М.Шёгрэн (1794–1855), уроженец Финляндии, живший в России (позднее он стал академиком). Шёгрэн длительное время пробыл в Усть-Сысольске, совершил поездку по Сыsole, записывал народные предания, изучал коми язык, собрал немало материалов по истории края. А.М.Шёгрэн опубликовал несколько работ на немецком и русском языках по лингвистике, этнографии и истории народа коми, в том числе крупный труд «Зыряне. Историко-статистико-филологический опыт». Чрезвычайно важным следствием поездки Шёгрэна стало то, что по его совету в том же 1827 году шежамский священник В.Михайлов и усть-сысольский мещанин И.Р.Мальцев начали составлять «Русско-зырянский словарь». Позднее к этой работе присоединились купеческий сын усть-сыsoleц А.Суханов, житель Усть-Сысольска Ф.Я.Попов и руководивший составлением словаря с 1831 года отставной офицер Н.П.Попов (написавший и опубликовавший позднее также «Учебник зырянского языка»). В 1834 году они передали в Академию наук «образчик зырянского словаря, заключающий литературу К». На последнем этапе работы над словарем в его составлении активно участвовал устьсыsoleц А.С.Моторин. В 1843 году словарь в четырех томах был закончен и передан в Академию наук (рукопись его до сих пор хранится в архиве Академии наук в Петербурге). Материалы этого и некоторых других словарей использовал в 70-80-х годах XIX века видный российский ученый Фердинанд Иванович Видеман (1805–1887) при работе над коми-немецким словарем и грамматикой коми языка.

В 1837 году север Коми края (Усть-Цильму и Большеземельскую тундру) изучал российский ботаник А.И.Шренк (1816–1876), напечатавший в 1855 году большой труд по географии, геологии, ботанике, зоологии, этнографии и фольклору населения этого района, но он специально гуманитарными вопросами не интересовался и в дальнейшем какого-либо интереса к истории и культуре коми не проявлял.

Но через несколько лет, в 1843 году, в Коми крае (в Ижме, а также Колве и Усть-Цильме) побывал ученый, для которого изучение коми культуры, и первую очередь коми языка, было не «побочным» занятием, а представляло самостоятельный научный интерес. Это был видный финский ученый Матиас Александр Кастрен (1813–1852), изучавший коми и ненецкий языки. Год спустя он опубликовал в Хельсинки исследование «Первоначальные сведения о грамматике зырянского языка» и защитил докторскую диссертацию «О склонении имен существительных в зырянском языке». Это была первая докторская диссертация, посвященная

языку, истории и культуре коми. Труд Кастрена оказал немалое влияние на уже упоминавшегося ученого Ф.И.Видемана, приступившего к изучению грамматики коми языка (сам он, правда, в Коми крае не был). (Финские и венгерские исследователи и позднее проявляли интерес к изучению коми культуры (главным образом, языка). Так, в 1901–1902 годах в Коми крае побывал известный финский языковед Юрье Йоосеппи Вихман (1868–1932), в 1911 и 1913 – видный венгерский лингвист Давид Рафаэль Фокош-Фукс (1884–1977), изучавшие диалекты коми языка, коми сказки, песни, загадки).

Из Бельфора – в Усть-Сысольск.

Первым «посторонним» исследователем, не просто посетившим Коми край с экспедиционной поездкой, а прожившим здесь некоторое, пусть не слишком продолжительное время (примерно полгода), стал упоминавшийся уже русский ученый и литературный критик Н.И.Надеждин (1804–1856). Правда, попал сюда Николай Иванович не по своей воле. Вот любопытный факт, на который обратила внимание исследователь З.Я.Немшилова: в 1836 году он – известный российский ученый, блестящий журналист, издатель солидного журнала «Телескоп», газеты «Молва» и «Газеты мод и новостей» – совершил поездку по европейским странам, приобрел массу впечатлений и, вспоминая об увиденном на страницах своего «Телескопа», между делом обронил: «Бельфор городок прекрасный, ...не какой-нибудь наш Устьсысольск». Не стоило Надеждину поминать всуе казавшийся ему бесконечно далеким от цивилизации уездный город, ибо не прошло и года, как попавшему в опалу профессору пришлось поменять «вторую российскую столицу» Москву на «столицу Зырянского края»: за публикацию в том же 1836 году «Философического письма» П.Я.Чаадаева «Телескоп» закрыли, а Н.И.Надеждина арестовали и в конце концов отправили в ссылку именно в Усть-Сысольск. Быть может, тот, кто выбирал место ссылки, читал те самые путевые заметки...

«Об Устьсысольске везде и от всех слышу горькие отзывы. Канада – общий приговор! ...Ртуть зимою беспрестанно мерзнет, так что можно делать из нее бильярдные шары». В Усть-Сысольске «прекращается не только народонаселение, но и растительность» – с таким мало ободряющим багажом знаний профессор тронулся в путь. Впрочем, путешествие в Усть-Сысольск и особенно тягостное предвкушение ожидаемых там всяческих невзгод оказались, в общем, большим испытанием для изрядно напуганного сочувствовавшими знакомыми Надеждина, нежели сама ссылка. Устьсысольские власти решили не ударить в грязь лицом перед прибывшим к ним летом 1837 года «советником, кавалером и профессором», и, как пишет З.Я.Немшилова, городничий встретил его в полной парадной форме, доложил о состоянии города и уезда и поселил сыльного ученого «в домике прелестном, на хорошем месте». Убедившись, что в

Усть-Сысольске люди и природные условия далеко не так дики, как ожидалось, Надеждин обрел спокойствие.

Во время ссылки в Усть-Сысольске Надеждин начал заниматься историческими и этнографическими изысканиями. Освоив коми язык, он принялся изучать и записывать коми фольклор – сказки, легенды, песни, отметив позднее: «Зыряне приняли меня очень радушно, охотно позволили изучать себя». Ученый написал и отослал в Москву несколько статей об истории и этнографии коми для семнадцатитомной первой русской энциклопедии «Энциклопедического лексикона» Плюшара, опубликовал (уже по возвращении из ссылки, в 1839 году) очерк «Народная поэзия у зырян». Надо полагать, что Н.И.Надеждин оказал немалое влияние на немногочисленную устьсысольскую интеллигенцию, на усиление ее интереса к изучению коми языка, культуры, истории. 11 января 1838 года он был переведен в Вологду. (Заметим, что и позднее некоторые исследователи Коми края попадали сюда не по своей воле. Ссылный поляк В.Журавский, находясь в Усть-Сысольске в 1860-х годах, писал и отправлял в журналы статьи об Усть-Сысольске. А.Александровский написал для варшавского журнала «Русский филологический вестник» статью «Русский язык у зырян». Ссылный вологжанин Н.А.Иваницкий в 1882 году на Печоре собрал, в частности, данные об устном народном творчестве коми, о народных традициях. В.А.Русанов (1875–1913), известный позднее полярный исследователь, в 1901–1903 годах также отбывал ссылку в Коми крае. В труде «Зыряне» он привел, в частности, свои наблюдения о хозяйственных занятиях коми. Краеведческими исследованиями занимались и многие другие ссылные).

Корреспонденты Географического общества.

Влияние бывавших в Коми крае ученых, ссылной интеллигенции – лишь один фактор, воздействовавший на формирование потенциального круга местных исследователей, краеведов-гуманитариев. Большое значение сыграло создание в 1845 году в Санкт-Петербурге Императорского русского географического общества (ИРГО), вокруг которого стали объединяться местные краеведы. Один из руководителей ИРГО археолог, историк, этнограф, лингвист Павел Иванович Савvaitов (1815–1895) дважды – в 1841 и 1846 годах – побывал в Коми крае. Он изучал коми язык, опубликовал древние памятники коми письменности, в том числе азбуку Стефана Пермского, переводил с русского на коми язык книги, в 1850 году издал «Граматику зырянского языка» и «Зырянско-русский и русско-зырянский словарь», за которые Академия наук присудила ему престижнейшую Демидовскую премию.

Во многом благодаря П.И.Савvaitову в Коми крае сложился круг корреспондентов ИРГО, присылавших в Петербург свои краеведческие работы (многие из них хранятся сегодня в архиве Русского географичес-

кого общества). Среди них был усть-сысольский промышленник Василий Николаевич Латкин, который в 1840 и 1843 годах исследовал Печорский край, опубликовал «Дневник» своих путешествий, в который вошли, в частности, интересные материалы об особенностях быта, хозяйственных занятиях и фольклоре местного населения. С ИРГО активно сотрудничал М.И.Михайлов (1821–1853), русский учитель, приехавший преподавать в усть-сысольское уездное училище. Он стал изучать историю, культуру и быт коми народа, опубликовал не менее 15 краеведческих заметок о домашнем быте коми, ярмарках, верованиях и т.д. в газетах и журналах, издал в 1851 году содержащую множество интересных сведений книгу «Описание Усть-Выми», за которую автору выразили благодарность ИРГО, Русское археологическое общество и Академия наук. Усть-сысольский краевед С.Е.Мельников, собиравший «хозяйственные и этнографические сведения о зырянах» и с 1850 года проводивший археологические раскопки на Сыsole, Вычегде и Выми, также был в числе корреспондентов ИРГО, Русского археологического общества и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. В мае 1851-го он раскопал первый археологический памятник на территории современного города Сыктывкара.

«Ведомости» – о коми.

Еще одним весьма важным фактором, способствовавшим развитию гуманитарных краеведческих исследований, явилось появление региональных печатных изданий, в первую очередь, газет «Вологодские губернские ведомости» и «Архангельские губернские ведомости» (в 1838 году), где со временем стали публиковаться краеведческие заметки. Редактором «Архангельских губернских ведомостей» в 1840-х годах стал уроженец Ижмы Михаил Федорович Истомин (1821–1862); вероятно, благодаря ему «Ведомости» проявляли интерес к коми истории и культуре. Сам Истомин еще в 1839-м опубликовал статью «Счёт на зырянском языке, употребляемый в Ижемской слободе» в журнале «Отечественные записки». А в архангельских и вологодских «Ведомостях» он напечатал ряд статей, посвященных истории и культуре ижемских коми: «Ижма» (1846), «О составе ижемско-зырянского наречия» (1847), «Об этимологических формах ижемско-зырянского языка с присовокуплением словаря зырянских слов» (1857), а также знаменитое предание «Яг-морт» (в 1848-м). Отметим, что упоминавшаяся работа М.И.Михайлова об Усть-Выми до своего «книжного» издания публиковалась на страницах «Вологодских губернских ведомостей» в 1850 году.

Усть-сысольский учитель Е.В.Кичин напечатал в «Вологодских губернских ведомостях» несколько небольших очерков об основании Усть-Сысольска, о свадебных и других обычаях коми народа: «Братчина – зырянское обыкновение» (1852), «Старинный свадебный обычай» (1853),

«Об основании города Усть-Сысольска» (1853). Инспектор народных училищ Усть-Сысольского уезда В.Е.Кичин в 1860–1900-х годах публиковал в «Вологодских губернских ведомостях» статьи бытоописательного характера, содержащие богатые сведения о жизни местного городского и сельского населения: «Нечто об Усть-Сысольске», «Воспоминание о праздновании в Усть-Сысольске в 1896 г. пятисотлетия со дня кончины Св. Стефана Пермского» и другие. В 1848 году в «Вологодских губернских ведомостях» вышла статья преподавателя Вологодской духовной семинарии А.И.Попова (1815–1886), уроженца села Небдино, «Мнение о происхождении зырян и очерк некоторых свойств их». Он, кроме того, в 1843 году написал «Граматику зырянского языка» – учебник родного языка для коми детей, оставшийся, к сожалению, неизданным. П.Кокшаров опубликовал в «Вологодских губернских ведомостях» записанные им коми сказки.

В 1865–1866 годах в «Вологодских губернских ведомостях» опубликовал статью «Зырянский язык» основоположник коми литературы поэт Иван Алексеевич Куратов (1839–1875). Он подчеркивал важность изучения коми языка: «Зырянский язык изучить – значит изучить зырянский народ, его образ мыслей и взглядов на мир и жизнь, его образование и вообще его отличительный народный оттенок». И.А.Куратов написал труд «Грамматика зырянского языка», «Материалы для пермского толкового словаря», «Местоимения» и ряд других посвященных коми языку научных работ, которые, однако, были напечатаны только в 1930-х, а до того были мало кому известны.

«Безукоризненное служение науке».

Итак, в XIX столетии в Коми крае находилось все больше и больше людей, испытывавших интерес к постижению культуры и истории местного населения. Замечательным явлением в развитии краеведения в коми стали работы Ф.А.Арсеньева «Зыряне и их охотничьи промыслы» и «Ульяновский монастырь у зырян», изданные в Москве отдельными книгами в 1873 и 1889 годах. Ф.А.Арсеньев в 1858–1867 годах преподавал в Усть-Сысольском уездном училище, затем уезжал в Вологду, а с 1882-го вновь находился в Усть-Сысольском уезде, уже на чиновничей службе. Помимо весьма любопытных описания промыслов коми, стоит обратить внимание на интерес Арсеньева к стефановской письменности; автор, в частности, предположил, что Стефан при создании азбуки опирался на «древнее письмо» коми, на «бывшие в ходу между жрецами письменные знаки».

Конечно, все названные выше авторы из числа жителей края являлись отнюдь не профессиональными учеными, а энтузиастами, любителями, от случая к случаю занимавшимися изучением (а чаще – скорее, описанием) тех или иных сторон жизни коми. Но их работа создавала

общую атмосферу интереса к этой проблематике среди, в первую очередь, конечно, более состоятельных и образованных слоев населения. И в конечном итоге в такой атмосфере не могли не появиться те, кто не просто сделал науку своей специальностью, но и добился в ней крупных успехов. И первым в этом ряду стоит имя Георгия Степановича Лыткина (25 мая (6 июня) 1835 – 22 марта (4 апреля) 1907).

Жизнь Г.С.Лыткина была полна перемен. Он родился в Усть-Сысольске в довольно богатой семье, однако через некоторое время родители разорились. Лыткину первым из коми поэтов (он занимался стихосложением в юности, особенно в 1854–1855 годах) посчастливилось увидеть свои стихи опубликованными: 17 марта 1855 года два его небольших стихотворения – «Коми плач на смерть Николая Мудрого» (царя Николая II) и «Коми речь на воцарение Александра Николаевича» (Александра II) – были изданы в одной из петербургских типографий на отдельных листках на коми и русском языках. В 1856-м под псевдонимом Ёгуш Г.С.Лыткин опубликовал два лирических стихотворения «Ном» и «Сьёлём песьсьём», в которых, по оценке П.Г.Доронина, чувствуется поэтическое дарование автора, знание законов стихосложения, лирическая глубина. Но в 1856 году в Нижнем Новгороде (на пути из Усть-Сысольска в Петербург) у него украли чемодан, где вместе с вещами лежали почти все рукописи... После этого он уже не занимался поэзией, отдав все свои силы научной и просветительской работе.

Еще в юности, во время учебы в Вологодской учительской семинарии (до того он обучался в Усть-Сысольском приходском и уездном училищах) Г.С.Лыткин заинтересовался языкознанием, трудами уже знакомых нам А.М.Шёгрена и М.-А.Кастрена, и рассчитывал изучать в Гельсингфорском университете (Хельсинки) финно-угорские языки, но из-за недостатка средств пришлось в 1854 году поступать на историко-филологический факультет Петербургского университета. Во время каникул он ездил домой, собирал коми фольклор. Но затем студент-зырянин заинтересовался культурой народов Востока. Его познания привлекли внимание руководителей университета, и Лыткину предложили заниматься монголистикой и калмыковедением, которыми он всерьез увлекся и перевелся на открывшийся в 1855 году факультет восточных языков. Год спустя Лыткину едва не пришлось распрощаться с университетом – он не смог вовремя внести плату за обучение и был отчислен, но затем восстановился.

По словам Г.С.Лыткина, «желание доискаться исторического хода развития духовных сил ойратов (*калмыков – Авт.*) в их слове, хранилище жизни народа», побудило его отправиться летом 1858 года в экспедицию в Калмыкию. «Эта поездка, – писал он, – обогатила мою любовь к знаниям; ныне предо мною начинает мало-помалу открываться духовная сторона

жизни монголов и ойратов. Цель жизни моей определена – это безукоризненное служение науке».

По окончании университета в 1859 году Г.С.Лыткин был оставлен при нем на работе. В 1859–1861 годах он вновь работал в калмыцких степях «для практического упражнения в калмыцком языке и изучения быта калмыков». Кроме того, начинающий исследователь обнаружил и сделал достоянием науки старинные калмыцкие хроники – «Сказание о дербен-ойротах» и «Краткая история калмыцких ханов», перевел и прокомментировал их. Несомненно большой вклад коми ученого в развитие калмыковедения. По оценке современных ученых, он был одним из выдающихся деятелей российского востоковедения; еще в советское время в Калмыкии выдвигалась идея (к сожалению, не осуществленная) поставить Г.С.Лыткину памятник. Перед Лыткиным открывались большие перспективы для дальнейшей научной работы в области востоковедения, но...

Реформы начала 1860-х годов резко изменили жизнь Георгия Степановича. Он решил оставить науку и заняться просвещением на родине, подал прошение о направлении его в Усть-Сысольск смотрителем уездного училища. Стремление заняться просветительской деятельностью появилось у Г.С.Лыткина уже давно. Он позднее писал: «И в приходском, и в уездном училищах предметы преподавались на русском языке, нам непонятном, русскими учителями, не знавшими зырянского языка; даже наши почтенные законодатели, родом зыряне, или не могли, или почему-то находили ненужным давать нам объяснения на родном языке». Из-за этого многие бросили учебу, а Лыткин «вынес ее только потому, что хотел быть учителем русского языка, чтобы потом научить других этому языку... И в... университете... не покидала меня мысль – быть когда-нибудь полезным подрастающему поколению», дать ему возможность изучить русский язык, «употребляемый и в церкви, и в науке, и в суде».

Однако в просьбе о переводе в Усть-Сысольск было отказано. Георгий Степанович остался в Петербурге. Бурно развивавшееся студенческое движение вовлекло оставшегося в Петербурге Г.С.Лыткина, ранее не интересовавшегося политикой, в революционную деятельность. Он стал горячим поклонником Н.Чернышевского, вступил в общество «Земля и воля», у него на квартире была устроена тайная типография. После того как «Земля и воля» прекратила существование, Г.С.Лыткин отошел от политики.

Не имея возможности работать в Коми крае, Георгий Степанович избрал иную форму просветительской деятельности. Из университета его уволили. В 1862–1865 годах, по данным исследователя П.Г.Доронина, Г.С.Лыткин зарабатывал на жизнь временной работой, числясь «кандидатом-педагогом», в 1865–1869 был сверхштатным преподавателем в Ларинской гимназии, в 1869–1871 – в 6-й гимназии Петербурга; наконец в 1871 году он обрел постоянную работу в 6-й гимназии, где преподавал

географию и историю до конца жизни (кстати, Г.С.Лыткин написал учебник общей географии, трижды издававшийся в первой половине 1890-х годов). Одновременно с этим Георгий Степанович вел научные исследования – изучал грамматику коми языка, составлял словари, в 1881–1884 годах работал в петербургских и московских архивах.

В 1883 году в «Журнале Министерства народного просвещения» напечатали статью Г.С.Лыткина «500-летие Зырянского края», приуроченную к юбилею Пермской епархии. В это время Георгий Степанович завершал работу над своим главным трудом – книгой «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык», разделом которой являлась названная статья. В 1884-м книга была готова, «сигнальный» (пробный) экземпляр первого ее отдела (части) был напечатан, 20 сентября цензура разрешила его тиражирование. Но потом процесс затянулся. Второй отдел (часть) книги, как писал сам Лыткин, был набран в типографии только через полтора с лишним года. Кроме того, с критическими замечаниями выступили в адрес работы Ф.И.Видеман, П.И.Савваитов и А.Попов. По словам Г.С.Лыткина, «отпечатанная книга» (очевидно, «сигнальный» экземпляр первой части работы) с 1884 года «год пробывала на руках П.И.Савваитова», затем – вследствие высказанной критики, с которой автор не согласился – была передана на рецензирование члену-корреспонденту Академии наук Н.И.Ильминскому, у которого находилась еще пару лет. В марте 1887-го Г.С.Лыткин писал рецензенту: «Мне важно иметь какой-нибудь отзыв, ибо не знаю, что мне делать». Труд был издан только через два года, в 1889-м.

В предисловии к «Зырянскому краю» Г.С.Лыткин отметил: «Эта книга предназначена мной для народных зырянских школ, как пособие при изучении зырянами русского языка. Желательно, чтобы умение читать зырянскую книгу в народных школах предшествовало бы умению читать русскую книгу, чтоб изучение русского языка было осмысленно, чтобы оно было не одним только зубрением»... Для этого Лыткин собрал в своей работе исторические, литературные и фольклорные тексты на русском и коми языках с взаимными переводами, снабдил их обстоятельными комментариями. Книга содержала также нормативную грамматику, словари, научные описания памятников коми письменности XIV–XVII веков. Г.С.Лыткин впервые попытался осветить историю, дать характеристику коми языка в середине II тысячелетия на основе достаточно большого количества исторических, этнографических, фольклорных и лингвистических материалов. Книга вызвала у современников большой интерес и, как подчеркивают специалисты, принесла автору заслуженную научную славу как специалисту в области коми языка. Видные коми лингвисты В.И.Лыткин, А.И.Туркин и другие отмечали, что Георгий Степанович внес крупный вклад в коми языкознание – написал первую коми грамматику на коми языке, составил единственные словари коми,

удмуртского и мордовского языков, выявил ряд памятников древнекоми письменности, заложил основы научной фонетики и морфологии коми литературного языка...

Г.С.Лыткин издал ряд религиозных книг, переведенных им на коми язык – «Евангелие», «Псалтырь» и другие. В связи с этим в 1930-е годы делались попытки представить деятельность Лыткина как «религиозную пропаганду», а его самого объявить «крупнейшим проводником русской великодержавной политики по насильственной русификации населения, по развращению классового мировоззрения коми рабочих и крестьян литературой духовно-нравственного содержания». Но дело отнюдь не в глубокой религиозности Георгия Степановича (хотя, безусловно, он был человеком верующим) и тем более не в его «русификаторстве», а в том, что в конкретно-исторических условиях того времени это был, пожалуй, единственный возможный способ публиковать книги на коми языке и способствовать тем самым просвещению народа коми, формированию литературного коми языка, развитию его функций. Стремясь обучить жителей Коми края русскому языку, Г.С.Лыткин имел в виду не отказ их от родного коми языка и коми культуры, а познание русского языка как языка межнационального общения, как средства знакомства с культурой других народов.

Много сил, особенно в последние годы, Г.С.Лыткин, отдал подготовке к изданию большого «Русско-зырянского словаря», основой для которого стала рукопись, подготовленная упоминавшимся выше коллективом устьсыольцев под руководством Н.П.Попова и переданная в Академию наук. Георгий Степанович работал над словарем по договоренности с дочерью Н.П.Попова (сам Н.П.Попов скончался в 1873 году). Он посвятил этой работе около 20 лет, значительно переработал рукопись, но увидеть словарь напечатанным не успел из-за внезапной кончины в 1907 году. Словарь был издан лишь через 24 года после его смерти, в 1931 году.

Если бы Георгию Степановичу удалось вернуться на родину, то вокруг него, несомненно, сложился бы круг единомышленников, и тогда в Усть-Сысольске, в Коми крае первые шаги по созданию собственных научных учреждений и обществ наверняка были бы сделаны несколькими десятилетиями раньше. Авторитет его среди коми интеллигенции был весьма велик. Один из активных деятелей коми национального возрождения 1920-х годов А.А.Чеусов с гордостью вспоминал о том, что имел честь состоять в переписке с Георгием Лыткиным. Увы, жизнь сложилась иначе, и Г.С.Лыткин остался коми ученым (первым!) по происхождению, но петербуржцем по месту жительства (почти три четверти своей жизни Лыткин прожил в Петербурге, где и занимался научным творчеством; Усть-Сысольску «достались» лишь его детство и юность). Однако деятельность Георгия Степановича стала одной из важнейших вех на пути развития научных исследований в Коми крае, ознаменовала собой переход

от «предыстории» коми гуманитарной науки к ее непосредственному становлению. Уже не за горами было наступление того времени, когда гуманитарные исследования в Коми стали активно проводиться силами местных научных сил. Но путь этот был хотя и относительно короток, но все же далеко не прост. Об этом – наш следующий очерк.

Основная использованная литература и источники

- Арсеньев Ф.А. Ульяновский монастырь у зырян. Сыктывкар, 1994.
- Бадмаев А.В. Г.С.Лыткин как калмыковед // Ученые записки Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории. Элиста, 1967. С. 115–116. (Серия филологии; Вып. 5).
- Бадмаев А.В. Предисловие // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969.
- Бурлыкина М.И. Историческое краеведение. Сыктывкар, 2002. Ч. 2: История краеведческого движения в Коми крае.
- Васкул И.О. Пермь Вычегодская и ее соседи // История Республики Коми. Учебник для общеобразовательных учебных заведений. Сыктывкар, 2000.
- В делях Севера. Русские писатели XVIII–XIX веков о земле Коми / Сост. З.Я.Немшилова. Сыктывкар, 1983.
- Вопросы финно-угорского языкознания. М.-Л., 1962.
- Вычегодско-Вымская летопись // Родники пармы. Сыктывкар, 1989.
- Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа коми. М., 1978.
- Демин В.Н. «Рифмою крылатой свяжем строки...». Сыктывкар, 1999.
- Жеребцов И.Л. А.М.Шёгрэн о Яренске и его истории // Крестьянство Вычегодского края в XVII–XX веках. Яренск, 1999.
- Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф. Коми край: очерки о десяти веках истории. Сыктывкар, 2003.
- Жеребцов Л.Н. Исследования В.А.Русанова по этнографии коми (зырян) // Родники пармы. Сыктывкар, 2000. Вып. V.
- Из переписки Г.С.Лыткина с Н.И.Ильминским / Публ. А.П.Обрезковой; науч. ред. Г.И.Тираспольский // Арт, 2003. № 2.
- Исследователи Коми края. Сыктывкар, 1984.
- История Коми. Сыктывкар, 2004. Т. 1.
- История коми литературы. Сыктывкар, 1980. Т. 2.
- Коми язык. Энциклопедия. М., 1998.
- Костромина И.Н. П.И.Савваитов // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1976.
- Лыткин В.И. Древнепермский язык. М., 1952.
- Лыткин Г.С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. Сыктывкар, 1995.
- Ляшев В.А. К истокам стефановского наследия // Стефан Пермский и современность. Сыктывкар, 1996.
- Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 11, д. 250.
- Национальный архив Республики Коми. Хр. 1, ф. 289, оп. 1, д. 2, 4, 5.

- Плосков И.А., Цыпанов Е.А. Коми гижан культура паньсыяс. Сыктывкар, 2002.
- Подоров В.М. Очерки по истории коми. Сыктывкар, 1933. Т. 1.
- Понарядов В.В. Загадки древнепермской письменности // Арт, 2003. № 2.
- Республика Коми. Энциклопедия. Сыктывкар, 1998. Т. 2.
- Савельева Э.А., Королев К.С. Древние рукописи о Перми Вычегодской. Сыктывкар, 1997.
- Связь времен. Сыктывкар, 2000.
- Святитель Стефан Пермский / Ред. Г.М.Прохоров. СПб., 1995.
- Силин В.И. Очерки по истории географических исследований на территории Коми края. Сыктывкар, 1997. Ч. 2; 1998. Ч. 3; 2003. Ч. 4.
- Смоленцев Л.Н. Божьи меты // Арт, 2003. № 2.
- Стефан Пермский и современность. Сыктывкар, 1996.
- Тираспольский Г.И. И.А.Куратов-языковед. Сыктывкар, 1980.
- «Труд преодолевает все» (Из дневника Г.С.Лыткина) / Публ. И.Н.Костроминой // Известия Общества изучения Коми края. 2004. № 2.
- Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. 1, 2.
- Христианство и язычество народа коми. Сыктывкар, 2001.Цыпанов Е.А.
- Коми язык как государственный: мечта или реальность? // Арт, 2003. № 2.
- Это нашей истории строки. Сыктывкар, 1990.

Очерк 2. Первые организации краеведов

«Зырянский Ломоносов».

Первым по стопам Г.С.Лыткина пошел Каллистрат Фалалеевич Жаков. Судьба этого выдающегося коми ученого-энциклопедиста, писателя, просветителя сложилась непросто. Всю свою жизнь он находился в творческом поиске, стремясь открыть что-то новое в науке, литературе, в постижении мира, найти в нем свое место и помочь другим обрести истину.

Каллистрат Жаков родился 18 сентября 1866 года в маленькой деревушке Давпон близ г. Усть-Сысольска (ныне часть Сыктывкара). Детство его прошло в Коми крае. В 1877 году К.Жакову случайно попала в руки книжка, из которой мальчик узнал, что от Земли до Солнца более 100 миллионов верст. Это так поразило его, что он решил учиться, дабы постичь все то, что оставалось ему неизвестным. (Интерес к астрономии сохранялся у Жакова и в зрелом возрасте – в начале XX века он был избран членом Парижского астрономического общества). К.Жаков учился в Вильгортском начальном (1877–1878) и Усть-Сысольском уездном (1878–1881) училищах, Тотемской учительской семинарии (1881–1884). Во время учебы он много читал по самым разным дисциплинам, в Тотьме стал материалистом и атеистом, был признан неблагонадежным, лишен права преподавания, был рабочим на заводе в Вятской губернии, писарем в Корткеросе. В 1888 году поступил в Вологодское реальное училище, где написал свои первые, еще ученические философские работы «О Боге» и «О границах познания».

В 1891-м К.Ф.Жаков поступил в Петербургский Лесной институт, но вскоре разочаровался в учебе («Науки естественные... мне совершенно ни к чему: нет духа в них»). Студента-зырянина влекло назад в провинцию, в глушь к деревенской несуетной жизни, где, казалось Жакову, сохранилась духовность народа. «Мне захотелось стать священником», – вспоминал Жаков. Живший в Петербурге Г.С.Лыткин, с которым он познакомился (книга Лыткина «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык» произвела на него большое впечатление), одобрил его желание. Жаков уехал на Вологодчину, жил в Заозерской пустыни, преподавал в монастырской школе, но был заподозрен в «вольномудстве», в 1892 году ушел из монастыря, в Вологде задержан полицией и оставлен под гласным надзором полиции до 1895 года.

В 1896-м он стал студентом Киевского университета. Год он проучился на физико-математическом факультете, затем перешел на историко-филологический, одновременно занимался высшей математикой, астрономией, психологией, начал писать стихи. В 1899 году, когда по окончании 3-го курса он приехал на родину, где не бывал целых девять лет. Жаков посетил многие селения, знакомые еще с детства, но открывшиеся ему внезапно

иной, неожиданной стороной. Он, по признанию Жакова, «впервые взглянул... на свои родные деревни, великие реки, дремучие леса как художник... и поразился красотой». Уезжая из Коми края, «полный сказочных сюжетов», по дороге в Устюге в том же году он написал работу «Языческое мирозерцание зырян» (опубликована в 1901-м в журнале «Научное обозрение»). С этой работы началась его научная деятельность.

Осенью 1899 года Жаков перевелся на 3-й курс историко-филологического факультета Петербургского университета. Он читал рефераты по философии и фольклору. Последние были замечены преподавателями, и в 1900-м Жаков получил от Академии наук командировку в Коми край. Результатом этой поездки стала написанная осенью 1900 года работа «Этнологический очерк зырян» (опубликована в 1901-м в журнале «Живая старина»). В двух названных трудах основное место уделено религиозным верованиям коми народа, их истокам и современному состоянию. Можно предположить, что автора интересовала не только (и, возможно, не столько) сама научная проблема; он считал себя неотъемлемой частью зырянского народа и пытался, понять исторические корни своих собственных воззрений, ту основу, на которой они формировались.

В упомянутых выше статьях, а также в изданных позднее научных работах («Историко-статистический очерк зырянского населения», «Судьбы угро-финских племен в историческое и доисторическое время», «К вопросу о составе населения в восточной части Вологодской губернии» «Литературные данные об инородцах Севера» и др.) и ряде художественных и публицистических произведений, содержащих этнографические зарисовки, есть много ценных наблюдений. К.Ф.Жаков описал основные занятия народа коми (охоту, рыболовство, земледелие); его семейный и общественный быт; материальную культуру (народную пищу, постройки и др.; особенно хороши, по мнению Л.Н.Жеребцова, зарисовки народной одежды, по которым прослеживается местная специфика – особенности орнаментации, расцветка тканей, своеобразные черты в обуви и т.д.); сохранившиеся пережитки языческого мировоззрения, их взаимодействие с христианством и связь с природными условиями жизни. Интересен вывод К.Ф.Жакова о наличии определенных различий в духовной культуре промысловой и земледельческой групп коми народа. Ученый уделил внимание этнической истории коми, стремился определить древнейшие районы проживания коми-зырян, причины переселений. Кроме исследований по этнографии коми, К.Ф.Жаков написал ряд работ, посвященных культуре и быту коми-пермяков и удмуртов. В частности, его публикацию «Некоторые черты из исторической и психологической жизни вотяков» известный историк А.И.Андреев в 1929 году назвал в числе основных трудов по истории удмуртов.

К.Ф.Жаков внес крупный вклад в изучение фольклора финно-угорских народов, и в первую очередь коми фольклора. Он в ходе научных экспе-

дийций записал большое количество народных сказок и песен, одним из первых в России применил при этом звукозаписывающее средство – фонограф (некоторые записи демонстрировались им во время отчета о поездке в Русском Географическом обществе). Одновременно с написанием первых работ по этнографии К.Ф.Жаков защитил диссертацию, посвященную проблеме русско-коми фольклорных связей («Народная словесность у зырян и русские сказки»), получившую лестные отзывы выдающихся русских фольклористов – академиков И.Н.Жданова и А.И.Соболевского.

В диссертации (ее основные положения были изложены в журнале «Живая старина» в 1908 году), работах «О зырянских сказках», «Зырянские сказки и методы фольклора», «Параллели между сказками восточных финнов и сибирских инородцев» и др. К.Ф.Жаков дал первую в научной литературе классификацию коми фольклора в целом и коми сказок, в частности, разработал методику изучения северного народного эпоса, описал типы сказителей и певцов, обнаружил и описал новые явления в фольклоре (такие как зарождение и расцвет коми частушечной поэзии). По мнению А.К.Микушева и других исследователей, названные труды К.Ф.Жакова были для своего времени немаловажным событием, собранные им фольклорные материалы содержат немало интересного. Однако выводы К.Ф.Жакова о заимствованном характере большинства сказок и песенно-музыкальной культуры коми не разделяются современными исследователями. Публикациями фольклора К.Ф.Жаков не занимался. Изданные им «Зырянские сказки» (СПб., 1908) и другие книги представляют собой не сами народные произведения, а «вольную авторскую интерпретацию образов и сюжетов коми фольклора».

Лингвистические труды К.Ф.Жакова («Методология и лингвистика», «Японо-зырянский словарь», «Из наблюдений над мордовским языком» и др.) представляют немалый интерес как один из этапов в развитии коми языкознания. «Язык – душа народа... – говорил К.Ф.Жаков. – Долг каждой нации сохранять свой язык и охранять чужие языки, долг каждого человека серьезно и свято относиться не только к языку современных культурных народов, но и к языку народов, не попавших в светлый круг культурно-исторической жизни, народов исчезнувших или исчезающих». Ученый исследовал грамматику коми языка, коми топонимию, историю коми языка. В 1902 году К.Ф.Жаков подготовил работу «О грамматическом строе зырянского языка», получившую высокую оценку одного из крупнейших финских ученых Э.Н.Сэтэля. Положения этой работы были, вероятно, позднее (уже после революции 1917 года) развиты К.Ф.Жаковым в «Зырянской грамматике» (или «Грамматике зырянского языка»), текст которой, к сожалению, не обнаружен. Большое внимание уделял лингвистическим трудам К.Ф.Жакова один из крупнейших российских лингвистов И.А.Бодуэн-де-Куртенэ.

Особую известность в российской лингвистической науке и европейском финно-угроведении того времени К.Ф.Жаков получил как исследователь родства коми языка с языками других народов. Он справедливо указал на родство ненецкого с коми и другими финно-угорскими языками. Знаменателен вывод К.Ф.Жакова о том, что коми и другие угро-финские языки близки алтайским языкам. Проблему родства уральских (в том числе и финно-угорских) и алтайских языков впоследствии изучали многие лингвисты, и, как отмечает Е.А.Цыпанов, современное финно-угроведение вполне признает возможность этого древнего родства. По данным А.И.Туркина, в рукописных работах исследователя, наряду с вопросами грамматического строя коми языка, дана также характеристика некоторых коми говоров и диалектов; В.А.Латышева пишет, что К.Ф.Жаков намеревался составить диалектологический словарь коми языка, в котором сохранился бы говор каждого коми селения.

Литературоведческая деятельность К.Ф.Жакова также представляет собой существенную сторону его научного творчества. Он первым заговорил о произведениях И.А.Куратова, стихи которого, найденные К.Ф.Жаковым в Визинге, представляли, с точки зрения ученого, большой интерес. «Я думаю о... зырянских поэтах, которых никто не знает... Куратов... переведил стихи Байрона, Шиллера и других на зырянский звучными стихами. И что же, рукопись его валяется в шкапу у визингского священника, никто ее не знает, никто не читает. В таком положении... Ключков, Лыткин... Ни зыряне, ни русские не знают их».

По оценке В.А.Латышевой, К.Ф.Жаков изучил творчество крупнейших представителей литературы всех стран и народов. Его перу принадлежит ряд глубоких философско-критических работ, посвященных творчеству российских и зарубежных писателей (от античности до начала XX века) К.Гамсуна, А.Доде, Л.Н.Андреева, А.П.Чехова и др. («Личность и общество в учениях Ницше, Достоевского и Толстого», «Иван Карамазов (попытка философского истолкования романа Достоевского «Братья Карамазовы)»), «Кнут Гамсун и основные мотивы в его творчестве» и др.). Таким образом, К.Ф.Жаков – один из первых коми литературоведов и литературных критиков, исследователей коми и мировой литературы.

Помимо всего этого, К.Ф.Жаков интересовался археологией (проводил небольшие раскопки и хотел организовать в Коми крае широкие археологические исследования), антропологией (в его публикациях приводятся антропологические данные населения Коми края), а также многими другими науками: логикой, педагогикой, психологией, геологией, экономикой, статистикой, фармакологией. За труды по математике и астрономии его избрали членом Парижского астрономического общества. Не зря современники называли его «Зырянским Ломоносовым».

Исследования Жакова привлекли внимание видных российских и финских ученых Д.К.Зеленина, М.М.Филиппова и др. Академик В.И.Ла-

манский предсказал ему блестящее научное будущее. За «работы о зырянах» он был удостоен большой серебряной медали Русского географического общества в 1901 году. Избирался членом Петербургского философского общества, Московского психологического общества, Иркутского археологического общества, Русского географического общества, Архангельского общества изучения Северного края, сотрудничал с ведущими научными и культурно-просветительскими журналами России («Живая старина», «Научное обозрение», «Вестник знаний», «Вопросы философии и психологии», «Нева», «Ясная поляна»).

Постепенно К.Ф.Жаков все большее внимание стал уделять философии. Он создал оригинальное философское учение «лимитизм» (от латинского слова «limes» – «предел»), одно из ключевых положений которого гласило, что «познание – переменная величина, идущая к своему пределу, к бытию». Свое философское учение К.Ф.Жаков иногда называл теорией переменного и предела. Согласно его теории, человеческие ощущения, представления и понятия совпадают с самими вещами, то есть материальным миром, как переменная величина и предел при условии, если иметь в виду познание общих свойств мира, а не его частных. Познание есть переменная величина, идущая к своему пределу, к бытию; в основе всего «Первопотенциал или Бог», который «беспределен во всех направлениях и во всех смыслах и познать его нельзя. Действует он бесконечно разнообразно, но отношение его к космосу познаваемо». Лимитизму посвящены работы К.Ф.Жакова «Теория переменного и предела в гносеологии и в теории познания», «Лимитизм: теория переменного и предела в гносеологии», «Основы эволюционной теории познания (лимитизм)» и др. Учение К.Ф.Жакова о лимитизме получило распространение среди его студентов и слушателей в Петербурге, а затем в Эстонии и Латвии. В 1921 году в Латвии было официально зарегистрированы Латвийское общество философии лимитизма и Академия философии лимитизма. На Украине его философское учение отразилось на формировании украинского футуризма в поэзии. Одни оценивают философские взгляды Жакова как разновидность объективного идеализма, другие – как естественно-научный, стихийный материализм, третьи считают его создателем «синтетически-эволюционной философии», четвертые приходят к выводу, что его скорее можно отнести не к ученым-философам, а к мыслителям, усиленно ищущим смысл жизни и место коми народа в мировой системе. К.Ф.Жаков был оригинальным мыслителем, который сочетал непосредственность народного синкретического мышления с европейской эрудицией. Недаром П.А.Сорокин отмечал интеллектуальную независимость К.Ф.Жакова от всех модных течений мысли.

К.Ф.Жаков вел большую культурно-просветительскую работу, много ездил по стране с лекциями, побывал в центральной России, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, был в Финляндии, Китае, Японии. Почти

ежегодно К.Ф.Жаков приезжал в Коми край, стараясь по мере сил содействовать просвещению местного населения. Неотъемлемой частью просвещения, народного образования он считал изучение родной культуры, истории родного народа. Жаков предлагал провести реформу школьного образования, потому что существовавшая система не отвечала потребностям населения. Он находил совершенно ненормальным, что в школах не уделяется никакого внимания родному краю. «Изучается ли в школах флора и фауна своего уезда, топография местности, богатства края, этнографические особенности того уголка, где находится та или иная школа? Нет...» «Мы следуем изречению: “Знай всё, кроме себя”», – с негодованием писал К.Ф.Жаков. А между тем, подчеркивал он, «знание богатств своего края может породить творчество новых форм жизни... Знание своей местной, родной почвы, ее богатств, родного языка – необходимое условие развития полезных членов государства».

Ученый-энциклопедист К.Ф.Жаков стал своего рода предтечей для коми ученых, педагогов, просветителей, журналистов двадцатых-тридцатых годов. Его последователи уже в послереволюционные десятилетия осуществили жаковские идеи издания коми газеты, литературы на коми языке, внедрения в учебные программы изучения коми языка, коми культуры, географии и экономики родного края, открытия в Коми крае технических училищ и иных новых учебных заведений, дававших бы более разностороннее образование, объединения ученых различных специальностей и энтузиастов краеведов для изучения Коми края, народа коми. В сущности, в многочисленных публикациях и выступлениях К.Ф.Жакова была сформулирована программа национального возрождения коми народа. Не случайно не только деятели коми культуры, просвещения и науки, но и многие политические деятели двадцатых годов постоянно обращались к трудам и идеям К.Ф.Жакова, считали их чрезвычайно важными и актуальными в эпоху становления национальной государственности Коми.

Жаков-мыслитель не мог пройти мимо стоявших перед российским обществом начала XX века проблем, не мог не задумываться над путями его переустройства. Осенью 1905-го, когда в России после знаменитого царского манифеста 17 октября, открывшего путь к демократическим переменам в стране, стали возникать многочисленные политические партии и группы, К.Ф.Жаков вошел в Демократический союз конституционалистов (Союз народной свободы) и даже возглавил эту партию, выступавшую за установление конституционной монархии, за улучшение экономического положения населения, за духовное освобождение человека, но в 1906-м отошел от политической деятельности.

Весной-осенью 1917 года, после закрытия Психоневрологического института, Жаков жил в Прибалтике – вначале у родственников жены, потом преподавал в Юрьевском (Тарту) университете. В конце 1917-го

Жаков уехал в Псков, преподавал там до лета 1919 года, затем вернулся в Прибалтику, жил в г. Валга на границе Эстонии и Латвии, читал лекции в Тарту и Таллине, в конце 1921-го уехал в Ригу, где зарабатывал себе на существование чтением платных лекций, продолжал писать научные, научно-популярные и художественные произведения.

К.Ф.Жаков мог стать первым профессиональным ученым, работавшим в Коми: в 1921 году его приглашали в Усть-Сысольск для работы в Институте народного образования, однако приезд на родину не состоялся. Через несколько лет, в 1925-м, К.Ф.Жаков вел переписку относительно своего возвращения в РСФСР для преподавательской работы в Пермском университете. Была даже достигнута договоренность на сей счет, но болезнь и смерть Жакова 20 января 1926 года помешали этому.

На смерть К.Ф.Жакова журнал «Коми му», издававшийся Коми облисполкомом и Обществом изучения Коми края, откликнулся в 1926 году некрологом, завершавшимся так: «У коми народа есть крупные исторические личности, принадлежащие каждая своему времени. Каждое из этих имен – эпоха, которую надо изучать с бесстрашием историка, с пламенем любви к национальному возрождению и с почтительным уважением к своему родному прошлому».

«Работа в области науки нужна народу».

Коми этнографии посвятил свои первые научные труды уроженец с. Туръя Питирим Александрович Сорокин (1888–1968), выдающийся российско-американский социолог, один из крупнейших ученых XX века. С 1907 года он жил в Петербурге, учился на общеобразовательных курсах, в Психоневрологическом институте, Петербургском университете, затем преподавал в последнем, осенью 1916-го стал приват-доцентом университета, готовился к защите магистерской диссертации, но помешала революция.

Еще в студенческие годы П.А.Сорокин опубликовал более пятидесяти научных работ по этнографии, литературоведению, социологии и юриспруденции. В их числе была и крупная монография «Преступления и кара, подвиг и награда», высоко оцененная видными отечественными учеными. Под влиянием К.Ф.Жакова, с которым он побывал в нескольких экспедициях по Коми краю (первая из них состоялась в 1908-м), П.А.Сорокин заинтересовался этнографией, собирал материалы по материальной культуре коми (одежде, поселениям, жилищам и т.п.), обычаям, семейному быту, верованиям. Он владел научной методикой сбора этнографического материала: «ставил один вопрос за другим и получал коллективно-проверенные ответы»; опросы вел «с тетрадью и карандашом в руке, с фотографическим аппаратом на боку»; поддерживал научные контакты со специалистами. В 1910 г. были опубликованы первые работы П.А.Сорокина «Рыт-Пукалом. Рассказ из жизни северной деревни» («Архангельские

губернские ведомости»), «Грезы севера» и «Пережитки анимизма у зырян» («Известия Архангельского общества изучения Русского Севера»). В последующие годы П.А.Сорокин опубликовал в изданиях Архангельского общества изучения Русского Севера и Вологодского общества изучения Северного края статьи «К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян», «Современные зыряне», «К вопросу о первобытных религиозных верованиях зырян». Эти статьи по этнографии коми были написаны в духе классического эволюционизма. Самая важная из них, по мнению современных ученых, – работа «Современные зыряне», в которой определены границы этнической территории коми, описаны основные хозяйственные занятия, календарная и семейная обрядность, традиционное крестьянское жилище и др.

П.А.Сорокин увидел черты новых социально-экономических отношений, которые пронизывали жизнь коми деревни в начале XX века, первым дал подробное описание и характеристику увиденного им развития традиционных культурных процессов, исследовал явления духовной традиции. Как считают Д.А.Несанелис и В.А.Семенов, не все выводы, сделанные П.А.Сорокиным в его ранних работах, разделяются современными этнологами (в частности, рассуждения П.А.Сорокина о «добрачной свободе» у коми), однако это не умаляет в целом значения его этнографических трудов. Исследователь справедливо отмечал, что «работа... в области науки и народного просвещения всегда полезна, всегда нужна народу». Он придавал большое значение вовлечению людей в изучение родного края. Им была составлена специальная «Программа по изучению зырянского края», изданная в 1918 году. Постепенно все больший интерес ученого стала привлекать новая тогда наука – социология, и он отошел от этнографии.

Еще в годы первой русской революции П.А.Сорокин вступил в партию социалистов-революционеров, публиковался в эсеровских изданиях, установил контакты с депутатами партии социалистов-революционеров и некоторых других фракций в Государственной Думе (в частности, близко познакомился с будущим премьер-министром Временного правительства А.Ф.Керенским), неоднократно попадал в тюрьму. К захвату власти большевиками П.А.Сорокин отнесся резко отрицательно, в начале января 1918-го как один из лидеров правых эсеров был арестован, через некоторое время освобожден и уехал в Москву. Там Сорокин встретился с Керенским, в мае 1918-го отправился на север России. Лето и осень 1918 года Сорокин провел в Яренском уезде, в районе Устюга, Котласа, поначалу действуя легально, выступая с лекциями, затем пришлось уйти в подполье, скрываться в лесах. В конце концов он решил сдать себя чекистам и был заключен в устюжскую тюрьму. В конце ноября его отправили в Москву, в декабре 1918-го освободили.

Вскоре П.А.Сорокин уехал в Петроград и 23 декабря 1918 года стал преподавателем юридического факультета университета. В 1920-м он опубликовал двухтомную работу «Система социологии». От политики он отошел, но, тем не менее, его несколько раз собирались арестовывать, в 1921-м лишили права преподавания. В апреле 1922 года П.А.Сорокин защитил магистерскую диссертацию по книге «Система социологии», а в сентябре того же года его вместе с большой группой российских интеллигентов выслали за границу. В дальнейшем он жил в Чехословакии, потом в США, где преподавал в университетах Миннесоты и Гарварда. В Америке П.А.Сорокин обосновал социологическую концепцию циклической смены трех типов культуры, оказавшую огромное влияние на все области гуманитарного знания. Разработанные им социологические теории принесли ему заслуженную мировую известность. Умер он в США в 1968 году.

Медаль за ценные работы.

В 1903 году появились первые научные публикации известного коми этнографа Василия Петровича Налимова (1879–1938), родившегося в с. Выльгорт. До 1903-го он работал фельдшером «по разным уголкам Зырянского края», попутно собирая материалы о культуре и быте коми народа. В 1903-м В.П.Налимов приехал в Москву, был медработником в различных учреждениях. В том же году в журнале «Этнографическое обозрение» были изданы его статьи «Некоторые черты из языческого мирозерцания зырян» и «Мор и Икота у зырян». В 1905 году В.П.Налимов сдал экзамены на аттестат зрелости и получил право поступить в университет.

По данным этнографа Д.А.Несанелиса, в 1906 году В.П.Налимов установил контакты с научным Финно-угорским обществом (Хельсинки), плодотворно сотрудничал с ним в дальнейшем, был избран стипендиатом общества, в 1907 и 1908 годах ездил с видными финскими учеными Сирелиусом и Тальгреном в совместные экспедиции в Коми край, Прикамье и Поволжье, в 1908-м побывал в Финляндии, где изучал финскую этнографию и язык. Обучаясь на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета, В.П.Налимов являлся сотрудником Нового Энциклопедического словаря, писал статьи о коми и некоторых других народах России для разных изданий. В 1907 году В.П.Налимов получил Большую серебряную медаль Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии за его «ценные работы» и «в благодарность за доставленные обществу материалы о зырянах», а также диплом общества.

В 1907–1910 годах В.П.Налимов опубликовал работы «Загробный мир по верованиям зырян», «К вопросу о первоначальных половых отношениях у зырян», подготовил фундаментальный рукописный трехтомный

труд «Материалы по этнографии зырян и пермяков» (хранящийся ныне в научном архиве Финно-угорского общества в Хельсинки), за который в 1910-м был удостоен премии Великого князя Сергея Александровича. Как отмечают исследователи Д.А.Несанелис и В.А.Семенов, в этнографических трудах В.П.Налимова проанализирована система правил и запретов, характерная для взаимоотношений представителей различных половозрастных групп, предпринята попытка выявить систему традиционных представлений о соотношении мира живых и мира предков, рассмотрены некоторые взгляды коми на причины заболеваний и магические способы их исцеления, а также ряд других вопросов, связанных с этнографией коми.

В 1912-м В.П.Налимов закончил университет по специальности «антропология и география», работал в г. Дмитрове под Москвой, заведовал статистическим отделом земства в Пензе, стал профессором университета в Нижнем Новгороде. С 1922 года он работал в Москве: преподавал в разных вузах, сотрудничал в НИИ народов Востока, Географическом НИИ при МГУ. Василий Петрович пользовался огромным авторитетом среди российских и зарубежных ученых. Он бывал в Коми крае, поддерживал связи с местными краеведами, публиковался в местных изданиях. Судьба его сложилась трагически: в 1938 году ученого арестовали, этапировали в Сыктывкар, где он и умер в тюрьме в том же году.

Два Алексея.

Деятельность Г.С.Лыткина и его последователей К.Ф.Жакова, П.А.Сорокина, В.П.Налимова оказала решающее воздействие на активизацию краеведческой работы в Коми крае. В самом начале XX века на стезю гуманитарного краеведения ступили два Алексея – Алексей Александрович Чеусов (1882–1940) и Алексей Макарович Мартюшев (1874 – после 1938), ставшие со временем заметнейшими фигурами среди местных краеведов. На первого из них, А.А.Чеусова, Г.С.Лыткин, К.Ф.Жаков, В.П.Налимов оказали самое непосредственное воздействие.

Уроженец села Выльгорт, А.А.Чеусов с 1900 года переписывался с Г.С.Лыткиным, который оказал на него огромное влияние (позднее Георгия Степановича называли «духовным отцом» Чеусова). Знакомство с Г.С.Лыткиным способствовало усилению интереса Алексея Александровича к коми филологии и этнографии. Г.С.Лыткин был первым редактором стихотворений Чеусова – литературным творчеством он занимался с 1899 года, вначале писал стихи на русском языке. Позднее А.А.Чеусов вспоминал, что на коми языке он стал писать именно под влиянием Г.С.Лыткина.

В 1901 году Чеусов, по его собственным словам, начал заниматься наукой, но в чем конкретно выражались эти занятия, точно не известно. Возможно, он имел в виду свою встречу с известным финским лингвистом Вихманом, посетившем Коми край. А.А.Чеусов оказал ему определенную

помощь. С Вихманом Чеусов контактировал и позднее; поддерживал он связи также с Сирелиусом, с Финно-угорским обществом в Хельсинки.

В 1903-м А.А.Чеусов, по его выражению, «углубился в литературные и этнографические работы», издал в Вологде книжку «Стихотворения зырянина» (на русском языке), познакомился с К.Ф.Жаковым и В.П.Налимовым, завязал с ними переписку. Жаков искренне интересовался деятельностью Чеусова и даже, по воспоминаниям дочери Алексея Александровича, писал ему: «Надеюсь на тебя, ты будешь продолжателем моего дела». Особенно тесно А.А.Чеусов контактировал с В.П.Налимовым. Позднее Алексей Александрович вспоминал, что они с Налимовым «еще в 1903–1905 годах... осознали необходимость культурно-национального самоопределения коми народа, коми автономии».

В 1904-м Г.С.Лыткин выбрал отредактированные им четыре стихотворения А.А.Чеусова для публикации в авторитетном московском журнале «Этнографическое обозрение». В этом же номере была помещена и заметка Чеусова «К зыряноведению», в которой, впрочем, нашли отражение не столько какие-либо научные обобщения или материалы, сколько само стремление автора изучать коми язык. Правда, сам Алексей Александрович (питавший склонность к высокопарным оборотам речи) в своей автобиографии позже писал, что в то время «открыл» «филологический закон о движении коми языка и народа».

Уроженец Усть-Щугора земский служащий А.М.Мартюшев об «открытии законов» не помышлял и с мэтрами науки не переписывался, однако же его вклад в коми краеведение в первые годы XX столетия оказался, пожалуй, покрупнее, чем у Чеусова. В 1904 году в Вятке была напечатана небольшая книга Алексея Макаровича «Краткий очерк кустарных промыслов населения Усть-Сысольского уезда». И хотя она вовсе не задумывалась как краеведческая, а преследовала совсем иные цели (осветить современное автору состояние промыслов, дабы на этой основе наметить возможные перспективы их развития), однако же, как отмечал позднее видный коми этнограф Л.Н.Жеребцов, книга А.М.Мартюшева представляет немалый интерес для коми этнографии и истории. Действительно, в своей работе Алексей Макарович изложил интересные сведения о занятиях жителей Коми края: смолокурении, изготовлении лодок, глиняной и деревянной посуды, гармоник, сапог, столярном, кузнечном и других промыслах. Подробнее всего А.М.Мартюшев рассказал о брусняном промысле на Печоре, расположенном близ родного ему Щугора – об его истории, условиях жизни работников и многом другом.

Потомок польского гвардейца.

С самого начала XX столетия началась и исследовательская деятельность устьсысольца Андрея Андреевича Цембера (1874–1957), сыгравшего, без преувеличения, ключевую роль в развитии гуманитарного краеведения

в Коми в период между двумя революциями. Потомок польского гвардейца, сосланного в Усть-Сысольск за участие в восстании 1830–1831 годов, А.А.Цембер получил весьма приличное по тем временам для усть-сысольца образование – закончил приходскую школу, Усть-Сысольское городское училище, Тотемскую учительскую семинарию (в 1893 году). Затем он преподавал в учебных заведениях Керчомьи и Усть-Сысольска, заведовал Усть-Сысольской городской библиотекой.

Позднее сам Андрей Андреевич писал, что его научная работа началась в 1901 году. В 1901 году А.А.Цембер помогал уже знакомому нам финскому ученому Ю.Вихману в сборе материалов и в составлении немецко-финно-зырянского словаря, а год спустя уже самостоятельно по поручению Финно-угорского общества (Хельсинки) осуществил поездку на р. Локчим, где записывал коми фольклор (сказки, песни, пословицы), и с тех пор, по собственному признанию, «серьезно занялся собиранием зырянских народных произведений». А.А.Цембер контактировал с Г.С.Лыткиным, за переводы его работ был представлен к денежной награде – в том же 1904 году, в котором были изданы работы Чеусова и Мартюшева.

К сожалению, успехи казавшегося многообещающим 1904 года не были развиты: в годы первой русской революции (1905–1907) Чеусов и особенно Мартюшев увлеклись политикой, и краеведение для них на время отошло на задний план. Они находились под надзором полиции, занимались сельским хозяйством, потом служили в армии и лишь через полтора-два десятилетия, в двадцатых годах, вновь с новыми силами взялись за краеведческую работу.

А.А.Цембер в политике оказался не замешан, но в революционные годы и ему было, наверное, не до краеведения, тем более что из педагога и работника культуры он решил переквалифицироваться в сборщика денег с казенных винных лавок, в 1907 побывал в Петербурге, дабы стать членом Российской биржевой артели. Впрочем, подобный род занятий вряд ли позволял Андрею Андреевичу реализовать свой духовный потенциал, поэтому в 1907 году он охотно оказывал помощь в собирании этнографических материалов видному ученому из Финляндии У.Т.Сирелиусу и в конечном итоге взвалил на себя нелегкое бремя лидера коми гуманитарного краеведения – очевидно, не без влияния своего хорошего знакомого К.Ф.Жакова, являвшегося, по данным исследователя В.Ф.Паршуков, крестного отца сына Андрея Андреевича Юрия. Оживлению краеведческой работы в Коми способствовало образование на Севере России первых краеведческих организаций – Архангельского общества изучения Русского Севера (1908) и Вологодского общества изучения Северного края (1909), подсказавшее путь, по которому следовало идти местным краеведам.

Члены АОИРС и ВОИСК занимались, в частности, изучением культуры и быта населения Архангельской и Вологодской губерний, истории

региона. В Архангельском обществе изучения Русского Севера активнейшим образом сотрудничал К.Ф.Жаков, вступили в него вскоре после образования и некоторые жители Коми края, включая устьсысольца О.М.Латкина. Уже в год образования АОИРС Каллистрат Жаков, будучи в Усть-Сысольске, призвал местных интеллигентов к сбору устного народного творчества коми, к составлению сборников коми фольклора. Вероятно, именно под влиянием К.Ф.Жакова А.А.Цембер решил организовать в своем городе именно отделение Архангельского, а не Вологодского краеведческого общества, хотя Усть-Сысольский уезд относился не к Архангельской, а как раз к Вологодской губернии.

1910 год оказался весьма знаменательным для коми краеведения: в тот год в Усть-Сысольске издали составленный А.А.Цембером «Русско-зырянский словарь», разосланный по всем школам уезда, а 14 декабря состоялось первое общее собрание семи членов-организаторов Усть-Сысольского отделения АОИРС, участники которого решили начать работу отделения в январе 1911-го. Комитет Усть-Сысольского отделения возглавил А.А.Цембер. За год, как сообщает историк Л.П.Рошевская, Усть-Сысольское отделение численно выросло почти в девять раз (55 членов и членов-корреспондентов в начале 1912 года), плодотворно занималось сбором этнографических и археологических экспонатов и коми фольклора (в соответствии со специальной инструкцией А.А.Цембера).

В августе 1911-го А.А.Цембер предложил уездной земской управе организовать в Усть-Сысольске музей. 4 (17) октября уездное земское собрание постановило заложить в смету расходов 1912 года выделение местному отделению АОИРС денег для нужд музея, что и было сделано. Хотя официально музей как учреждение, субсидируемое из средств местного бюджета, начал работу в 1912-м, в сущности, он стал создаваться еще в предшествовавшем году: в течение 1911 года краеведы собрали для музея 32 экспоната, 648 томов книг, которые легли в основу научной библиотеки музея, поэтому вполне закономерно, что датой создания музея специалисты считают именно 1911 год. Возглавил работу музея А.А.Цембер.

Музей, в сущности, являлся частью, причем важнейшей, отделения АОИРС, тем центром, вокруг которого, в основном, и строилась работа членов отделения в последующие годы. Так в Усть-Сысольске появилась организация (или, можно сказать, даже две организации – одна сугубо общественная, а вторая, музей, финансируемая из местного бюджета), занимавшаяся, главным образом, гуманитарными краеведческими исследованиями. Мы говорим «главным образом», поскольку краеведение предусматривало, конечно, и изучение природы родного края. Но благодаря вполне определенным научным интересам своего лидера деятельность Усть-Сысольского отделения АОИРС и усть-сысольского музея имели явную гуманитарную направленность (Андрей Андреевич в 1912 году

сообщал уездной управе, что цель отделения – «собрать и изучать зырянские народные произведения, верования, обычаи и т.д.». Фонды музея полнились экспонатами (за два-три года их число выросло вдвое). Собранные отделением АОИРС фольклорные тексты были опубликованы в 1913 и 1914 годах в специальных сборниках, подготовкой которых занимался неутомимый А.А.Цембер. Первый сборник, собственно, является плодом исключительно его собственных усилий: все опубликованные там тринадцать сказок и обе песни были записаны лично Андреем Андреевичем в 1909–1912 годах («Эти сказки записывал я. Как говорили, так и писал – ни одного слова не изменил», – сообщал он в предисловии). Примерно в те же годы в Яренске было организовано местное отделение Вологодского общества изучения Северного края (вполне возможно, по инициативе П.А.Сорокина, сотрудничавшего с этим обществом), но оно не стало столь же активно действующим, как устьсысольская организация краеведов.

Наряду с очевидными успехами в развитии гуманитарного краеведения в Коми налицо были и его слабые стороны. Изучение тех или иных сторон культуры и быта населения, истории региона велось непрофессионалами, занимавшимися этими вопросами в большинстве своем от случая к случаю, в свободное время. Пожалуй, единственным человеком, неустанно и практически каждодневно уделявшим внимание краеведческой работе, являлся А.А.Цембер – но и ему приходилось, естественно, думать о хлебе насущном, так что сосредоточиться исключительно на исследовательской работе не представлялось возможным.

Держалось все на энтузиазме одного-единственного человека – А.А.Цембера. Стоило ему уехать – вначале в Вологду (в 1914-м), а затем на Украину (в 1916-м), как устьсысольские краеведы резко сбавили обороты, третий фольклорный сборник так и не вышел, а в 1916 году отделение АОИРС и музей и вовсе фактически прекратили деятельность (экспонаты, к счастью, никуда не пропали и хранились в той же комнате городской управы, которая была выделена под музей при его открытии). Впрочем, надо учесть, что время наступило архисложное: когда забушевала мировая война, постепенно затрещал по швам социально-экономический механизм Российской империи, стало не до изучения коми языка и традиционных обрядов... Тот же Цембер вернулся к исследовательской работе лишь по возвращении в Усть-Сысольск четыре года спустя. Но если уезжал он, имея, так сказать, неофициальный статус главного в Коми крае специалиста в изучении зырян (в первую очередь, их языка, а также фольклора, этнографии), то по возвращении обнаружил, что место ведущего коми языковеда «занято».

Основная использованная литература и источники

- Архив Русского географического общества. Ф. 53, оп. 1, д. 91.
Белоконь С.И. Зырянский Фауст // Даугава, 1988. № 5.
Бурлыкина М.И. Историческое краеведение. Сыктывкар, 2002. Ч. 2: История краеведческого движения в Коми крае.
Голосенко И.А. Питирим Сорокин: судьба и труды. Сыктывкар, 1991.
Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. СПб., 1912. Ч. 1.
Жакова Л.В. К.Ф.Жаков как педагог // Арт, 2001. № 3.
Жеребцов И.Л. Изучение национальной культуры народа коми и общественная мысль в Коми крае в начале XX в. // Методологические проблемы изучения истории общественной мысли (на материале народов РСФСР). Казань, 1990.
Жеребцов И.Л. «Создам я сказку всемирную...» // Родники пармы–90. Сыктывкар, 1990.
Жеребцов И.Л. Поэт, краевед, журналист, «контрреволюционер» // Покаяние. Мартиролог. Сыктывкар, 1999.
Жеребцов И.Л. «Остался навсегда беспартийным...» // Республика Коми: от Батиева до Спиридонова. Сыктывкар, 1997.
Жеребцов И.Л. «Зырянский Фауст» в поисках Бога // Арт. Сыктывкар, 1997.
Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Создатели русской литературы Коми края (конец XIX – начало XX века) // Северный текст в русской культуре. Архангельск, 2003.
Жеребцов И.Л., Кузнецова Т.Л. Вунёдлём ним // Войвыв кодзув, 1989. № 9.
Жеребцов Л.Н. Историография этнографии народа коми (обзор источников досоветского периода) // Проблемы историографии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1987.
Исследователи коми края. Сыктывкар, 1984.
История Коми. Сыктывкар, 2004. Т. 2.
История коми литературы. Сыктывкар, 1980. Т. 1.
«Остался навсегда беспартийным» // Родники пармы-93. Сыктывкар, 1993.
Плюсков И.А., Цыпанов Е.А. Коми гижан культура паньсыяс. Сыктывкар, 2002.
Коми язык. Энциклопедия. М., 1998.
Котылева И.Н. Переписка В.П.Налимова с родственниками: штрихи к портрету ученого // Краеведение в Республике Коми: история, современность, перспективы. Сыктывкар, 2004.
К.Ф.Жаков. проблемы творчества. Сыктывкар, 1993.
Латышева В.А. К.Ф.Жаков и фольклор // Всесоюзная конференция по финно-угроведению. Йошкар-Ола, 1969.
Латышева В.А. К.Ф.Жаков и германо-скандинавская литература // Вопросы советского финно-угроведения. Саранск, 1972.
Лимеров П.Ф. Статья В.П.Налимова по традиционному мировоззрению коми в контексте современных исследований // Арт, 2000. № 1.
Налимов В.В. Мой отец // Парма, 1994. № 1–2.
Научные экспедиции и исследования Коми края. Сыктывкар, 1993. Т. 1.
Национальный архив Республики Коми. Хр. 1, ф. 1010, оп. 1, л. 20.

- Несанелис Д.А., Семенов В.А. Профессор В.П.Налимов, «финский шпион» // Родники пармы. Сыктывкар, 1996. Вып. IV.
- Несанелис Д.А., Семенов В.А., Агапитова М.Г. Этнограф Василий Налимов // Они любили край родной. Сыктывкар, 1993.
- Они любили край родной. Сыктывкар, 1993.
- Паршуков В.Ф. Первые шаги // Известия Общества изучения Коми края. 2004. № 3.
- Роцевская Л.П. Коми ученый К.Ф.Жаков. Сыктывкар, 2003.
- Связь времен. Сыктывкар, 2000.
- Семенов В.А. Путь «инородца» в России царской и советской // Арт, 2000, № 1.
- Силин В.И. Очерки по истории географических исследований на территории Коми края. Сыктывкар, 1997. Ч. 2.
- Сорокин П.А. Долгий путь. Сыктывкар, 1991.
- Сорокин П.А. Этнографические этюды. Сыктывкар, 1999.
- Стрекалова В.М. Перелистывая страницы истории // Музеи и краеведение. Сыктывкар, 2001. Вып. 3.
- Творчество К.Ф.Жакова. Сыктывкар, 1991.
- Терюков А.И. Из истории изучения обрядов жизненного цикла коми // Арт, 1999. № 3.
- Титова Н.В. Что имеем – то храним // Музеи и краеведение. Сыктывкар, 2001. Вып. 3.
- Туркин А.И. Каллистрат Фалалеевич Жаков // Жаков К.Ф. Под шум северного ветра. Сыктывкар, 1990.
- Федорович И.В. Эволюционная философия К.Ф.Жакова // Музеи и краеведение. Сыктывкар, 2004. Вып. 5.
- Христианство и язычество народа коми. Сыктывкар, 2001.
- Цыпанов Е.А., Жеребцов И.Л. О некоторых взглядах Каллистрата Жакова на язык // Советское финно-угроведение. Таллин, 1989. № 4.
- Шарапов В.Э. Материалы В.П.Налимова по традиционному мировоззрению коми в исследованиях европейских финно-угроведов I пол. XX в. // Арт, 2000. № 1.
- Zherebtsov I. In Search of God // N66 – Kulturi Barentsregionen. 1999. № 7.

Очерк 3. «Подлинный исследователь-лингвист»

Путь в науку.

Нашелся человек, который в трудные годы войны добился выдающегося результата – разработал оригинальный коми алфавит. Этим человеком был Василий Александрович Молодцов. Он родился 20 декабря 1885 (1 января 1886) года в Тентюково (сейчас – часть г. Сыктывкара), закончил уездное училище, в 1903 году поступил в учительскую семинарию в Тотьме. Там будущий лингвист увлекся политикой, распространял в 1905-м эсеровскую литературу. Окончив семинарию в 1907 году, Молодцов устроился учителем в д. Парч на Вычегде, но уже в 1908-м был, по его словам, «освобожден от должности по неблагонадежности» и уехал в Петербург, где год проучился на общеобразовательных курсах, но со второго курса (в 1909-м) ушел.

В следующем году ему удалось устроиться учителем-заведующим в д. Михеево Тотемского уезда, а по окончании учебного года в 1910-м В.А.Молодцов вернулся в Петербург и поступил в Петербургский учительский институт. Возможно, именно во время учебы в Петербургском институте он заинтересовался лингвистикой, ставшей чуть позднее делом всей его жизни. Вполне вероятно, что в Петербурге (не исключено, что еще в первый свой приезд, в 1908–1909-м) Молодцов познакомился со своими знаменитыми земляками К.Ф.Жаковым и П.А.Сорокиным (Георгия Лыткина он в живых уже не застал), и те, в особенности Жаков, оказали воздействие на появление у него интереса к науке. В январе 1914 года В.А.Молодцова призвали на военную службу, но служить рядовым довелось всего три месяца – обнаружился порок сердца. В учительском институте Молодцов получил специальность учителя высшего начального училища и в таком качестве приехал на верхнюю Лузу, в село Ношуль.

Преподавание на коми языке в школах, где абсолютное большинство учеников составляли коми, плохо знавшие русский язык, считалось ненужным – или, по крайней мере, невозможным из-за отсутствия необходимой учебной литературы на коми языке. Вопросы коми языкознания оставались тогда весьма слабо разработанными, не существовало даже алфавита для коми языка; при письме пользовались русским алфавитом, его же использовали и при печатании коми текстов в книгах. Видимо, именно в Ношуле Василий Александрович в полной мере оценил существовавшую проблему и, наряду с преподавательской работой, занялся исследованием коми языка.

Особое внимание он уделял составлению коми алфавита. Во всяком случае, В.И.Лыткин позднее писал, что В.А.Молодцов «за несколько лет до революции (1917 года – *Авт.*) составил зырянский шрифт по последнему слову науки, советуясь со знатоками филологии и каллиграфии (Петроград), изучая язык народа коми, тогда никому не нужный». С кем именно

из петроградских ученых консультировался Молодцов, не известно – быть может, с К.Ф.Жаковым или с ведущими российскими лингвистами, с которыми он мог познакомиться опять-таки с помощью Жакова. Вероятно, с местными краеведами, объединившимися вокруг отделения АОИР и музея, Василий Александрович по каким-то причинам особо не контактировал. Осенью 1915 года Молодцова призвали в армию. Несколько месяцев он прослужил рядовым, предложение отправиться в военное училище отклонил, а в начале 1916-го его снова демобилизовали из-за порока сердца, и Василий Александрович вернулся в Ношуль.

Алфавиту – быть.

После Февральской революции положение в народном образовании стало меняться к лучшему. Начала создаваться новая система обучения школьников. В.А.Молодцов принял в этом активное участие. Он уехал в Яренск, устроился инструктором в Яренский уездный отдел народного образования. На учительских курсах в Яренске остро обсуждались проблемы школьного образования, задачи, стоящие перед учителями. В.А.Молодцов отстаивал необходимость коренной реформы народного образования, создания национальной коми школы. Далеко не все поддерживали его. Некоторые считали, что коми язык следует оставить лишь средством общения для темного сельского населения, а языком культурных людей должен быть только русский. Молодцову приходилось спорить с ними, отстаивать свою точку зрения. Его доводы оказались убедительными. В Яренске В.А.Молодцов приобрел большой авторитет как человек, знающий нужды коми школы и представляющий, что нужно делать для ее переустройства. В мае-июне 1918 года он представил разработанный им алфавит участникам Усть-Сысольского совещания учителей.

15 июня 1918 года Василий Александрович выступил на Яренском уездном съезде крестьянских депутатов (в то время – главном органе власти в уезде). Местная газета «Известия Яренского уездного Совета крестьянских депутатов» 20 июня писала: «Молодцов природный зырянин, а потому его доклад был проникнут особым чувством любви к своему народу и языку. Он указал на... причины, в области первоначального воспитания, которые в целом задерживают духовный рост зырянского дитяти. Как невозможно воспитать здорового ребенка без матери, ...так невозможно воспитать гражданина и человека, обучая на чужом для него русском языке. Чтоб гармонически развить все душевные силы ребенка, как в области искусства, мысли, любви к своему языку и народу, чтоб не было печальной картины вымирания нации по проведенным им статистическим данным вымирания, на почве неумелой борьбы за существование, причиной которой, если посмотреть глубже, будет виновником – удаление из школы и общественной жизни зырянского языка. Молодцовым состав-

лен новый зырянский букварь, и с этой осени обучение будет на родном языке». Уездный съезд единогласно поддержал Молодцова и принял решение об обучении коми детей на коми языке. Секции по народному образованию было поручено составить смету для издания необходимых учебных пособий. Молодцов был избран членом коллегии яренского уездного отдела народного образования.

В конце июня В.А.Молодцов принял участие в организации культурно-просветительского общества «Коми котыр» («Союз содействия материальному и духовному развитию Зырянского края»), созданного на уездных учительских курсах 22 июня 1918 года. Возглавил общество А.С.Сидоров. По словам В.И.Лыткина, также состоявшего в «Коми котыр», общество ставило перед собой такие цели: «...введение народного языка в школы, развитие коми культуры, объединение зырян в особую административную единицу». «Коми котыр» планировал проведение научно-исследовательских работ и, в частности, экспедиций для изучения природных богатств Коми края, создание библиотек, музеев, выставок, чтение лекций, организацию спектаклей и народных праздников, пропаганду знаний через печать. Просветительскую работу члены общества предполагали вести на коми и русском языках. В условиях начинавшейся гражданской войны общество не смогло просуществовать долго и развернуть работу. Конечно, «Коми котыр» не был чисто краеведческой организацией, но в его уставе четко говорилось и о необходимости заниматься «изучением местного зырянского края». Нельзя не заметить и близости предполагавшихся направлений деятельности «Коми котыр» и возникшего четыре года спустя Общества изучения Коми края, речь о котором еще впереди.

Как член коллегии УОНО, В.А.Молодцов иногда присутствовал на заседании уездного исполкома. Так, 5 августа его избрали в комиссию по просмотру должностей и штатов в учреждениях уезда. Приходилось Василию Александровичу и исполнять обязанности заведующего УОНО. Но основное внимание он уделял разработке алфавита и коми грамматики. Молодцов представил их для рассмотрения в мае-июне 1918 года участникам Усть-Сысольского совещания учителей. В августе того же года на совещании учителей Яренского и Усть-Сысольского уездов в Усть-Выми этот алфавит был принят.

Алфавит В.А.Молодцова включал 33 буквы, ровно столько, сколько фонем в коми языке. Позже были введены еще три буквы (х, ф, ц), которые оказались необходимыми для правильной передачи русских заимствований. Большинство букв (21) были взяты из русского алфавита, три буквы переняты из латинского, одна (ö) оставлена из предыдущих вариантов коми алфавитов, остальные были придуманы самим Молодцовым и сильно отличались по начертанию от русских. Алфавит имел ряд достоинств и был приспособлен к коми языку. В нем каждая буква означала

только одну фонему, даже мягкие согласные, в отличие от правил русской грамматики, обозначались специальными буквами, однако сочетания «й» с гласными не имели отдельных букв. Довольно стройная система графики В.А.Молодцова достаточно точно передавала фонетический строй коми языка, и в этом, как отмечали специалисты, было ее несомненное достоинство. Однако с самого начала его введения появились оппоненты. В течение всего периода функционирования алфавита шли бурные дискуссии: одни горячо поддерживали его, другие выступали против.

2 сентября 1918-го Молодцов получил месячный отпуск. В середине сентября 1918 года в Яренске произошел большевистский переворот. Новые руководители уезда запрашивали служащих отделов уездного Совета об их политических взглядах. Молодцов на вопрос о «партийных убеждениях» ответил: «Сочувствующий идеям коммунизма», на вопрос о том, готов ли «активно поддерживать» Советскую власть – «По мере сил».

Бремя лидера.

Осенью 1918 г. В.А.Молодцов переехал в Усть-Сысольск, ставший центром культурно-просветительской работы в Коми крае. В 1918–1919 учебном году он преподавал в учительской семинарии, где организовал литературный кружок «Коми гижысь чукёр», выросший вскоре в литературное объединение при уездном отделе народного образования (в этом объединении стал сотрудничать и уже известный нам А.А.Чеусов). В том же 1918 году он вступил в Российскую коммунистическую партию (большевиков).

На страницах газеты «Известия Яренского уездного Совета...» в ноябре 1918 г. Молодцов отметил, что «ни одна значительная общественная служба... немыслима без знания зырянского языка». В ноябре 1918 года Усть-Сысольский отдел народного образования принял решение о введении преподавания коми языка в школах. Нужны были учебники, методика. По инициативе В.А.Молодцова в том же месяце возникла «Комиссия по созданию коми литературы для школ и народа» – первая организация, которая была призвана непосредственно заниматься созданием коми литературного языка и письменности, переводами на коми язык произведений русских и зарубежных писателей, собиранием коми фольклора, созданием художественных произведений на коми языке, составлением учебников и хрестоматий для коми школ. 28 ноября 1918 года Усть-Сысольский уездный исполком утвердил устав этой комиссии.

В комиссии В.А.Молодцов работал вместе с В.А.Савиным, своей сестрой Антониной, Д.Я.Поповым, А.А.Цембером (он был секретарем комиссии и автором ее «Воззвания»), И.Т.Чисталевым, В.А.Савиным... Там же он, вероятно, встретился и познакомился со своим земляком по Тентюково В.И.Лыткиным. Знакомство это оказало огромное влияние на жизнь из обоих. «Каждый вечер члены комиссии собирались, читали свои

и чужие произведения, критиковали. Полгода работали вообще бесплатно, и никто не думал о деньгах. Комиссия собрала вокруг себя защитников коми слова...» – писал В.И.Лыткин в газете «Югд туй» в 1928 году.

Вскоре В.А.Молодцов написал первый букварь для коми школ «Лыддысьны велодан», который после обсуждения на заседании Коми комиссии был переписан от руки в нескольких экземплярах (напечатать его пока не было возможности) и в рукописном виде разослан по школам. Позднее, после открытия Коми издательства, букварь был издан и стал первой книгой на коми языке, отпечатанной молодцовским шрифтом. Большим событием в культурной жизни Коми края стали коми номера газеты «Зырянская жизнь» (они чередовались с русскоязычными выпусками). Коми текст печатался молодцовским шрифтом.

Характер у В.А.Молодцова был сложный. Свое мнение он отстаивал с большой горячностью, критику в свой адрес не принимал, считая ее попыткой помешать его работе, направленной на благо коми народа, покушением на свой авторитет. Позднее Василий Александрович писал: «С появлением первых же моих работ... последовала вместо объективной критики настоящая травля, ...которая шла через газеты, журналы, на общественных выступлениях». Безусловно, Молодцов являлся в первые послереволюционные годы ведущим специалистом по коми языку, принадлежал к числу наиболее активных работников культуры, мог сказать, был лидером коми гуманитариев. Но некоторые личные качества Василия Александровича, видимо, приводили к острым конфликтам с коллегами и руководством. В 1919 году Молодцов в знак протеста против «нападок» Усть-Сысольского советского и коммунистического руководства «за национальную работу» вышел из РКП(б) и уехал из Коми края. О своих разногласиях с местными властями он сообщил в Наркомат по делам национальностей РСФСР и, как говорил позднее, был «поддержан личной телеграммой» наркома И.В.Сталина.

Суть конфликта нам, к сожалению, не известна; возможно, дело было связано с кампанией против молодцовского алфавита, которую начал в тот год А.А.Цембер, весьма критично расценивавший детище Василия Александровича. Цембер в 1919 году занимал важную должность всезырянского инструктора в отделе просвещения национальных меньшинств Наркомнаца РСФСР (правда, всего около полугода), потом (с октября 1919-го) учительствовал в Ыбской волости. Молодцовский алфавит он не принимал решительно и даже организовал в Ыбе в марте 1920 года (уже после отъезда Молодцова) учительский съезд, на котором убедил участников принять резолюцию «Долой молодцовский шрифт!». Вполне возможно, что Андрея Андреевича (по-прежнему считавшегося весьма авторитетным специалистом в области коми языка, тем более что он как раз в 1919 году подготовил к изданию свои «русско-зырянский» и

«зырянско-русский» словари) поддержали некоторые устьсысольские руководители.

Как бы то ни было, в течение 1919–1920-го учебного года В.А.Молодцов преподавал в школе 2-й ступени в с. Прилуки около Вологды, затем вернулся в Усть-Сысольск. 6 июля 1920 года объединенное заседание уездных комитетов РКП(б) и РКСМ, уездного исполкома, бюро профсоюзов признало необходимым созвать Всезырянский съезд коммунистов для решения вопроса о «культурно-политико-экономическом объединении всего народа коми». Для подготовительных работ по созыву съезда решено было создать бюро, в которое от Усть-Сысольского уезда вошли три человека, среди них В.А.Молодцов. В августе 1920 года В.А.Молодцов и его коллеги по бюро разработали цели и предполагаемую программу съезда, отметив: «По отношению зырян необходимо принять какие-то решительные меры, ...которые заставили бы жить и в культурном и в экономическом отношении, чтобы зырянская народность воспрянула от векового сна... Такой мерой является объединение зырян в одно целое. Прежде всего в культурном, а затем и в экономическом отношении». Губернские власти сочли возможным поначалу только проведение съезда, ограничившегося бы вопросами культурного развития коми.

В сентябре 1920 года состоялся Северо-Двинский губернский съезд по просвещению зырян, ставший важным этапом на пути к образованию Коми автономии. Молодцов был избран на этом съезде заведующим устьсысольским подотделом просвещения национальных меньшинств и работал в этой должности до 1921 года. Одной из первых его забот стала организация в Усть-Сысольске Коми издательства. Молодцов приложил немало сил для того, чтобы издательство открылось в том же 1920 году. Благодаря этому появились довольно широкие возможности для издания книг на коми языке. Тогда же было принято решение об открытии в Усть-Сысольске Института народного образования (ИНО). Подготовительной работой занялась специальная авторитетная комиссия, в которую вошел и В.А.Молодцов. Возглавил комиссию А.С.Сидоров, вместе с Молодцовым создававший в свое время «Коми котыр»; входил в комиссию и А.А.Чеусов. Василий Александрович непосредственно участвовал в разработке структуры института, программы обучения и т.п. ИНО открылся в 1921 году.

В 1921-м В.А.Молодцов стал заведующим издательским отделом и членом коллегии усть-сысольского уездного отдела народного образования. Значителен его вклад в разработку и издание учебных программ и пособий для коми школ. Так, на основе собранных во время педагогической деятельности материалов Василий Александрович подготовил вышедший в 1921 году первый учебник коми языка для школ «Коми грамматика туй писькӧдысь», составленный в форме вопросов учителя и ответов ученика. Не даром В.И.Лыткин позднее писал, что в 1918–1922

годах Молодцову пришлось больше всех трудиться над развитием образования и культуры в Коми крае: «Благодаря его стараниям у нас есть теперь: 1) коми алфавит, 2) коми литературный язык, 3) правописание коми языка, 4) советская коми школа, 5) объединение единомыслящих писателей».

Кто друг коми народа?

В 1921–1923 годах В.А.Молодцов преподавал в Институте народного образования коми язык, являлся одним из руководителей ИНО (занимал, в частности, должность проректора по административно-хозяйственной части). Работа не всегда шла гладко: новизна осуществлявшихся преобразований, отсутствие проторенных дорог в культурном строительстве неизбежно вызвали споры между исследователями, порой весьма острые. О дискуссиях в ИНО – в частности, между В.А.Молодцовым и работавшим там же А.А.Чеусовым (он был членом правления, ответственным секретарем, заведующим учебной частью и деканом рабфака) – упоминает в своих воспоминаниях супруга последнего.

Споры шли и на страницах печати. В начале 1921 года А.А.Цембер (ставший к этому времени инструктором подотдела охраны памятников старины и искусства уездного отдела народного образования) опубликовал в газете «Удж» статью, в которой весьма резко отозвался о молодцовском шрифте, утверждал, что он непригоден, а самого Молодцова назвал «злым врагом народа коми», который, дескать, считает себя «зырянским апостолом» и силой навязывает свой алфавит, «пользуясь безразличием и невежеством» руководителей устьсысольского исполкома и «тем, что сестра Молодцова была секретарем исполкома».

Быть может, Андреем Андреевичем двигала не только искренняя убежденность в неудачности молодцовского алфавита, но и обида за то, что его, Цембера, которого в довоенный период иностранные ученые называли «единственным работником зырянского края в области этнографии и краеведения», теперь, в период, когда можно и нужно было реализовывать на практике многие научные идеи, отодвинули на второй план, отдав приоритет В.А.Молодцову, про научную деятельность которого до 1917 года никто в Коми крае и слыхом не слыхивал.

Однако стоит заметить, что критику в адрес некоторых работ В.А.Молодцова не раз высказывал, например, и В.А.Савин. На страницах той же газеты «Удж» (26 января 1921) он опубликовал открытое письмо В.А.Молодцову, в котором, в частности, предлагал не торопиться с изданием подготовленного Молодцовым букваря (о котором мы уже говорили), а сначала как следует обсудить его достоинства и недостатки. Савин призывал Молодцова терпимее относиться к критике и участвовать в дискуссиях, излагая свои аргументы, а не писать докладные в органы власти с требованием «принять меры» к оппонентам. Заметим, что тон

публикации Савина вполне корректный и заметно отличается этим от статьи Цембера.

Ответ Цемберу дал В.И.Лыткин в статье «“Друг” народа коми». Он высоко оценил заслуги В.А.Молодцова: «...т. Молодцов, почти все время состоя преподавателем зырянского языка, организовал издательский отдел, составил и издал коми букварь, издается под его руководством 2-я книга для школы, сборник зырянских стихов, готова к печати 3-я книга; изучив детально зырянский язык, написал грамматику языка... Многим обязаны Молодцову в открытии коми института». Касательно самого Цембера Лыткин иронично употребил слово «друг» (народа коми) в кавычках, подчеркнув тем самым, что резкие нападки Андрея Андреевича на алфавит Молодцова, постепенно внедрявшийся в практику (он изучался в школах, на нем издавались книги и газеты), не идут на пользу развитию коми культуры.

Возможно, именно из-за натянутых отношений с А.А.Цембером В.А.Молодцов не принимал активного участия в создании Общества изучения Коми края в начале двадцатых годов. Но известно, что на заседании Общества изучения Коми края в ноябре 1923 года было предложено, чтобы лингвистическая секция общества работала в таком составе: «Молодцов, Грен, Сидоров». Поскольку фамилия Молодцова указана первой, то ему, видимо, предполагалось поручить руководство.

Однако интенсивная работа, вызывающие большое напряжение сил дискуссии, да и неважные условия жизни того времени сказались на здоровье В.А.Молодцова. Он заболел туберкулезом, в 1923-м вынужден был уйти из Института народного образования и уехать на лечение в Сочи. Вернувшись в Усть-Сысольск Василий Александрович по состоянию здоровья никуда на работу не устраивался. Сотрудничал ли он в Обществе изучения Коми края, не известно – возможно, что и нет. И не только из-за отношений с А.А.Цембером (который, заметим в скобках, в руководстве обществом заметной роли не играл), сколько, возможно, вследствие некоторых трений с А.Н.Греном и А.С.Сидоровым. Последний в 1924-м высказал некоторые замечания относительно «Коми грамматики» В.А.Молодцова («Коми му», 1924, № 1–2). Василий Александрович ответил на эту рецензию аж двумя публикациями (случай довольно редкий) в «Коми му»: «К рецензии А.С.Сидорова «Коми грамматика» В.Молодцова» (1924, № 7–10) и «В дополнение к рецензии А.С.Сидорова на «Коми грамматику» В.Молодцова» (1925, № 6–7). А.Н.Грен 4 января 1925 года на страницах газеты «Югд туй» писал о некоторых недостатках молодцовского алфавита, что, надо полагать, также было воспринято Молодцовым без восторга.

В январе 1925-го при областном отделе народного образования было организовано методическое бюро «для разработки программно-методических вопросов, учета педагогического опыта мест, руководства

по организации повышения квалификации работников просвещения». В его состав наряду с А.С.Сидоровым и другими вошел как «педагог-специалист» и Молодцов. В 1924–1926 годах Молодцов опубликовал несколько новых научных работ по вопросам грамматики и орфографии. В частности, в 1926 году он сформулировал два основных принципа коми орфографии, которые действуют и сегодня. Лингвист Г.А.Некрасова отмечает, что актуальными остаются и некоторые другие принципы правописания, предложенные Молодцовым еще в середине двадцатых годов. Примерно тогда же на страницах журнала «Коми му» опубликовал свои достаточно серьезные работы по этнографии и археологии А.С.Сидоров, о котором мы еще расскажем подробнее. Пожалуй, с этого времени, с середины двадцатых, можно вполне определенно говорить о том, что в Коми ведутся действительно научные гуманитарные исследования силами местных специалистов. К сожалению, вскоре некоторые из них уехали из Коми.

«Подлинный исследователь».

В марте 1926 года была организована Коми ассоциация пролетарских писателей. В апреле в ее ряды приняли В.А.Молодцова. Сам он в это время находился в Москве – в марте уехал на научную стажировку. На родину он больше на длительный срок по своей воле уже не возвращался (за исключением четырехмесячного пребывания здесь в 1931-м) и занимался научной работой в Москве, Ленинграде, Вологде, Саратове, Нарьян-Маре. Василий Александрович был зачислен научным сотрудником в секцию языка Научно-исследовательского института народов Востока, там познакомился с исследованиями по общему языкознанию, по финно-угорским языкам. Немалое влияние на Молодцова оказало «новое учение о языке» академика Н.Я.Марра (яфетидология). Установил он контакты и с ленинградскими учеными, был избран действительным членом Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей, в котором состояли такие видные ученые как Д.К.Зеленин и Д.В.Бубрих.

Во время стажировки В.А.Молодцов занимался коми и удмуртскими языками, побывал с экспедициями в Удмуртии, где изучал местные говоры, написал работу «Таблица фонем вотяцкого языка по отдельным говорениям» (вотяками называли удмуртов), получившую высокие оценки специалистов. Д.В.Бубрих отметил, что «значение работы выходит далеко за пределы рамок вотяцкого языка», «чрезвычайно ярко отражает сложившееся в СССР понимание природы языка». Профессор НИИ народов Востока Н.Ф.Яковлев, руководивший стажировкой Молодцова, писал, что автор «обнаруживает тонкую наблюдательность», «из него выйдет подлинный исследователь-лингвист, вполне владеющий социологическими методами лингвистического исследования». В.А.Молодцов и

позднее занимался удмуртским языком. Удмуртские ученые ценили его познания. Удмуртский НИИ выдвинул Василия Александровича своим внештатным сотрудником.

В 1929-м В.А.Молодцов издал в Москве первую часть обобщающей работы «Фонетика зырянского диалекта языка коми» (Молодцов считал, что коми-зырянский и коми-пермяцкий – не отдельные языки, а два диалекта одного языка; у этой точки зрения есть свои сторонники и сегодня), книгу «К грамматической классификации слов зырянского языка» (пособие для преподавателей школ), выступил на Коми лингвистической конференции в Усть-Сысольске с докладом о правописании. В Усть-Сысольске многие выдвинутые им положения подверглись критике.

Многие остро критиковали в это время и молодцовский алфавит – как «узконационалистический», будто бы препятствовавший в силу своего своеобразия сближению национальностей, живших в СССР. Полагали, что замена молодцовского шрифта на составленный на латинской основе алфавит облегчит культурные контакты между народами (на латинизированный алфавит предлагали переводить письменность едва ли не всех народов страны, включая даже русский). Сторонником латинизации алфавита являлся и В.И.Лыткин. На этой почве у него сложились весьма неприязненные отношения с В.А.Молодцовым, отстаивавшим преимущества своего детища (хотя заметим, что постепенно под воздействием идей Н.Я.Марра, считавшего необходимым создание единого унифицированного алфавита для всех языков и народов, он и сам стал обдумать возможность перевода коми алфавита на латиницу). Видимо, Молодцов, по обыкновению, чрезвычайно болезненно воспринял критику (к тому же далеко не во всем справедливую) и, возможно, в свою очередь, сделал какие-то резкие выпады (устные или письменные) в адрес оппонентов.

В том же 1929 году В.А.Молодцов по рекомендации своего руководителя Н.Ф.Яковлева решил поступать в аспирантуру Академии наук СССР. (Диссертацию «Возникновение и развитие социальных терминов» он начал писать в 1928 или 1929 годах). В.И.Лыткин, учившийся в аспирантуре НИИ народов Востока, к которому, возможно, обратились за дополнительными сведениями, дал Василию Александровичу, мягко говоря, не слишком лестную характеристику. В аспирантуру Молодцова не приняли... Он уехал в Ленинград, некоторое время в 1929 году исполнял обязанности старшего ассистента в пединституте. Собирался поступить на работу в аппарат Всесоюзного центрального комитета нового алфавита (занимавшегося проблемами создания единого унифицированного алфавита), но что-то не сложилось (сам Молодцов винил во всем В.И.Лыткина – тот, мол, неправильно охарактеризовал его отношение к «новому алфавиту» и его сторонникам).

Саратов и Вологда: Борьба за марризм.

В.А.Молодцов уехал в Саратов, где с января до апреля или мая 1930 года исполнял обязанности доцента Мордовского отделения университета, читал лекции по методологии языкознания. Но и там его отношения с коллегами не сложились. Судя по словам Молодцова, местные языковеды не принимали учения Н.Я.Марра, на позициях которого стоял Василий Александрович. Сыграл свою роль, вероятно, и непростой характер В.А.Молодцова. Но, думается, был и еще один фактор: Василий Александрович, бесспорно, обладал немалым талантом ученого и осознавал это, ожидал соответствующего к себе отношения. А иные его коллеги, быть может, просто завидовали способностям Молодцова, не хотели поддерживать его. Во всяком случае, один из знавших Василия Александровича коллег, В.Удуратин, писал в 1932 году, что «создание невозможных условий для работы Молодцова по его специальности является результатом тенденциозных, мелочных побуждений профессиональной конкуренции».

Нормальную преподавательскую работу никак не удавалось наладить, заработок был крайне низок (с января по апрель 1930-го – 70 рублей в месяц), и Молодцов покинул Саратов. В течение нескольких месяцев он не мог устроиться на работу. В октябре 1930 года его пригласили в Вологду, и в ноябре он начал работать в Северном краевом пединституте, заведовал коми отделением, на котором учились коми студенты, являлся доцентом по курсу яфетидологии, но в 1931 году, по окончании учебного года, ушел с работы, «не выдержав одной борьбы за материалистическое языкознание в условиях страстных нападок на яфетидологию со стороны формальной языковедческой школы и блокировавшихся с ними реакционных профессоров по другим дисциплинам». (Характерные для того времени упреки своих оппонентов в «реакционности», «контрреволюционности», «национализме», увы, прочно вошли в лексикон Василия Александровича). Одним из «реакционеров» оказался профессор Пипуныров, сподвижник Питирима Сорокина, против которого, писал Молодцов, «мне пришлось выступить» и «сообщить членам бюро партячейки о его контрреволюционной идеологии в прошлом (сорокинец и пр., годичное пребывание под надзором ГПУ)».

В марте 1931 года В.А.Молодцов выступил в Архангельске на краевой конференции по национальным проблемам и высказался «за марровский действительно по своей идее унифицированный латинский алфавит» для коми языка (постепенный переход на латинизированный коми алфавит начался в 1930-м, действовал он до 1935-го).

Из Вологды Молодцов приехал в Сыктывкар, четыре месяца работал внештатным преподавателем педтехникума, на занятиях критиковал «формальные и националистические установки в преподавании языка коми», а также «националистические» и «нерациональные с социально-

политической точки зрения установки» проекта латинизации алфавита, что шло явно вразрез с «генеральной линией». Занимался он также переводами на коми трудов В.И.Ленина. Коми обком ВКП(б) собирался включить его в руководящую группу по организации коми пединститута, однако тут же возник конфликт: Василий Александрович потребовал, чтобы В.И.Лыткина ни в коем случае не назначали заведующим кафедрой языка и литературы. В ответ Лыткин и Пипуыныров, приглашенные для работы в пединститут, по словам Молодцова, решительно заявили, что с последним работать вместе не будут. В конечном итоге В.А.Молодцов уехал из Сыктывкара.

В 1932-м он какое-то время работал в издательстве ЦК ВКП(б) (во всяком случае, в июле он точно являлся его сотрудником). В феврале 1932 года в Сыктывкаре состоялась конференция по вопросам нового алфавита. В принятом на ней по докладу В.И.Лыткина постановлении работы В.А.Молодцова характеризовались как «субъективно-идеалистические» и «национал-шовинистические». Хотя сам Молодцов позднее признавал, что не считает разработанные им принципы коми правописания «на сто процентов правильными», оснований для навешивания столь грозных ярлыков, конечно, не было. Василий Александрович хотел выступить на конференции, но, по его словам, Коми обком ВКП(б) не допустил его участия в этом научном форуме. Молодцов писал, что к этому времени критика в его адрес превратилась «на почве систематического обрабатывания молодежи в настоящую массовую травлю с искусственным, демагогическим ее подведением под идеологическую критику».

В начале 1930-х В.А.Молодцов написал несколько научных работ. В их числе была вторая часть его обобщающего труда «Фонетика зырянского языка». Молодцов хотел получить рецензию на нее от академика Н.Я.Марра, но рукопись отправили В.И.Лыткину. Василий Ильич высказал ряд критических замечаний, с которыми Молодцов категорически не согласился. Создается впечатление, что два этих видных коми лингвиста в начале тридцатых уже не могли относиться друг к другу как коллега к коллеге; научной дискуссии между ним не получалось. Василий Александрович даже жаловался, что на его «Фонетику» из-за замечаний Василий Ильича было поставлено «вето, и она фактически оказалась конфискованной (моя сестра не могла добиться разрешения снять с нее копии)». Отметим, что позднее, в 1933 году (когда Молодцов добился передачи рукописи на рецензирование другим ученым), профессор Л.Жирков также сделал ему некоторые замечания, хотя и отметил, что эта «работа в целом в развитии советской лингвистики является ценной и актуально-интересной». Но к замечаниям Жиркова Молодцов отнесся, видимо, куда спокойней.

Сотрудник Института языка и мышления П.Кузнецов в январе 1933-го отметил, что работу Молодцова «О существительных и прилагательных»

тельных в языках коми и удмурт» «следует признать серьезной и оригинальной научной работой, представляющей из себя известный вклад в угрофиннологию». Тогда же Молодцов в основном закончил диссертацию. В 1933 году академик И.И.Мещанинов так отозвался о ней: «Работа представляет безусловный интерес по привлеченному и разобранному материалу, но все же имеет ряд недостатков».

Последние годы.

В 1933–1936 годах В.А.Молодцов работал в Нарьян-Маре, в Ненецкой окружной совпартшколе. Жилось ему и его семье (жене и дочерям) трудно, условий для творческой работы не было, денег постоянно не хватало. Некоторым подспорьем служили гонорары за научные публикации Василия Александровича, но и с ними дела обстояли не очень удачно. Ученый жаловался, что Коми издательство сильно затянуло окончательный расчет за рукопись, и семья оказалась чуть ли не на грани голодной смерти. По словам Молодцова, только после представления в ГПУ «завещания моей умиравшей... с голоду жены с поручением мне убить после ее смерти двух голодающих детей» было обещано принять срочные меры. Однако, констатировал Василий Александрович 6 сентября 1933 года, «материальное положение моего семейства и теперь не лучше того, которое побудило мою жену написать упомянутое завещание». К счастью, до голодной смерти дело не дошло.

Молодцов стал изучать ненецкий язык и в 1934-м представил в окружной отдел народного образования свое новое исследование «Система фонем ненецкого языка в увязке с проблемой унифицированного алфавита». Академик И.И.Мещанинов в отзыве на этот труд писал, что «тов. Молодцов... принадлежит к числу, весьма немногочисленному, несомненных специалистов по сложным вопросам фонетики... Настоящая работа... могла бы быть напечатана и явилась бы полезным трудом». 26 сентября 1935 года Молодцов доложил о своих исследованиях по фонетике ненецкого языка и социальным терминам руководству Северного краевого отдела народного образования, и решено было оба исследования напечатать «в ближайший срок». Однако это намерение не осуществилось.

Тем временем в Коми области шло обличение «национал-шовинистов», особенно развернувшееся в 1934–1935 годах. В газете «За новый Север» 27 апреля 1935 года упоминалось о «явно контрреволюционных кулацких буржуазных националистах вроде Мартюшевых, Батиевых, Молодцовых и Сидоровых». После ответного письма сестры ученого А.А.Молодцовой редакция газеты признала, что «допустила ошибку, поставив “Молодцовых” и “Сидоровых” рядом с явными контрреволюционными националистами». Но вскоре в той же газете было объявлено, что В.А.Молодцов «далеко не сразу» понял «великие пролетарские идеи Октябрьской революции», что «его борьба за коми язык и культуру велась

вплоть до последнего времени с позиций национал-шовинизма и доходила до контрреволюционных высказываний. Молодцов... в поисках особенности в языке коми, дошел до геркулесовых столбов формализма».

Подобные обвинения были чреватые для Молодцова самыми скверными последствиями. Правда, гроза как будто прошла стороной. В 1936 году «выяснилось», что латинизированный алфавит для коми языка – «выдумка» «национал-шовинистов» типа В.И.Лыткина и других ученых, и решено было вновь вернуться к заклеяменному ранее «националистическим» молодцовскому алфавиту, который и употреблялся до 1939 года.

С 1 октября 1936 года Молодцов стал преподавателем кафедры коми языка на курсах редакторов-переводчиков произведений классиков марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б), сотрудничал во Всесоюзном ЦК Нового алфавита, с 1 апреля 1937-го по совместительству работал по договору в Ленинградском отделении Центрального института языка и письменности народов СССР. По заключенному с Коми научно-исследовательским институтом договору Молодцов передал этому учреждению свои работы «О существительном и прилагательном в языке коми и удмурт» и «О композита коми языка».

С конца 1937 года В.А.Молодцов работал в Вологодском пединституте. Он направил на отзыв видным ученым Я.В.Щербе и Д.В.Бубриху свои новые исследования по коми языку, планировал защищать кандидатскую диссертацию «Возникновение и развитие социальных терминов» в Ленинградском отделении Центрального института языка и письменности народов СССР, передал туда текст диссертации. 2 июня 1938-го академик И.И.Мещанинов, директор Института языка и мышления имени Н.Я.Марра, направил диссертацию Молодцова автору с заключением: «Работа может быть представлена к защите... лишь по исправлению ее согласно указаний рецензентов»; рецензенты, старшие научные сотрудники того же института, помимо ряда замечаний, подчеркнули, что В.А.Молодцов стоял на не вполне марристских позициях – а «новое учение о языке» Мара стало тогда «единственно верным»...

Переработать диссертацию В.А.Молодцов не успел. Еще недавно он сгоряча называл «контрреволюционером» и «фашистом» В.И.Лыткина, а в 1938 году его самого арестовали по обвинению в причастности к мифической «контрреволюционной организации», будто бы занимавшейся «вредительством» в деле культурного строительства и осудили на три года заключения в лагерях. Так ученый в последний раз вернулся на родину – его отправили в Верхний Чов, в нескольких верстах от родного села Тентюково... Там Василий Александрович, который «вредительски» отстаивал свой алфавит и высказывался против латинизированного, встретился с заключенным И.Г.Коюшевым, бывшим председателем Коми облисполкома, получившим свой срок, помимо всего прочего, и за то,

что он, наоборот – но опять же «вредительски» – осуществил замену этого самого молодцовского алфавита латинизированным...

В лагере ученый занимался изготовлением дощечек для ящиков. Вместе с ним этим же делом занимался крупнейший коми писатель В.Т.Чисталев. Слабое здоровье Молодцова не выдержало лагерной жизни. 31 августа 1940 года он скончался в верхнечовском лагере. В 1957 году Верховный суд РСФСР реабилитировал его за отсутствием состава преступления...

Основная использованная литература и источники

Бараксанов Г.Г., Мартынов В.И. Развитие коми филологической науки. Сыктывкар, 1975.

Жеребцов И.Л. Коми интеллигенция и власть в первые послереволюционные годы // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. Сыктывкар, 1994. Т. 2.

Жеребцов И.Л. Стоявшие у истоков (коми политические и культурные деятели первых послереволюционных лет) // Жизнь национальностей. М., 1996. № 4.

Жеребцов И.Л. Его заслуги не должны быть забыты // Покаяние. Мартиролог. Сыктывкар, 1999.

Жеребцов И.Л. Репрессированные коми лингвисты // Проблемы истории репрессивной политики на Европейском Севере России. Сыктывкар, 1993.

Исследователи Коми края. Сыктывкар, 1984.

Коми язык. Энциклопедия. М., 1998.

Национальный архив Республики Коми. Хр. 1, ф. 1215, оп. 1, д. 1, 2, 3, 4, 5, 7.

Некрасова Г.А., Жеребцов И.Л. Лингвист В.А.Молодцов в Яренске // Вычегодский край в истории России. Сыктывкар, 1994.

Они любили край родной. Сыктывкар, 1993.

Туркин А.И. В.А.Молодцов и формирование коми литературного языка // Советское финно-угроведение, 1986. № 3.

Туркин А.И. Коми ученый В.А.Молодцов // Войвыв кодзув, 1986. № 1.

Очерк 4. «Золотой век» краеведения

Рождение «Общества изучения Коми края».

Однако мы забежали вперед. Вернемся в самое начало двадцатых. Подготовка к образованию Коми автономии и создание автономной области Коми в 1921 году значительно усилили интерес общества к национальной культуре и истории народа коми. Деятельность общества «Коми котыр», Коми комиссии, Института народного образования, литературных кружков, возобновление работы усть-сысольского музея в 1918 году, издание коми книг и газет, первые успехи исследований, проводившихся на территории Коми края центральными научными учреждениями – все это создавало принципиально новые условия для гуманитарного краеведения и открывало возможности для следующего шага – от краеведческих работ к научным исследованиям.

В этих условиях группа усть-сысольских интеллигентов, «осознавших, – по их словам, – ...важность краеведческой работы», приняла решение объединить свои силы. Казалось бы, в этом не было необходимости – ведь существовал Институт народного образования, в котором изучался целый ряд краеведческих дисциплин: история культуры и этнография коми, коми язык, история коми народа, коми литература, музейное дело, методика краеведения... Но вскоре стало ясно, что рамки одного учебного заведения слишком тесны для огромных задач, встававших перед гуманитарным краеведением. Требовалась организация, которая объединила бы всех краеведов Коми, организация, главной целью которой была бы исследовательская работа.

Первым делом по инициативе А.А.Чеусова в 1921 году был организован коми клуб, члены которого должны были организовать научную работу при институте народного образования в области истории, этнографии, археологии, коми языка и литературы и др., создать свой печатный орган, установить контакты с другими научными организациями России. 8 мая того же года в газете «Удж» Чеусов провозгласил: «На очереди изучение всех ученых, писателей, художников, певцов коми. Коми ИНО это должно сделать и в ближайшее время сделает в процессе революционно-огневой жизни, в технической ее планомерности».

23 октября 1921 года в Усть-Сысольске состоялось собрание, участники которого решили для сбора краеведческих материалов, изучения Коми края, организации музея, библиотеки и т.п. учредить Общество изучения Коми края, в правление которого вошли председатель Коми облревкома (главного органа власти автономии) Д.И.Селиванов, председатель представительства Коми области при Наркомнаце РСФСР Д.А.Батиев, А.А.Цембер, С.Н.Рочев, С.А.Тихомиров, Карпов и Козлов. Об этом вспоминал в 1928 году и Д.А.Батиев: «После образования Автономной области сразу же при облревкоме было организовано Обще-

ство изучения Коми края, но благодаря отвлечению всего внимания органов власти и общественных сил на организацию области и ее управленческого аппарата – это общество, почти не родившись, прекратило свою деятельность».

Свою роль в бездействии общества, сыграло, вероятно, и то, что Батиев, являвшийся, можно предположить, одним из главных движущих сил в его организации, через месяц после оргсобрании был арестован и несколько месяцев провел в заключении. Мало того, что общество лишилось одного из деятельнейших своих членов; помимо этого, у Батиева в руководстве области было немало противников, среди которых был даже местный партийный лидер Я.Ф.Потапов, и вполне понятно, что они не горели желанием поддерживать организацию, у истоков которой стоял Батиев. А.А.Цембер в своем дневнике упомянул о несостоявшемся ввиду неявки большинства членов заседании Общества изучения Зырянского края 24 марта 1922 года. То, что заседание не состоялось, подтверждает слова Батиева о равнодушии большинства членов общества к его деятельности.

Тогда за дело взялась другая группа во главе с А.С.Сидоровым. Как вспоминал Д.А.Батиев, «трем-четырем краеведами внутри... Коми института (*народного образования – Авт.*) была создана ячейка по изучению Коми края» (в эту ячейку входили, вероятно, А.С.Сидоров, А.А.Чеусов и профессор А.Н.Грен, приехавший в Усть-Сысольск из Вологды в начале 1922 года). И вот 16 мая 1922 года еще раз было организовано Общество изучения Коми края (ОИКК). Среди десяти его членов-учредителей были Я.Ф.Потапов, А.Н.Грен, А.С.Сидоров, А.А.Суханов, А.А.Суханова, Н.А.Соснин, А.Ф.Богданов, А.А.Айбабин, Н.А.Шахов, М.А.Молодцова (сестра В.А.Молодцова). Именно эту дату – 16 мая 1922 года – краеведы позднее назвали «днем рождения» своей организации. Несомненно, главную роль в создании Общества изучения Коми края и в том, что оно вскоре стало центром научно-исследовательской деятельности в Коми области, сыграл А.С.Сидоров, которому в этой работе посвящен отдельный очерк.

Первые год-полтора существования общества прошли главным образом в организационной работе. Председателем ОИКК стал вначале А.Н.Грен, затем – Я.Ф.Потапов, а после его отъезда на партийную работу этот пост занял Д.А.Батиев. Заместителем председателя был избран А.С.Сидоров, ответственным секретарем – Н.А.Соснин (позднее его сменил А.А.Чеусов). Устав ОИКК был принят в 1923-м. Согласно уставу, общество состояло из двух основных отделов – историко-этнографического и экономического. В первом выделялись четыре секции: историческая, этнографическая, литературных работников, лингвистики.

ОИКК планировало осуществлять научные командировки и экспедиции, устраивать лаборатории, опытные станции, обсерватории, прово-

дить экскурсии, читать лекции, организовывать выставки, печатать краеведческие труды, заслушивать доклады на своих собраниях, создать научную библиотеку. Из этого перечня, зафиксированного в уставе, видно, что в деятельности общества должны были тесно сочетаться научно-исследовательская и культурно-просветительная работа.

Новое о былом.

Многое из задуманного краеведам удалось воплотить в жизнь. Наибольшее внимание Общество изучения Коми края уделяло историко-филологическим исследованиям. Некоторые исследования являлись продолжением начатых еще в дореволюционный период, но большинство проблем впервые было поставлено именно членами ОИКК, среди которых имелись как краеведы-любители (А.М.Мартюшев, А.А.Чеусов и другие), так и те, кто со временем стали высокопрофессиональными специалистами (В.И.Лыткин, А.С.Сидоров). Работы краеведов публиковались в журналах «Коми му» (первый номер вышел в марте 1924 года), «Парма ёль» и в некоторых других, в «Записках» общества, в сборниках комиссии по собиранию словаря, выходили отдельными книгами и брошюрами.

С созданием Общества изучения Коми края заметно оживились сбор и изучение фольклора народа коми – пословиц, загадок и примет, преданий и сказок, народных песен. Музыкальным фольклором наиболее активно занимался композитор П.А.Анисимов.

Много внимания краеведы уделяли лингвистическим проблемам. На страницах печатных изданий, на конференциях велись оживленные дискуссии о коми алфавите, о литературных нормах коми языка и по другим проблемам. Ведущую роль среди лингвистических публикаций играли работы В.А.Молодцова и В.И.Лыткина. Первые шаги в двадцатые годы делало литературоведение. Появились публикации рецензий, биографических очерков; особо следует выделить книгу «Коми гижьсьяс (Коми писатели)», составителем которой был В.И.Лыткин. А.С.Сидоров внес огромный вклад в исследование творчества И.А.Куратова. Общество изучения Коми края подготовило к публикации собрание сочинений К.Ф.Жакова.

Историко-краеведческая работа ОИКК была разносторонней и охватывала практически все стороны истории Коми края, хотя и с различной полнотой. Какие-то проблемы изучались особенно активно, а по другим появились лишь одна-две небольшие публикации. В период становления и развития Коми автономии, формирования ее административно-территориального устройства огромный интерес, естественно, вызывали вопросы, связанные с былым расселением коми, с обстоятельствами вхождения Коми края в состав Русского государства. Неудивительно, что именно эта проблема оказалась в центре внимания краеведов, вызвав острые дискуссии между ними.

Наряду с достаточно серьезными, хотя и не лишенными недостатков работами разных авторов, посвященными этому вопросу, в «Коми му» в 1926–1927 годах появилась серия заметок И.Мошегова, посвященная «свидетельствам о древнем величии и культуре народа коми». Вместо свидетельств Мошегов попытался воскресить легенду о богатом и могущественном государстве Биармия, будто бы существовавшем на севере до прихода русских. Это государство он связал с Коми краем. Его публикации вызвали острую критику со стороны других краеведов.

К числу наиболее активно разрабатывавшихся тем принадлежало и историко-демографическое развитие Коми края. Некоторые из статей, посвященных численности и миграциям местного населения, сыграли значительную роль в изучении этих проблем. А.М.Мартюшев впервые попытался определить количество жителей Коми края в эпоху феодализма, его динамику в XVII – первой четверти XX века. Одним из первых он понял значение коми фамилий для исследования истории заселения Коми края.

Особо следует отметить внимание членов ОИКК к поиску новых источников (литературных и архивных), содержащих сведения о Коми крае. А.А.Цембер опубликовал в «Коми му» несколько документов XVII–XVIII веков. Ряд краеведческих работ были посвящены анализу конкретных исторических документов – «Жития Стефана Пермского», «Дневных записок путешествия И.И.Лепехина», записок И.Идеса и А.Бранда.

Внимание краеведов привлекала история Сереговского и Кажимских заводов, последним посвящена, например, большая работа А.Анисимова. Ф.П.Чукичеву принадлежит заметка о строительстве Северо-Екатерининского канала, который должен был соединить Вычегду и Каму. В обстоятельной статье В.М.Подорова обрисовано положение коми крестьян во второй половине XVIII века. Заметка А.А.Цембера о том, как встретили Февральскую революцию в Коми крае, и богатая интересными фактами статья М.Попова «О политическом прошлом Ньючима» положили начало изучению политической истории Коми края. Немногочисленными, но очень важными были работы А.А.Чеусова, А.А.Цембера, В.Ф.Попова, Д.Борисова и других о Г.С.Лыткине, К.Ф.Жакове, о развитии коми письменности, открытии первой библиотеки в Усть-Сысольске, о составлении русско-зырянского и зырянско-русского словарей в XIX веке. В.Ф.Попов в работе «Материалы к познанию народа коми» предпринял попытку дать краткий общий очерк истории Коми края.

Весьма разнообразной была тематика этнографических публикаций. В них освещаются хозяйственные занятия, быт и культура, расселение, переселения коми за пределы своей этнической территории, взаимоотношения с соседями. В серии статей В.П.Налимова в «Коми му» приводятся материалы о хозяйственных занятиях, жилых и хозяйственных постройках, орудиях труда, средствах передвижения, утвари, пище и т.д., а также

некоторые антропологические сведения. В ряде публикаций других авторов характеризуются охотничий и рыболовный промыслы, оленеводство. Большое внимание краеведов привлекли переселения коми в Сибирь и на Кольский полуостров.

Большую серию публикаций составили работы, освещающие различные стороны истории религии, в особенности проблемы дохристианских верований и христианизации коми. А.Н.Грен писал о дохристианских верованиях древних коми, сравнивал их с верованиями древних народов Кавказа. Обширный материал по религиозным верованиям коми собрал А.С.Сидоров. Известный позднее писатель и ученый П.Г.Доронин опубликовал заметку о поверьях крестьян Прокопьевской волости Усть-Вымского уезда. Интересные мысли о древних верованиях коми высказал В.П.Налимов, указавший, в частности, на сосуществование официального христианского вероучения и элементов древних верований, сохранившееся у коми вплоть до XX столетия. А.М.Мартюшев вступил с ним в дискуссию и подверг В.П.Налимова критике за идеализацию древней религии. Этнографические работы краеведов содержат важный фактический материал и сохраняют свою ценность как этнографический источник, хотя во многих из них содержатся ошибочные положения, объясняющиеся тогдашним уровнем знаний и политической позицией авторов.

От музея до Академии наук.

Помимо научных изысканий, краеведы вели огромную культурно-просветительскую работу. Усилиями членов ОИКК активизировал работу краеведческий музей в Усть-Сысольске. По инициативе ОИКК для музея было отведено новое помещение на ул. Республиканской (Орджоникидзе), где и поныне размещаются некоторые отделы Национального музея Республики Коми. 2 ноября 1924 г. состоялось торжественное открытие музея, получившего статус областного. Он постоянно пополнялся экспонатами; этому способствовала инициативность Д.А.Батиева, возглавившего музей в начале 1925 г. В 1928 г. его сменила на этом посту А.А.Молодцова (сестра В.А.Молодцова). По представлению общества Коми обл. исполком 13 мая 1924 г. издал специальное постановление об охране памятников искусства, природы и старины на территории Коми области. При активном участии краеведов и, прежде всего, А.А.Цембера в 1922 году был открыт Коми областной государственный архив.

Активная публикаторская деятельность, разработка и издание специальных программ для всех желающих заняться изучением Коми области, другая культурно-просветительная работа, поддержка (по крайней мере, на первых порах) инициативы краеведов со стороны областного руководства способствовали быстрому росту популярности краеведческого движения, расширению его рядов. Появились краеведческие

кружки (отделения ОИКК) в Айкино, Ижме и других селах Коми области, в вузах Москвы, Ленинграда, Перми, Вятки.

С ростом краеведческого движения потребовалось улучшить координацию как между самими краеведческими кружками, так и между краеведами и советскими и хозяйственными органами области. С этой целью в 1925 году состоялась первая Коми областная краеведческая конференция, на которой было избрано областное бюро краеведения. В 1929-м ОИКК предложило созвать II Коми областную краеведческую конференцию, началась подготовка к ее созыву, но вместо нее прошла лингвистическая конференция.

Важно, что деятели ОИКК видели в своем обществе лишь первый шаг на пути развития науки в Коми. Они придавали громадное значение установлению прочных контактов местных исследователей с Академией наук СССР, высказывались за открытие в Коми области академических научных учреждений. А.А.Чеусов высказывался за учреждение Коми академии наук и искусства. И.И.Разманов предлагал в качестве первого шага к созданию Коми академии наук образовать Академический центр с секциями: 1) по изучению производительных сил области; 2) языка и материальной культуры; 3) музейной. Активно занимался этой проблемой А.С.Сидоров.

«Вредное» краеведение.

Обширным научно-исследовательским и научно-организационным планам деятелей ОИКК (а в этих планах стояло, в частности, написание истории коми литературы, истории народа коми, составление полного академического словаря коми языка) не суждено было сбыться. Постепенные изменения в политическом климате страны, формирование административно-командного стиля управления всем, в том числе и культурной сферой, отрицательно сказались на краеведческом движении. В конце двадцатых годов был взят курс на борьбу против «идеализации старины», особенно «национальной старины». В начале тридцатых годов наметилась тенденция свести краеведение к изучению производительных сил данной местности, превратить краеведческие общества в лишённые инициативы придатки хозяйственных органов, изучение истории, культуры и быта населения объявить отвлекающим людей от социалистического строительства и потому ненужным и даже вредным, а тех краеведов, которые продолжали заниматься этими вопросами – «вредителями».

Отношение властей к краеведам, особенно в национальных районах, заметно ухудшилось. С 1929 года краеведов отстранили от участия в издании «Коми му». С января 1930-го журнал стал выходить под названием «Ленин туйбд», а весной был закрыт. В том же году вышел последний номер «Записок» ОИКК. Аналогичная ситуация складывалась и в целом по стране. Вместо журналов «Краеведение» и «Известия Центрального

бюро краеведения» с 1930-го начал издаваться журнал «Советское краеведение». С его страниц посыпались призывы «произвести проверку старых кадров краеведов, в значительной своей части непригодных для выполнения задач, стоящих перед советским краеведением, очистив местные организации от классово чуждых элементов».

В этих условиях руководители ОИКК сочли невозможным продолжать деятельность общества и 21 мая 1931 года приняли решение о его самоликвидации. Позднее практически все видные деятели ОИКК были репрессированы... Ликвидация Общества изучения Коми края не означала, однако, прекращения научно-исследовательской работы в Коми области. К этому времени благодаря усилиям сотрудничавших в обществе исследователей гуманитарное краеведение в Коми успело сделать гигантский шаг вперед. Давайте подробнее познакомимся с судьбами двух активнейших членов коми краеведческого движения, которые прошли путь от краеведения к науке.

Основная использованная литература и источники

Бондаренко О.Е., Роттэ Э.В. Роль Усть-Сысольского педтехникума в развитии краеведения в 20-е годы XX века // От краеведения к науке. Сыктывкар, 2003.

Бурлыкина М.И. Историческое краеведение. Сыктывкар, 2002. Ч. 2: История краеведческого движения в Коми крае.

В научном поиске. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991.

Жеребцов И.Л. Общество изучения Коми края и становление историко-демографических исследований на территории Коми АССР // Проблемы историографии Европейского Северо-Востока СССР. Сыктывкар, 1987.

Жеребцов И.Л. Историко-краеведческая деятельность Общества изучения Коми края и ее значение // I Всесоюзная научная конференция по историческому краеведению. Киев, 1987.

Жеребцов И.Л. Общество изучения Коми края // Атлас Республики Коми. М., 2001.

Жеребцов И.Л. История Перми Великой и Перми Вычегодской в работах коми-пермяцкого писателя И.Н.Мошегова // Пермский край: прошлое и настоящее. Пермь, 1997.

Жеребцов И.Л., Мацук М.А., Рощевская Л.П. 75 лет Обществу изучения Коми края. Сыктывкар, 1997.

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Плосков И.А. Исследования по этнографии и фольклору народа коми на страницах изданий Общества изучения Коми края // Духовная и материальная культура коми. Сыктывкар, 1989. – Депонирован в ИНИОН АН СССР 13. 06. 89 г., №38370.

Жеребцов И.Л., Цыпанов Е.А. Общество изучения Коми края и исследование языка народа коми // Духовная и материальная культура коми. Сыктывкар, 1989.

Кызьюров Л.А. Предыстория Общества изучения Коми края // От краеведения к науке. Сыктывкар, 2003.

Малкова Т.А. Академия наук и Общество изучения Коми края // От краеведения к науке. Сыктывкар, 2003.

Научный поиск продолжается. Сыктывкар, 1995.

Они любили край родной. Сыктывкар, 1993.

Стрекалова В.М. Перелистывая страницы истории // Музеи и краеведение. Сыктывкар, 2001. Вып. 3.

Цыпанов Е.А., Жеребцов И.Л. Лингвистические исследования Общества изучения Коми края // *Linguistica uralica*. Tallinn, 1990. № 4.

Очерк 5. Гуманитарий-энциклопедист

Первые шаги.

Целая эпоха в становлении и развитии коми гуманитарной науки связана с именем видного ученого-энциклопедиста Алексея Семеновича Сидорова. А.С.Сидоров родился 28 сентября (10 октября) 1892 года в селе Палевицы. В шесть лет самостоятельно научился читать, затем поступил в Палевицкую начальную школу, а после нее – в сельское двухклассное училище. Оценивший его способности учитель убедил мать отпустить юношу в Тотму для продолжения образования. В 1907 году Алексей ушел из села с туеском масла, которым снабдила его мать, и тремя рублями (их дал на дорогу учитель), поступил в Тотемскую учительскую семинарию, где учился до июня 1911-го. Там он проявил особую склонность к языкознанию, увлеченно изучал и другие предметы, занимался музыкой и живописью.

Получив право работать учителем начальных классов, А.С.Сидоров вернулся в Яренский уезд и с августа 1911 года преподавал в деревне Кони на Выми. Там он впервые обратился к краеведению: собирал образцы вымских говоров, записывал местный фольклор, сведения о местонахождении «чудских ям» и т.п. Отработав четыре года, А.С.Сидоров поступил в сентябре 1915-го в Вологодский учительский институт и закончил его в мае 1918-го. Годы учебы были тяжелыми: приходилось добывать средства к существованию случайными заработками, рыбной ловлей. Но Алексей Семенович, несмотря ни на что, с увлечением изучал математику, астрономию, литературу, языки, медицину, биологию, музыку, искусство. Интересовался он и событиями на родине, выписывал «Яренскую газету» (в архиве сохранились некоторые номера газеты, на которых указано, что они доставлялись Сидорову в Вологду; видимо, Алексей Семенович через несколько лет передал их в архив, который организовал А.А.Цембер). Интересовался он и творчеством коми ученых. 4 апреля 1917 года А.С.Сидоров выступил с докладом о жизни и деятельности Г.С.Лыткина на вечере, посвященном его памяти.

Начавшийся в 1917 году бурный период преобразований в местных органах власти, в народном образовании и культуре захватил и Алексея Семеновича. В мае того года жители Палевицкой волости выдвинули его своим делегатом на I Яренский уездный съезд крестьянских депутатов, в июне 1918-го – на IV уездный съезд, где А.С.Сидоров стал членом уездного исполкома, комиссаром (руководителем) уездного отдела народного образования. Алексей Семенович преподавал на учительских курсах в Яренске. А.С.Сидоров являлся одним из создателей и руководителей общества «Коми котыр» (председателем оргкомитета).

«Началась исследовательская работа».

В октябре 1918 года Яренский уездный Совет поручил А.С.Сидорову организовать в Усть-Выми национальную коми учительскую семинарию. Алексей Семенович стал одним из ее преподавателей. Именно «со времени открытия Усть-Вымской учительской семинарии», писал позднее А.С.Сидоров, началась его «научно-исследовательская работа по вопросам языка и культуры коми». Там, «помимо организации научно-исследовательских работ при посредстве учащихся в порядке преподавания краеведческих дисциплин летние месяцы в течение ряда лет... посвящались полевым работам по собиранию произведений народной словесности, по изучению диалектов, по регистрации и описанию археологических памятников» (из автобиографии А.С.Сидорова). В 1918-м он начал работу над своим, вероятно, первым лингвистическим исследованием, посвященным истории коми языка – «Коми литературный язык в эпоху феодализма по памятникам письменности».

Во время летних каникул 1919 и 1920 годов Алексей Семенович вместе с учащимися побывал в экспедициях на Выми, нижней Вычегде, Вашке и Мезени: собирал данные по различным диалектам коми языка, фольклору, этнографии коми, проводил поиск и небольшие раскопки археологических памятников. В частности, Алексей Семенович одним из первых начал изучение музыкального творчества коми. «Еще в августе 1918 г. в с.Палевицы, – писал, – мной была записана и гармонизирована зырянская песня «Утренняя заря» и поставлен в г. Яренске... зырянский спектакль с номерами зырянской музыки, каковой имел исключительный успех». Собранный материал помещали в выходившем в Усть-Вымской семинарии рукописном ученическом журнале «Асья кыа» (вышло три номера).

В декабре 1920 года А.С.Сидоров переехал в Усть-Сысольск и вошел в комиссию по организации Института народного образования. В январе 1921-го институт начал работу. Алексей Семенович стал председателем правления первого коми вуза, читал также лекции по коми этнографии, археологии, литературе, методике краеведения и музейному делу. В том же году он женился на Людмиле Алексеевне Куратовой.

В сентябре 1921 года А.С.Сидоров уехал на стажировку в Петроград (в Археологический и Географический институты). Вернувшись осенью 1922-го, стал преподавать этнографию в Практическом институте народного образования (бывший ИНО), 7 мая 1923 года был назначен его ректором. Осенью 1923-го ПИНО преобразовали в педтехникум повышенного типа; А.С.Сидоров, как отмечено в документах, «лично отказался от занятия какой бы то ни было административной должности» и остался работать в нем преподавателем. Алексей Семенович еще более активно стал заниматься краеведческой, научно-исследовательской работой, привлекал к сбору фольклорного, этнографического, лингвистического материала учащихся, организовал краеведческий кружок.

А.С.Сидоров стал одним из десяти членов-учредителей Общества изучения Коми края и, вероятно, главным организатором общества, был избран в правление ОИКК, стал заместителем («товарищем») председателя ОИКК и руководителем археологической секции. Позднее, в июле 1925-го на первой Коми областной краеведческой конференции А.С.Сидоров был избран членом президиума и секретарем областного бюро краеведения, а в январе 1926-го стал членом-корреспондентом Центрального бюро краеведения в Москве.

Это было время становления коми науки: закладывались основы для развития языкознания, археологии, этнографии, фольклористики, литературоведения. Нужны были исследования по самым разным проблемам. Это определило широту и разнообразие научных интересов А.С.Сидорова, тесно связанных с потребностями молодой коми науки. Результаты его изысканий в области археологии, литературоведения, этнографии, фольклористики, языкознания публиковались в местной печати, вызывая немалый интерес читателей. Первая опубликованная работа Алексея Семеновича появилась в 1923 году и была посвящена И.А.Куратову.

Открытие Куратова.

До 1920-х гг. творчество поэта было мало известно даже специалистам, не говоря уже о широком круге читателей: сообщения К.Ф.Жакова и Ю.Вихмана о коми поэте и публикация стихотворений прошли почти незамеченными. Рукописи И.А.Куратова хранились в Визинге у его племянника, священника С.А.Куратова. По воспоминаниям С.С.Куратова, его отец очень дорожил рукописями: «Их хранили в нашей семье как зеницу ока, как священную семейную реликвию в папках в надежном и почетном месте... без малого 50 лет».

Благодаря усилиям А.С.Сидорова положение изменилось. Сам он узнал о существовании рукописей по воле случая: его жена, Людмила Степановна Куратова, была дочерью С.А.Куратова и внучатой племянницей И.А.Куратова. По словам ее брата, С.С.Куратова, она «всегда мечтала, чтобы стихи ее... родственника поэта И.А.Куратова были обнародованы», «своими мечтами она не раз делилась со своим мужем». Алексей Семенович горячо заинтересовался этим. В июне 1923 года супруги приехали в Визингу, и А.С.Сидоров познакомился с рукописями И.А.Куратова – «бывшего до этого времени мне неизвестного языковеда и первого коми поэта», как честно признавался позднее сам Алексей Семенович. Ученый оценил «важное культурно-историческое значение» этих рукописей и убедил С.А.Куратова передать их ему и Людмиле Степановне для изучения и публикации.

В том же году А.С.Сидоров опубликовал в журнале «Парма ёль» два стихотворения И.А.Куратова и небольшую статью с кратким обзором рукописного наследия поэта с некоторыми биографическими сведениями

о нем, подчеркнул важность изучения творчества поэта. Не зря именно супругов Сидоровых часто называют теми, кто «открыл Куратова» для общества, сделал его творчество известным многим читателям. При поддержке А.С.Сидорова его супруга (она закончила историко-филологический факультет Киевского университета, преподавала в Устьсысольском ПИНО) собрала дополнительные биографические сведения об И.А.Куратове.

Увы, ее исследовательской работе суждено было быть недолгой: в 1925-м Л.С.Сидорова скончалась после рождения дочери. Алексей Семенович продолжил изучение наследия И.А.Куратова. Однако, занимаясь одновременно многими научными проблемами, он, к сожалению, не имел возможности сосредотачиваться только на литературоведении, и поэтому работа над рукописями заняла у него довольно длительный срок. После публикации в 1926 году в сборнике «Коми гижысьяс» («Коми писатели») подготовленных Людмилой Степановной материалов о И.А.Куратове с приложением ряда художественных произведений в течение нескольких лет новых публикаций о жизни и творчестве И.А.Куратова не было. Позднее литературовед и литературный критик А.А.Вежев и некоторые другие его коллеги даже упрекали А.С.Сидорова за то, что он долгое время держал у себя рукописи, не публикуя их... Заметим, что А.С.Сидоров интересовался также и творчеством других коми писателей. Так, 11 марта 1926 года он выступил на вечере, посвященном памяти К.Ф.Жакова, и, в частности, подчеркнул «национальные черты в творчестве Жакова».

Гуманитарий-энциклопедист.

В 1924 году А.С.Сидоров вошел в состав редколлегии нового «экономического и краеведческого» журнала «Коми му», возглавил его краеведческий отдел. В том, что «Коми му» стал, по оценке известного финского археолога А.Тальгрена, «одним из лучших краеведческих журналов в России», без сомнения, была и немалая заслуга А.С.Сидорова. Именно на страницах «Коми му» появились чрезвычайно интересные статьи А.С.Сидорова, посвященные промысловым культам и пережиткам тотемизма у коми. Первой из них была работа «Следы тотемистических представлений в мировоззрении зырян» (1924, № 1–2), в 1926 г. появилась статья «Пережитки культа промысловых животных у охотников коми» (№ 5).

В работах Алексея Семеновича затрагивались и вопросы фольклористики. Он писал о важности изучения примет, положил начало изучению традиционных праздников и обрядов народа коми, собрав много сведений по свадебной и похоронной обрядности. Современные исследователи отмечают собранный ученым материал о народных театральных представлениях, играх, инсценировках и их связи с культом предков.

Главное значение деятельности А.С.Сидорова для коми фольклористики, по словам А.К.Микушева, в том, что он «наметил конкретный путь превращения коми фольклористики из собирающей факты, описательной области краеведения... в современную аналитическую обобщающую науку». Это замечание справедливо также и по отношению к этнографическим и археологическим работам Алексея Семеновича.

Большая серия публикаций А.С.Сидорова посвящена археологическим памятникам. Алексей Семенович в 20-х годах регулярно выезжал для раскопок в различные районы Коми края. Известный коми археолог К.С.Королев в целом высоко оценивает значимость археологических исследований А.С.Сидорова того периода – составленные ученым описания городищ и могильников, характеристику инвентаря, обрядов погребения, датировки археологических памятников. Археологические раскопки, предпринятые Алексеем Семеновичем в двадцатые годы, послужили основой для серии работ, написанных им в последующие десятилетия.

В 1924 году в «Коми му» появилась и первая публикация А.С.Сидорова, посвященная лингвистике – той отрасли науки, которая стала главным делом его жизни. Это была рецензия на работу В.А.Молодцова «Коми грамматика», опубликованную еще в 1921 году. Следующая языковедческая работа вышла в том же журнале более чем через полтора года. Но это были пока лишь «подступы» к языковедению, которым более серьезно А.С.Сидоров занялся позднее, во второй половине 20-х годов.

Знакомство с яфетидологией.

В сентябре 1926 года А.С.Сидоров уехал на стажировку в Ленинград, где более двух лет изучал языковедение под руководством академика Н.Я.Марра (в Институте языка и мышления АН СССР) и археологию в Академии материальной культуры (руководитель профессор П.П.Ефименко). Н.Я.Марр оказал огромное влияние на формирование А.С.Сидорова как лингвиста. Алексей Семенович на многие годы стал последователем «яфетической теории» академика Марра. В октябре 1926 года в «Коми му», № 10, вышла его статья «Яфетическая теория и коми язык», в которой А.С.Сидоров обосновывал возможность применения теории Марра («нового учения о языке») к исследованию коми языка. Как считает исследователь научного наследия А.С.Сидорова лингвист Е.А.Цыпанов теория Н.Я.Марра привлекла А.С.Сидорова прежде всего тем, что она тесно связывала развитие языка с развитием общества, призывала исследовать «малые языки» (такие как коми), ускорить их развитие, подтянуть их до уровня «цивилизованных» языков.

Познания А.С.Сидорова произвели впечатление на ленинградских ученых. Позднее член-корреспондент АН СССР Д.В.Бубрих вспоминал: «А.С.Сидорова я знаю с 1926 г. Уже тогда я обратил внимание на его

большую эрудицию в вопросах общего языкознания, равно как его исключительную осведомленность в области коми археологии, истории, этнографии и языка. А.С.Сидоров сразу произвел на меня впечатление человека... научно инициативного. Последующее мое знакомство с А.С.Сидоровым укрепило первые впечатления».

«Кое-что о колдунах».

В 1927-году Общество изучения Коми края обратилось в Главнауку с просьбой оказать содействие в издании ряда книг. «Особенно ходатайствуем издать монографию т. Сидорова А.С. «Колдовство и знахарство», – писали руководители ОИКК, – так как у нацменьшинств имеется большой спрос на эти книги и есть хорошие отзывы Яфетического института Академии наук». К просьбе прислушались, и в 1928-м в Ленинграде вышла книга «Знахарство, колдовство и порча у народа коми», посвященная дохристианским верованиям коми, написанная на основе обширнейшего материала, собранного в 1918–1926 годах и ставшая самым крупным вкладом А.С.Сидорова в изучение этнографии и фольклора коми. В ней детально описаны бытовые суеверия и народные приметы, приведено толкование снов, освещены представления о «порче» и ее исправлении, говорится об атрибутах колдовства и конкретных действиях колдунов и т.д. По оценке этнографа Л.Н.Жеребцова, «по богатству и оригинальности материала эта книга стоит на первом месте среди исследований традиционных форм духовной культуры коми» и не теряет своей ценности и в настоящее время. Высокую общую оценку работе А.С.Сидорова дали и другие ученые. Многие из того, что удалось записать Алексею Семеновичу, в дальнейшем исчезло из народной культуры, и труд ученого стал уникальным источником для последующих поколений исследователей.

Сам А.С.Сидоров в предисловии к работе отмечал, что эта книга «представляет собой часть курса «этнография коми», составившегося в результате этнографического изучения народа коми в течение ряда лет, начиная с 1918 г.» «Многие положения... несомненно требуют проверки на материале широко-сравнительном, выполнение каковой в условиях научной работы в одной из самых глухих окраин при крайней скудости там литературных научных материалов представляется, однако, почти совершенно невозможным. Благодаря последнему обстоятельству, – писал А.С.Сидоров, – данная работа имеет характер не столько строго методологического исследования, сколько краеведческого описания».

В предисловии к книге А.С.Сидоров подчеркивал важность развития научных исследований в регионах, в повышении их теоретического уровня: «Местные научные работники отнюдь не могут удовлетвориться ролью только собирателей материала, так как участие в научной жизни... широких слоев населения и представителей разных народностей имеет

значение для науки... не только в ее потребности массового накопления материала, но и в получении результатов качественного порядка, в смысле некоторого стимулирования в отношении методологического оживления в общем поступательном движении науки на окраинах». Этой цели самому А.С.Сидорову удалось достичь.

В 1929 году на страницах журнала «Коми му» монография А.С.Сидорова подверглась неожиданно острой критике со стороны краеведа, одного из руководителей ОИКК А.М.Мартюшева. В статье «Кое-что о колдунах и о книге А.С.Сидорова» Мартюшев писал: «Книга эта переносит нас в обстановку Лысой горы с ее колдунами, знахарями, еретниками, кликушами, тунами, ортами и прочими «нечистых дел мастерами...» Нам несколько непонятно, почему А.С.Сидорову нужно было сконцентрировать в явно преувеличенном количестве всю эту чертовщину только в Коми области». А.С.Сидоров в том же году опубликовал статью «Кое-что о критике вообще и о А.Мартюшеве как критике», где в ответ на «безответственные утверждения весьма ответственного лица» пояснил, как и для чего создавалась его книга.

На рубеже десятилетий.

В марте 1929 года А.С.Сидорова пригласили в Ленинградский пединститут имени Герцена на отделение национальных меньшинств, где он до января 1932 г. преподавал коми язык, методику преподавания коми и русского языков коми студентам, руководил их производственной и методической практикой, одновременно продолжая научную работу.

Работая в Ленинграде, А.С.Сидоров не забывал о нуждах развития коми науки. Ученый стоял у истоков создания академических, научно-исследовательских учреждений Коми области. В 1927 году он выдвинул предложение об организации Коми научно-исследовательского института и о комплексном исследовании Коми области Академией наук СССР при активном участии местных исследователей, 9 августа 1927-го выступил с докладом об этом на заседании президиума Коми облплана и правления ОИКК. «Гуманитарный» отдел комплексной программы предусматривал изучение национального состава населения, его антропологических особенностей, языка и литературы, культуры и быта, археологии и истории, «современной социальной организации. Сохранился разработанный А.С.Сидоровым в 1930 году проект положения о Коми краеведческом научно-исследовательском институте, целью которого должна была быть «планомерная работа по поднятию культуры и хозяйства Коми области». Эту работу он предлагал вести в двух направлениях: 1) изучение фауны, флоры, почв, недр, климата; 2) изучение языка, фольклора, материальной культуры и быта коми и ненцев, истории этих народов.

Президиум ВЦИК 20 июля 1931 года поддержал идею открытия такого института, в том же году было создано оргбюро, которое должно было

заниматься вопросами организации этого научного учреждения. Организационный период, однако, затянулся, и упомянутое постановление Президиума ВЦИК было реализовано только после поездки в Сыктывкар в 1933 году президента Академии наук СССР А.П.Карпинского, убедившегося в больших потенциальных возможностях развития науки в Коми. Коми НИИ был открыт в 1934-м. Сотрудники НИИ изучали коми язык, литературу, историю, экономику, природные ресурсы региона. Научно-исследовательский институт, однако, не являлся академическим учреждением. Он подчинялся Управлению университетов и научно-исследовательских учреждений Наркомпроса РСФСР, а финансировался из местного бюджета.

Двумя годами раньше, в начале 1932 года, открылся Коми государственный педагогический институт, куда были приглашены коми ученые, работавшие в других городах, в том числе и А.С.Сидоров. С января 1932-го он работал доцентом КГПИ, преподавал общее языкознание и практический курс коми языка, а затем возглавил кафедру языка и литературы. В том же году А.С.Сидоров передал в Коми госиздательство составленный им сборник художественных произведений И.А.Куратова, вскоре опубликованный. Тогда же А.С.Сидорова представили к званию профессора, но он его не получил.

Пединститут открывал хорошие перспективы для подготовки специалистов, да и с ожидавшимся созданием научно-исследовательского института связывались большие надежды, но все же на душе у Алексея Семеновича, вероятно, было невесело... В 1932–1933 годах появились книги Н.И.Ульянова и В.М.Подорова по истории народа коми, в которых закрытый журнал «Коми му» был объявлен «органом пропаганды националистических и кулацких идей», общество «Коми котыр» – «буржуазно-националистической», «контрреволюционной» организацией; досталось и ликвидированному Обществу изучения Коми края; многим краеведам, в том числе и А.С.Сидорову, предъявлялось обвинение в «национализме». В 1932–1933 годах начались аресты хорошо знакомых Алексею Семеновичу людей – ученых и краеведов Д.А.Батиева, А.М.Мартюшева, А.А.Чеусова и др.

С 1934 года А.С.Сидоров сотрудничал также в Коми НИИ (при создании которого принимался во внимание и разработанный Алексеем Семеновичем проект) в должности доцента по восточно-финским языкам, но проработал там недолго. Вероятно, ему просто невыносимо было жить в условиях раздувавшейся кампании против «национал-шовинизма», «контрреволюционности», «кулацкой идеологии». Он отчетливо сознавал, что и сам находится под подозрением и тоже вот-вот попадет под пресс карательных органов...

Контрреволюционная грамматика.

В 1935 году Коми издательство выпустило школьный учебник А.С.Сидорова «Коми грамматика: синтаксис». Неожиданно эта книга стала объектом острой критики. 5 марта 1935-го секретарь Севрайкома ВКП(б) Д.А.Конторин (в состав Северного края входила и Коми область) на собрании Сыктывкарской партийной организации заявил: «В учебнике коми языка А.Сидорова имеются места, которые угрожают тем, кто тронет кулака. И тем не менее этот учебник продается. Заведующий культпром обкома знает об этом и ничего не сделал. Виновные не привлечены к ответственности». 17 марта он же на Сыктывкарском общегородском партсобрании еще раз высказался по поводу учебника, назвав его «явно невыдержанным, содержащие антисоветские выпады». Неудачной объявлялась терминология учебника. Критику высокого начальника тут же подхватили на местах. 21 марта 1935 года в газете «За новый Север» появилось письмо «бригады студентов» Коми пединститута. Студенты «разоблачали» окопавшиеся в пединституте «подлые остатки контрреволюционной троцкистско-зиновьевской оппозиции». Среди всего прочего они писали: «В работе литературной кафедры и в научно-исследовательской работе есть крупные недочеты (грамматика Сидорова)»: «по разоблачению... Сидорова дело ведут втихомолку и ни к какому решению прийти не могут». Встал вопрос об изъятии учебника. Против этого выступили некоторые преподаватели Коми пединститута. В частности, как сообщила газета «За новый Север», ...«Тарабукин на заседании кафедры литературы... заявил: «Книгу изымать не надо, на нее положено много труда, а если терминология непонятна для коми населения, то это не беда, надо же вырабатывать свою терминологию, а не держать курс на заимствование ее у русских». Но выступления в защиту учебника объявлялись «национал-шовинистическими».

9 апреля 1935 года в той же газете была опубликована статья К.Туркина «Националистическая концепция на практике», посвященная критике учебника А.С.Сидорова. Автор заявил, что те, кто способствовал или не помешал изданию книги, «проявили политическую близорукость, безграмотность, невежество и полное притупление классового чутья». «Под видом учебника, – писал К.Туркин, – преподносится антипартийный хлам с явной националистической установкой, деморализующе-пессимистическим содержанием... По каждому вопросу книга имеет антипартийные установки, выраженные примерами, специально подобранными пословицами и поговорками, вытекающими из той буржуазно-националистической установки, которой придерживается автор. Эта антипартийная методология привела к тому, что вся книга насыщена антисоветским материалом...»

В доказательство своих обвинений К.Туркин ссылался на такие «контрреволюционные по содержанию пословицы и поговорки» или

отдельно выхваченные выдержки из произведений коми писателей»: «Например, «испытало сердце радость – обратно наступила печаль...» Автор ориентирует учащихся назад, к далекому прошлому, где «была радость», а теперь осталась одна лишь печаль. Почему? Да потому, что для автора хорошая жизнь где-то в прошлом, а в настоящем он ее не видит... Вот целый букет... «Дерево это с виду красиво, но сердцевина гнилая...», «Гребу, гребу, но вперед нисколько не двигаюсь». И тут... пессимизм и враждебность, выражающаяся в том, что если с виду и красиво у нас, то сердцевина гнилая и хоть сколько ни греби, вперед не двинешься и т.д. ...«У кулака оборвешь ремень из ивовой коры, да придется расплатиться кожаным ремнем...» Это как предупреждение: смотри, мол, не трогай кулака, а придет время – расплатишься вдвойне».

Публикация К.Туркина с ее явной тенденциозностью, надуманностью обвинений, высосанными из пальца «аргументами», сегодня вызывает ощущение какой-то ирреальности. Поистине, это было бы смешно, если бы не было так грустно: в этой статье отразился дух того времени, проникнутого подозрительностью, угрозами, возникающими из ничего обвинениями в самых страшных преступлениях. Мы так подробно цитировали ее, потому что статья К.Туркина сыграла, на наш взгляд, очень важную, едва ли не роковую роль в судьбе А.С.Сидорова: это был, по сути, донос, подобный тем, с которых начинались тогда дела многих и многих осужденных «контрреволюционеров» и «националистов»...

Через день А.С.Сидоров подал заявление с просьбой освободить его от заведования кафедрой из-за «идеологических и политических ошибок» в учебнике, а еще день спустя был снят этой с должности за «грубые политические и методологические извращения в своих работах»; к тому же «выяснилось», что он не смог обеспечить «политически выдержанное руководство» кафедрой...

Не прошло и трех недель, как в той же газете появилась другая публикация, автор которой, Коковкин, обличал «явно контрреволюционных кулацких буржуазных националистов вроде Мартюшевых, Батиевых, Молодцовых и Сидоровых» (Мартюшев и Батиев были в это время уже арестованы и осуждены). Учебник «Коми грамматика: синтаксис» весной 1935-го был изъят из пользования. 8 мая А.С.Сидоров вынужден был опубликовать в газете «За новый Север» заметку «Вырвем корни национализма из области теории», в которой «признал» свои «ошибки научного характера», «о чем свидетельствуют идеологические вывихи, правильно отмеченные тов. Конториным» (имелся в виду его школьный учебник). «Идеализация патриархальщины в этнографии..., использование... фольклора, отражающего капиталистические отношения..., организация националистических обществ в 1918 году (Коми котыр...)... – вот наиболее яркие эпизоды буржуазного национализма. Латинизация коми алфавита, в которой принимал участие и я – более

поздний этап националистических устремлений», – писал в этой заметке А.С.Сидоров.

Но этим дело не кончилось. 20 июня 1935 года коллега Сидорова по НИИ этнограф Г.А.Старцев, когда-то учившийся у него в Институте народного образования на курсах этнографии, на страницах газеты «За новый Север» заявил, что А.С.Сидоров «лил воду на мельницу» национал-шовинистов, припомнил участие Алексея Семеновича в обществе «Коми котыр», которое он охарактеризовал как проэсеровскую, антибольшевистскую националистическую организацию. Может быть, именно после этой статьи А.С.Сидоров решил уехать в Ленинград. С 1 июля по 25 августа, как пишут исследователи Л.А.Жданов и Э.В.Роттэ, ему предоставили отпуск. Вполне вероятно, что к работе в Коми пединституте после отпуска А.С.Сидоров уже не приступал.

Полон стремления работать...

В Ленинграде два года А.С.Сидоров занимался научной работой по договору с Академией наук СССР, Академией истории материальной культуры и Коми издательством. В феврале 1937 года Алексей Семенович поступил на работу в Ленинградский научно-исследовательский институт языка и письменности. В Ленинграде А.С.Сидоров написал ряд трудов по языкознанию, этнографии и археологии, рукописи которых хранятся ныне в архивах Москвы, Санкт-Петербурга и Сыктывкара; опубликованы были лишь некоторые из них, причем через много лет.

А.С.Сидоров напряженно работал над рукописями И.А.Куратова. Он писал, что его работа – лишь «результат первоначального изучения... наследия И.А.Куратова», и что в дальнейшем необходимо будет «осуществить более обстоятельное и глубокое изучение его творчества». О важности этих исследований А.С.Сидорова позднее писали ученые Е.С.Гуляев, В.И.Мартынов и другие. «К 1936 году, – писал в 1941 г. А.С.Сидоров, – исследовательская работа подошла к завершению, и я оказался в состоянии подготовить академическое издание рукописей писателя с выявлением творческого метода его, с подробным описанием рукописей, с характеристикой языка и орфографии, причем были восстановлены последовательные варианты произведений и их частей.

В 1936-м А.С.Сидоров обратился в Коми обком ВКП(б) с предложением издать полное собрание сочинений И.А.Куратова к 100-летию со дня его рождения. 27 декабря того же года он заключил с Коми издательством договор об издании этого собрания сочинений и в феврале 1937-го представил его в издательство и ожидал издания подготовленного им собрания сочинений И.А.Куратова, был полон стремления работать, но...

«Контрреволюционный агитатор».

В ночь на 21 сентября 1937 года ученого арестовали. Дочь Алексея Семеновича вспоминает, что в ту ночь ее разбудил шум. Заглянув в комнату отца, она увидела его растерянным у стены, а двое военных делали обыск – вынимали из шкафа книги, охапками бросали их на пол... Девочка была удивлена подобным обращением с книгами, встревожилась, но все же легла спать и лишь утром узнала, что отца арестовали. Дочь осталась с мачехой (незадолго до этих событий А.С.Сидоров вторично женился). Очень долго родные ничего не могли узнать о судьбе Алексея Семеновича. Наконец после длительных хлопот выяснилось, что его по этапу отправили в Сыктывкар. Весточку от него они получили только в 1939 или 1940 году из лагеря. А.С.Сидорова осудили по печально известной 58 статье за «контрреволюционную агитацию» на три года.

После ареста оригинал рукописей И.А.Куратова вместе с некоторыми другими материалами и документами попал в руки следователей, а те вызвали исследователя П.Г.Доронина и предложили ему дать заключение «относительно ценности этих рукописей: нужно ли их хранить или же следует уничтожить». П.Г.Доронин дал высокую оценку наследию И.А.Куратова. В 1939-м Коми госиздательство выпустило в свет двухтомное издание художественных произведений и лингвистических трудов И.А.Куратова. Однако издание вышло под редакцией П.Доронина, А.Вежева и Д.Конюхова. О заслугах Алексея Семеновича в подготовке этой работы не было упомянуто.

В сентябре 1940 года Алексей Семенович освобожден и вернулся к семье в Ленинград. Дочь не узнала отца – так сильно тот изменился. До ареста он был крепким, моложавым, подтянутым мужчиной с вьющимися волосами и белозубой улыбкой – а вернулся из заключения седой, беззубый, сутулый старик... «Я ведь доченька, враг народа...», – сказал он 15-летней дочери тихим шепотом. Та крепко обняла отца: «Что ты говоришь, какой же ты враг? Ты самый хороший человек...» По воспоминаниям Людмилы Алексеевны Сидоровой, отец никогда не рассказывал ей о годах, проведенных в тюрьме и лагере: «Только раз я слышала, что после пыток он позабыл фамилию моей мачехи. О том, что он перенес в застенках, можно было только догадываться по его изможденному, замученному виду». Да как-то еще А.С.Сидоров сказал ей: «Особенно тяжело было с уголовниками, которые издевались не менее изощренно, чем следователи».

Возвращение в науку.

Алексей Семенович был лишен права жить в Москве и Ленинграде. Навестив дочь, он устроился подсобным рабочим в земельную экспедицию. Паспорт ему выдали в сентябре 1941 года в Боровичском районе Ленинградской области, а в ноябре того же года он уехал на родину, в

с.Палевицы. Дочь он забрать с собой сразу не смог, она осталась с мачехой в Ленинграде, попала в блокаду, тяжело болела. Только в 1942 году ее эвакуировали, и она смогла приехать к бабушке. Сам А.С.Сидоров у матери в селе не задержался: немного поправив здоровье, он в конце 1941 года стал работать на сплаве в Максаковке (под Сыктывкаром). Несмотря на огромные сложности жизни, Алексей Семенович в том же 1941 году завершил работу над монографией «Принадлежностный строй в коми языке», начатой еще в 1935 году.

10 января 1942 года ученый смог приступить к работе в должности младшего научного сотрудника Коми НИИ и, как писали позднее его коллеги по институту, «всцело отдался научно-исследовательской работе в области коми языка». К этому времени институт был уже не комплексным, как его задумывал Сидоров и каким он был создан. После того, как в 1937–1938 годах были репрессированы ведущие исследователи Коми НИИ, в середине 1938-го институт был реорганизован и стал называться Коми научно-исследовательским институтом языка, литературы, фольклора и истории при Наркомпросе Коми АССР, т.е. приобрел исключительно гуманитарную направленность; фактически он был создан заново (в некоторых документах рубежа 30–40-х годов даже говорилось, что Коми НИИ организован именно в 1938-м).

В 1938–1940 годах институт, главным образом, разрабатывал учебные программы, учебники и словари для начальных и неполных средних школ; собственно научно-исследовательская работа отошла на второй план. Между тем именно в эти годы в Коми республике начали осуществляться предложения А.С.Сидорова и его коллег по краеведению 20-х годов относительно организации в Коми академического учреждения: в 1939-м в Сыктывкаре появилась постоянная группа сотрудников Северной базы АН СССР (геологов и биологов). Первые успехи в организации и развитии естественнонаучных исследований, вероятно, сыграли свою роль в том, что руководство республики решило принять меры и по активизации работы гуманитариев.

В июне 1940-го по решению Коми обкома ВКП(б) и Совнаркома Коми АССР Коми НИИ был вновь реорганизован. В его составе создали три секции (сектора): языка; литературы и фольклора; истории. Предполагалось, что сотрудники института под руководством директора А.А.Вежева (он возглавлял НИИ с марта 1939 года) будут вести исследования по основным проблемам истории и культуры коми. Однако из-за недостатка кадров (штаты НИИ не были должным образом укомплектованы) в течение полутора лет функционировала фактически только секция языка, где работали выпускники Коми пединститута, тоже не имевшие, к сожалению, необходимой научной подготовки. В октябре 1941-го НИИ покинул его директор А.А.Вежев, призванный на военную службу.

Но уже в 1941-м институт стал укрепляться кадрами. «Первой ласточкой» стала М.А.Сахарова, 31 июля 1941 года ставшая научным сотрудником НИИ и одной из главных его опор. В октябре 1941-го в институт пришли автор ряда публикаций по коми истории доцент В.М.Подоров и окончивший аспирантуру языковед Д.С.Оверин, который стал директором НИИ. В январе 1942 года научным сотрудником НИИ стал, как мы уже сказали, А.С.Сидоров, а 25 марта того же года – окончившая аспирантуру ЛГУ Н.А.Мальцева (Колегова). Слаженный тандем Н.А.Колеговой и М.А.Сахаровой в последующие годы вписал, без всякого преувеличения, славнейшие страницы в историю коми языкознания, историю гуманитарной академической науки в Коми. Работавший в эвакуированном осенью 1941 года в Сыктывкар Карело-Финском университете выдающийся ученый-лингвист доктор филологических наук, профессор Д.В.Бубрих стал штатным научным сотрудником НИИ, ученым секретарем института.

В 1942 году главное внимание ученых НИИ уделялось различным аспектам коми языкознания: диалектологии, грамматике, орфографии, лексикографии. Ключевую роль в разработке и обсуждении всех этих вопросов играли Д.В.Бубрих и А.С.Сидоров, которые нередко вступали в научные дискуссии друг с другом. Исторические, этнографические и археологические исследования в институте после призыва в армию в 1942-м В.М.Подорова не велись. Одному А.С.Сидорову, – хотя он и был гуманитарием-энциклопедистом, имевшим немалый опыт соответствующей работы, и ряд научных трудов по этнографии и археологии, – не под силу было одновременно заниматься всеми этими проблемами. Не было в НИИ специалистов и по литературе и фольклору (исключая опять-таки А.С.Сидорова).

Несмотря на все трудности военного времени, работа НИИ постепенно налаживалась. 1 февраля 1943 года директором НИИ была назначена А.И.Подорова, руководившая до того Наркомпросом Коми АССР. Сектор истории возглавил профессор К.В.Сивков, литературоведческими исследованиями занимался писатель В.В.Юхнин, фольклорными – кандидат филологических наук, доцент В.Г.Вазанов из Карело-Финского университета. Поскольку большую часть сотрудников НИИ составляли языковеды, то основные научные достижения института по-прежнему оставались связанными с лингвистикой.

«Не имеет себе равных».

Жизнь показала, что, несмотря на тяжелые испытания, его творческий потенциал оказался высоким, и Алексей Семенович по-прежнему являлся одним из ведущих коми, да и не только коми, ученых. Член-корреспондент АН СССР Д.В.Бубрих в 1944 году писал о нем: «Я не знаю другого научного работника из советских специалистов по угро-финским языкам,

который так много работал бы научно. То, что уже сделано А.С.Сидоровым, обнаруживает полную научную зрелость, глубочайшее знание материала (по осведомленности в вопросах прошлого Коми края и в вопросах коми языка А.С.Сидоров не имеет себе равных)...».

Уже в 1942–1944 годах Алексей Семенович написал крупную работу «Принадлежностно-указательные суффиксы в коми языке». Это исследование в 1942 г. обсуждалось в Институте языка и мышления АН СССР в Москве и получило хорошую оценку ведущих ученых. Профессор Н.Ф.Яковлев в своем отзыве отметил, что труд А.С.Сидорова – «весьма солидная и обоснованная большим фактическим материалом работа». Почти одновременно, в 1943-м он начал работать над другим, еще более обстоятельным исследованием «Порядок слова в предложении коми языка», которое было завершено в 1945 году. С 1942-го А.С.Сидоров вместе с сотрудниками сектора А.И.Подоровой, Н.А.Колеговой, М.А.Сахаровой занимался составлением коми-русского словаря. Эта работа велась под руководством Д.В.Бубриха, которому помогал Алексей Семенович. А.С.Сидоров инструктировал сотрудников по сбору материала, составил вопросник по разделу «Лексика», сам выезжал в экспедиции. В 1943 или 1944 годах А.С.Сидорова чуть не забрали в армию. Он даже собрал вещи и отправился в военкомат для отправки, но из-за слабого здоровья его вернули.

Осенью 1944 г. научно-исследовательский институт был передан из системы Наркомпроса в состав Коми базы АН СССР – с 1 октября 1944 года он стал отделом Коми базы. Наступил новый этап в развитии коми гуманитарной науки. В том же году работа А.С.Сидорова «Принадлежностно-указательные суффиксы в коми языке» была рекомендована к защите в качестве кандидатской диссертации. Защита состоялась 8 февраля 1945-го в Карело-финском государственном университете (Петрозаводск). Оппонентами выступили Д.В.Бубрих и В.И.Алатырев, давшие высокую оценку исследованию. (Подробная характеристика этой и других лингвистических работ А.С.Сидорова дана Е.А.Цыпановым, Г.В.Федюновой и А.И.Туркиным). Алексею Семеновичу была присуждена ученая степень кандидата филологических наук.

В сентябре 1945 года А.С.Сидоров решил представить работу «Порядок слов в предложении коми языка» в качестве докторской диссертации. 11 февраля 1947-го в Ленинграде состоялась ее защита: Совет Института языка и мышления им. Н.Я.Марра и Ленинградского отделения Института русского языка АН СССР единогласно присудил Алексею Семеновичу ученую степень доктора филологических наук. Оппонент А.С.Сидорова академик И.И.Мещанинов после защиты расцеловал его... А.С.Сидоров разрабатывал одну из важнейших и сложнейших проблем коми языкознания – «Синтаксис коми языка». В начале 50-х гг. А.С.Сидоров вернулся

к изучению истории коми языка. Помимо лингвистики, А.С.Сидоров занимался также фольклористикой и этнографией.

Смертельное потрясение.

В начале 1953 года А.С.Сидоров уехал в командировку в Москву. (Как «разоблаченному» и «наказанному по заслугам» «врагу народа», ему приходилось просить в милиции разрешение для временного проживания в Москве). Он выступил на защите кандидатской диссертации Л.Н.Жеребцова, работал в библиотеках, планировал переработать некоторые из своих прежних лингвистических трудов. В начале марта здоровье его ухудшилось. Свою роковую роль в этом сыграл случай. 5 марта 1953-го умер Сталин. Для многих репрессированных людей подобно А.С.Сидорову, это означало возможность освобождения, реабилитации, можно сказать, возвращения к жизни. На судьбу Алексея Семеновича смерть Сталина оказала прямо противоположное влияние.

Для приезда многочисленных делегаций на похороны Сталина потребовались места в гостиницах, и из них спешно стали выселять жильцов. Ночью администрация гостиницы в сопровождении милиции явилась и в номер к А.С.Сидорову. Для Алексея Семеновича, с его ослабленным здоровьем, жившего под угрозой повторного ареста, неожиданное ночное вторжение милиции, которое могло означать самое худшее, оказалось жестоким потрясением. Ему стало совсем плохо. Вначале А.С.Сидорова перевели на частную квартиру, потом поместили в больницу, но врачи уже не смогли помочь ему. 21 марта 1953 года ученый скончался и был похоронен в Москве. Реабилитирован он был уже посмертно, в 1954 году.

Основная использованная литература и источники

IV симпозиум по пермской филологии, посвященный 100-летию А.С.Сидорова. Сыктывкар, 1992.

А.С.Сидоров. Автобиография / Публ. И.Л.Жеребцова // Стефан Пермский и современность. Сыктывкар, 1996.

Бурлыкина М.И. А.С.Сидоров, К.Ф.Жаков, П.А.Сорокин: параллели судьбы // Музеи и краеведение. Сыктывкар, 2004. Вып. 5.

Васильева С. Судьба энциклопедиста в России // Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. СПб., 1997.

Ведерникова О.В. Научные труды А.С.Сидорова как основа изучения коми народной духовной культуры в педагогическом вузе // От краеведения к науке. Сыктывкар, 2003.

Жданов Л.А., Ротгэ Э.В. А.С.Сидоров – заведующий кафедрой, доцент Коми пединститута (1932–1935 годы) // От краеведения к науке. Сыктывкар, 2003.

Жеребцов И.Л. Судьба коми ученого // Покаяние. Мартиролог. Сыктывкар, 1999.

- Жеребцов И.Л. Трагедия ученого (к 110-летию со дня рождения Алексея Семеновича Сидорова) // Арт, 2002. № 4.
- Жеребцов И.Л., Цыпанов Е.А. Ыджыд ученӧйлӧн туй // Войвыв кодзув, 1991. № 5.
- Жеребцов И.Л., Цыпанов Е.А. Судьба ученого // Они любили край родной. Сыктывкар, 1993.
- Жеребцов И.Л., Цыпанов Е.А. Алексей Семенович Сидоров. Сыктывкар, 1995.
- Исследователи Коми края. Сыктывкар, 1984.
- Королев К.С. А.С.Сидоров – археолог // От краеведения к науке. Сыктывкар, 2003.
- Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 19, д. 229.
- Национальный архив Республики коми. Хр. 1, ф. 148, оп. 1, д. 324, 426, 482.
- Плесовский Ф.В. Ыджыд ученӧй // Войвыв кодзув, 1972. № 9.
- Плесовский Ф.В. А.С.Сидоров // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1972.
- Попов Л.М. О родословной А.С.Сидорова // От краеведения к науке. Сыктывкар, 2003.
- Прокушева Т.И. А.С.Сидоров и изучение лично-притяжательных суффиксов в коми языке //
- Семенов В.А. А.С.Сидоров – ученый и гражданин // От краеведения к науке. Сыктывкар, 2003.
- Туркин А.И. Ыджыд мывкыда ученӧй // Войвыв кодзув, 1982. № 10
- Туркин А.И. К столетию со дня рождения А.С.Сидорова // Linguistica Uralica, 1992. № 4.
- Федюнева Г.В. А.С.Сидоров – лингвист // Лексикология и лексикография коми языка. Сыктывкар, 1988.
- Федюнева Г.В. Алексей Семенович Сидоров // Сидоров А.С. Избранные статьи по коми языку. Сыктывкар, 1992
- Цыпанов Е.А. Деятельность А.С.Сидорова в 1930–1940 гг. // Вестник культуры Коми АССР, 1990. № 1.
- Цыпанов Е.А. О некоторых взглядах А.С.Сидорова на коми орфографию // От краеведения к науке. Сыктывкар, 2003.

Очерк 6. Тернистый путь к вершинам науки

Родом из Тентюково.

Выдающийся финно-угровед и крупный коми писатель, прошедший тернистый путь от краеведения к вершинам гуманитарной науки Василий Ильич Лыткин родился 15 (27) декабря 1895 года. В автобиографии он писал: «Родился я в семье крестьянина, коми-зырянина по национальности. Родители жили в д. Тентюково, в 3-х км. от гор. Усть-Сысольска» (теперь это часть города Сыктывкара, а память о старинном селении сохранилась в названии расположенной там улицы Тентюковской). Его отец Илья Иванович, крестьянин-середняк, был грамотным человеком (закончил уездное училище), имел дома кое-какие книги (в частности, «Жития святых»), вел дневник. По праздникам в доме Лыткиных собирались неграмотные соседи, с интересом внимавшие читавшему что-либо вслух И.И.Лыткину. Он намеревался научить грамоте и своих детей, но в 1897 году погиб, заготавливая лес. Двухлетний Василий, пятилетний Степан и восьмилетний Петр остались с матерью, Марией Васильевной (ей было тогда 30 лет) и старой бабушкой 92 лет.

Мать воспитала трех сыновей, с детства приучила их к труду. По рассказам самого В.И.Лыткина, в шесть лет его посадили на лошадь боронить, через год он сгребал сено на лугах, а в девятилетнем возрасте стал косарем. Мария Васильевна постоянно была в заботах по хозяйству. В.И.Лыткин писал позднее, что не помнит ее сидящей без дела. Жилось семье непросто – разносолов в доме не водилось, мясной суп готовили только по праздникам, белый хлеб мать покупала раз в год, и то лишь 400 граммов, деля их между тремя сыновьями. Раз в год приобретались 400 граммов сахара и маленькая пачка чая. Но В.И.Лыткин вспоминал, что они всё же не голодали. Хватало молока, ржаного хлеба, картошки, капусты, грибов, ягод и других огородных и лесных даров. Когда старшему из братьев исполнилось 16 лет, он ушел на заработки в Сибирь, устроился в Томске на работу и оттуда прислал родным немного денег (на них было приобретено кое-что из одежды).

М.В.Лыткина была неграмотна, но позаботилась о том, чтобы все дети получили образование. В 1903 году Василий Лыткин поступил в школу в Тентюково. Порядки в ней царили чрезвычайно строгие, наказывали учеников за провинности очень сурово. Запомнился В.И.Лыткину лишь один учитель – Н.С.Холопов, «очень гуманный человек и хороший педагог». Впрочем, сам Лыткин учился весьма старательно, и в 1910 году при поступлении в Усть-Сысольское городское училище (позднее высшее начальное училище) его определили не в первый, как других, а сразу в третий класс. В городском училище (хотя это было одно из лучших учебных заведений в уезде) преподавание, по словам В.И.Лыткина, было поставлено немногим лучше, чем в Тентюковской школе. Обучались в нем,

в основном, коми дети, а предметы преподавались на русском языке. Занимались главным образом по учебнику – заучивали «от сих до сих». Хорошие впечатления остались у В.И.Лыткина только от преподавателя рисования Н.А.Поросятникова (впоследствии члена усть-сысольского «Общества обновления местной жизни», человека демократических взглядов). С ним у Василия Лыткина и некоторых других учащихся сложились более доверительные отношения, они нередко беседовали, обсуждали самые разные вопросы...

По окончании училища в 1912 году В.И.Лыткин решил продолжить учебу и в августе того же года «с трешником в кармане», как позднее вспоминал он сам, отправился в Тотьму – поступать в учительскую семинарию (в Коми крае такого учебного заведения тогда не было). Он успешно сдал экзамены и 1 сентября 1912 году был принят на учебу. Усть-Сысольское уездное земство, учитывая его материальные затруднения и принимая во внимание хорошие знания, показанные во время учебы в училище, выплачивало стипендию.

Первые написанные В.И.Лыткиным на коми и русском языках стихи относятся ко времени учебы в Тотемской семинарии. Там в 1913 году он познакомился со стихотворениями М.Н.Лебедева и А.А.Маегова, которые произвели на него большое впечатление; позднее Лыткин вспоминал, что именно под влиянием этих стихов он решил взяться за поэзию. Группа семинаристов организовала кружок, выпускавший свой рукописный журнал. В нем в 1913 году и появились первые стихи и фельетоны В.И.Лыткина – сатира на преподавателей и учащихся семинарии. В Тотьме он начал заниматься и стихотворными переводами; в частности, в 1915 году В.И.Лыткин перевел на коми стихотворение выльгортца А.А.Чеусова «Луна» («Тӧльсь»). Несколько стихотворений молодой поэт послал из Тотьмы в Усть-Сысольск А.А.Цемберу, который издал к тому времени два сборника коми фольклора и стихов и готовил третий сборник (он не был опубликован). В.И.Лыткин продолжал писать стихи и в армии («Мӧд Микул цар», появившееся, вероятно, под влиянием Февральской революции, и другие). До наших дней дошло 28 его дореволюционных стихотворений, главным образом, написанных в Тотьме. Там же, в Тотьме, ему впервые попала в руки книга Георгия Лыткина «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык», которая произвела на него большое впечатление.

Закончив семинарию 1 июня 1916 года, В.И.Лыткин получил награду за хорошую учебу (18 рублей) и намеревался приступить к учительской работе, но не тут-то было. Вот уже почти два года шла мировая война, российские солдаты гибли, на их место нужны были новые. В.И.Лыткина призвали в армию. 10 июня 1916 года он стал рядовым 210-го пехотного запасного полка. В армии В.И.Лыткин находился два долгих года.

1 апреля 1917 года В.И.Лыткина зачислили юнкером Чугуевского военного училища. Позднее он писал: «В апреле 1917 году я познакомился с программой большевиков, которая на меня произвела сильное впечатление, в особенности в отношении разрешения национального вопроса». Через четыре месяца, 1 августа 1917 года, В.И.Лыткин был произведен в первый офицерский чин и отправлен в распоряжение Казанского военного округа. 18 августа его назначили младшим офицером в 154-й пехотный запасной полк, располагавшийся в г. Глазове Вятской губернии. 10 октября 1917 года батальон, в котором служил В.И.Лыткин, отправили на северный фронт, 14 октября его прикомандировали в 173-й пехотный запасной полк, находившийся в резерве 1-й Кавказской дивизии. Там В.И.Лыткина застали октябрьские события. 18 декабря 1917 года военная служба В.И.Лыткина закончилась (его демобилизовали как педагога), и он вернулся на родину.

С 15 января 1918 года Василий Ильич стал работать учителем во второклассной школе в с. Деревянск. Завершился учебный год, начались летние каникулы. В.И.Лыткин поехал в г. Яренск на месячные учительские курсы. Группа участников этих курсов по инициативе А.С.Сидорова и В.А.Молодцова образовала культурно-просветительское общество «Коми котыр». Василий Ильич «солидаризировался с целями этой группы», вступил в «Коми котыр», но активного участия в его деятельности не принимал. По окончании курсов он уехал в Усть-Сысольск и утратил связь с обществом («Мне ничего не было известно» о его дальнейшей деятельности, сообщил В.И.Лыткин позднее).

Обстановка в стране все осложнялась. Разгоралась гражданская война. Вышел приказ Советского правительства о мобилизации военспецов. 15 августа 1918 года В.И.Лыткина, как бывшего офицера, призвали на военную службу. 26 августа он прибыл в распоряжение Северо-Двинского губвоенкомата (значительная часть Коми края входила тогда в Северо-Двинскую губернию), но уже через три дня ему как учителю дали отсрочку, и Василий Ильич направился в обратный путь.

8 сентября 1918 года газета «Зырянская жизнь» опубликовала сообщение Усть-Сысольского уездного отдела народного образования о переводах и назначениях на работу учителей. Среди других был назван и В.И.Лыткин, которого перевели в Усть-Сысольское двухклассное училище, но к работе он приступил только 23 октября. К тому же ситуация складывалась так, что преподавание в школе не стало главным делом Василия Ильича. В Коми крае в острых спорах создавались и реформировались новые органы власти, осуществлялась реформа системы образования, началась работа по изучению и пропаганде национальной коми культуры. Возможно, В.И.Лыткин был одним из участников Зырянского литературного общества «Асья кыя», возникшего в начале сентября 1918 года,

но вскоре преобразованного в Тентюковский культурно-просветительский кружок.

В 1918 году (3 и 27 августа, 12 и 23 октября) на страницах газеты «Известия Яренского уездного Совета крестьянских депутатов» появились первые публикации стихов В.И.Лыткина, подписанные псевдонимами «Митрей-чож» и «Дзоля-морт».

В ноябре 1918 года В.И.Лыткин вступил в РКП(б). В то сложное время он, как и многие другие представители коми национальной интеллигенции, обратил свой взор к большевикам – именно потому, что после захвата коммунистами власти стали ускоренными темпами осуществляться реформа системы просвещения и создание национальной коми школы. Местные большевики в силу невысокого в основной массе культурного уровня не имели достаточно ясных представлений о своей дальнейшей деятельности в сфере образования и культуры. Может быть, именно в силу этого, а также вследствие слабо оформленных в Коми крае партийных различий установился неплохой контакт между пришедшими к власти людьми, именовавшими себя коммунистами, и местной национальной интеллигенцией (особенно учителями), чьи политические взгляды зачастую были ближе эсеровским. В специфических условиях Коми края близкий коми интеллигенции лозунг развития национальной культуры (и связанный с ним лозунг автономии) воспринимался местными большевиками как социальный лозунг развития народной культуры – в противовес дореволюционной русификаторской образовательной и культурной политике самодержавия. И не вполне отчетливые политические устремления коми коммунистов находили свое выражение не только в реквизициях, конфискациях, арестах и т.п., но и в работе по реорганизации народного просвещения, в помыслах об автономии – вначале культурной, а затем и политической. Организовать и квалифицированно руководить такой работой могла только коми интеллигенция. Бывшие школьные учителя в 1918–1919 годах стали политическими или культурными деятелями, или и теми, и другими одновременно: так, поэт, драматург, композитор В.А.Савин возглавлял усть-сысольскую организацию коммунистов и ЧК, а политик Д.А.Батиев состоял в культурно-просветительском обществе «Коми котыр», а позднее возглавил Общество изучения Коми края.

23-летний В.И.Лыткин активно включился в культурно-просветительскую деятельность, став одним из инициаторов создания в ноябре 1918 года при Усть-Сысольском уездном отделе народного образования Коми комиссии. В конце декабря 1918 года В.И.Лыткина ввели в редколлегию одной из первых коми газет «Зырянская жизнь», значение которой для культурно-просветительской работы в Коми крае трудно переоценить. В «Зырянской жизни» В.И.Лыткин сотрудничал с Д.Я.Поповым, В.А.Савиным, А.А.Чеусовым. Позднее он с гордостью подчеркивал, что являлся

«редактором единственной тогда коми газеты». В декабре 1918 – январе 1919 года на страницах «Зырянской жизни» появились первые четыре публицистические статьи В.И.Лыткина: «Кому дорог коми народ, тому мил коми язык», «Маленькие люди освобождаются от когтей больших людей», «Широка коми земля», «В защиту коми языка и литературы».

На Гражданской войне.

В самом начале 1919 года грозные события Гражданской войны властно вторглись в жизнь Василия Ильича. 25 января он стал командиром 34-й маршевой роты. А затем, как вспоминал сам В.И.Лыткин, он «в течение двух лет... ни разу не покидал передовой линии, участвовал во многих сражениях». Наступление войск А.В.Колчака, освобождение ими от красных Перми, продвижение к верховьям Камы, Печоры, Вычегды и Сысолы обострило положение в Коми крае. 19 марта 1919 года красные сформировали в коми крае Кай-Чердынский полк. 10 дней спустя в распоряжение этого полка была отправлена рота В.И.Лыткина. 10 апреля он прибыл в штаб и был назначен командиром взвода 1-й роты Кай-Чердынского полка. Позднее В.И.Лыткин сообщал, что в 1919 году являлся делегатом «от батальонного партколлектива» на конференции коммунистов «Пинего-Печорского фронта», проходившей в Усть-Сысольске (вероятно, эта конференция состоялась весной).

Кай-Чердынский полк находился вначале в верховьях Вычегды (близ Усть-Кулома, Помоздино и других селений). Но после того как подразделения Сибирской армии белых вышли к верховьям Сысолы и 19 апреля заняли д. Монастырскую (невдалеке от современной границы Республики Коми), создалась угроза продвижения их в тыл красным – в Прилузье и район Котласа, к железной дороге Вятка-Котлас. Чтобы воспрепятствовать этому, к Кажиму перебросили батальон, в котором служил В.И.Лыткин. В его послужном списке указано, что он был «в походах и боях» на «Кажимском фронте» с 15 апреля по 21 мая 1919 года. Батальон прибыл в Кажим 23 апреля. В ходе дальнейших боев красным удалось оттеснить белых с верховьев Сысолы.

С 21 мая по 19 июня 1919 года В.И.Лыткин находился «на Колчаковском фронте». 25 мая его батальон соединился с 9-м полком 3-й армии красных у с. Гидаево в Прикамье. 1 июля красные заняли Пермь, а затем и весь Урал. Но В.И.Лыткина к этому времени здесь уже не было, так как 19 июня батальон Кай-Чердынского полка перебросили на нижнюю Вычегду для укрепления позиций красных войск в этом районе. Белые в середине июня предприняли наступление на Северном фронте и, в частности, на Северной Двине, куда пришлось отправить красные отряды, находившиеся ранее близ Яренска. Взвод В.И.Лыткина располагался в д. Черва на р. Яренге. Военных действий летом 1919 года там не велось; лишь один

раз В.И.Лыткин с десятью бойцами ходил в разведку в верховья Вашки (к Лоптюге) – 120 верст по полнейшему бездорожью...

На «Яренском направлении» В.И.Лыткин находился до начала осени. 5 сентября 1919 года бойцов 155-го (бывшего Кай-Чердынского) стрелкового полка 18-й дивизии 6-й армии перебросили на другой участок Северного фронта – на «Железнодорожное направление» (в район железной дороги Архангельск–Коноша). 21 сентября В.И.Лыткина назначили инструктором для поручений при командире 2-го батальона этого полка. Затем Василий Ильич воевал на Архангельском и Онежском направлениях до самой ликвидации Северного фронта в конце 1919 года. Полк В.И.Лыткина занял г. Онегу, другие части 18-й дивизии захватили Архангельск. Военные действия на Севере завершились.

Но отдохнуть долго не пришлось. Весной 1920 года полк был направлен с севера на юг через всю страну – на Польский фронт, где Василий Ильич находился с 10 мая по 24 августа 1920 года, пройдя с боями путь от Западной Двины до Вислы. Вот один из боевых эпизодов, о котором вспоминал сам В.И.Лыткин: «Был случай, когда внезапно из-за опушки леса появилась кавалерия белополяков и лавиной двинулась на наш полк. Пехотинцы растерялись и бросились бежать. Тут проявили себя пулеметчики. По команде Надеева (*А.Н.Надеев, друг и земляк В.И.Лыткина, тоже тентюковец, учившийся вместе с Василием Ильичем в школе и семинарии, работавший в Деревянской школе и Коми комиссии –Авт.*) они приняли боевой порядок и открыли шквальный огонь по наступающим. Многих тогда оставили на поле боя поляки, оставшимся пришлось убраться в лес. Так пулеметчики спасли полк от разгрома».

Военная жизнь переменчива: вначале были стремительный марш к столице Польши, пламенный призыв командующего М.Н.Тухачевского «На Варшаву, на Берлин!», ощущение начинающейся мировой революции, а затем разгром под Варшавой, отступление, многочисленные потери убитыми, ранеными, пленными... В конце августа 1920 года 6-я армия попала в окружение, и часть полков (в том числе и тот, где служил В.И.Лыткин), чтобы не попасть в плен к полякам, с разрешения Германского правительства перешла польско-германскую границу, оказалась в Восточной Пруссии, где была интернирована до окончания советско-польской войны. Тогда-то В.И.Лыткин, вероятно, выбыл из РКП(б) и больше в ее ряды не вступал. Четыре месяца спустя, после заключения мира интернированные, среди них и В.И.Лыткин, получили возможность вернуться на Родину. 155-й полк перебросили на Кавказский фронт, где Красная армия в конце 1920 – начале 1921 года одно за другим свергала небольшевицкие правительства независимых республик Азербайджана, Армении и Грузии. В.И.Лыткин получил отпуск по болезни и приехал в Усть-Сысольск.

Начало научной деятельности.

Находясь в отпуске, В.И.Лыткин не сидел сложа руки. Возможно, в этот период он работал в Коми издательстве, где возобновилось тесное сотрудничество Василия Ильича с его земляком-тентюковцем В.А.Молодцовым, который повлиял на возникновение у него интереса к науке. В марте 1921 года в газете «Удж» были напечатаны статьи В.И.Лыткина «Зырянский литературный язык» и «Парижская коммуна» и его отклик на стихотворение М.Ползунова «Вокруг Коми республики».

23 мая 1921 года, после отпуска, В.И.Лыткина направили в Северодвинский губернский военкомат. 30 мая он прибыл в Великий Устюг (центр губернии). В.И.Лыткина поначалу зачислили в резерв командного состава, а 15 июня 1921 года назначили инструктором для поручений при командире батальона, расквартированного в низовьях Лузы. Три дня спустя он прибыл на новое место службы в г. Лальск, а 24 июня, был назначен помощником командира роты 602-го (позднее 509-го) стрелкового полка.

Но обстановка менялась к лучшему, и потребность в учителях вновь стала больше надобности в офицерах. 26 сентября 1921 года В.И.Лыткина как педагога отчислили из полка, и он уехал в Усть-Сысольск. С 14 октября 1921 года по 15 июня 1922 года В.И.Лыткин преподавал в Институте народного образования – первом в Коми области высшем учебном заведении. Там, вспоминал Василий Ильич впоследствии, «под влиянием тех лиц, которые были для меня авторитетами, а именно В.А.Молодцова», у него усилился интерес к изучению коми и других родственных языков. По его словам, В.А.Молодцов в 1921 году в ПИНО «на своих лекциях по коми языку... трактовал единство по происхождению коми, удмуртского, финского и других языков» и рекомендовал В.И.Лыткину поехать на учебу в Хельсинки. Василий Ильич «даже принялся тогда изучать финский язык» (его преподавал профессор А.Н.Грен), «но впоследствии бросил».

Одновременно В.И.Лыткин работал учителем в усть-сысольских школах и сотрудничал в Коми издательстве. В автобиографии он отметил, что «в 1921–22 гг. был преподавателем родного языка в школах г. Сыктывкара», а в материалах одного из его допросов 1933 года сказано, что в те годы он «состоял преподавателем коми языка в школе II ступени, литературным сотрудником Коми издательства». В своем письме (1936 год) В.И.Лыткин писал, что во второй половине 1921–1922 годах «занимал ряд ответственных должностей – зав. соцвосом, обоно, редактор Коми издательства и т.д.».

В 1921 году его стихотворения были опубликованы в сборниках «Вой төв шувгём» (Под шум северного ветра) и «Гёрд пöлян» (Красная дудка) и в газете «Удж». В последующее время (до 1932 года) произведения Василия Ильича печатались в журналах «Коми му», «Ордым», «Ударник», «Парма ёль», газете «Югд туй», различных сборниках.

В.И.Лыткина не было в числе создателей Общества изучения Коми края, но он с энтузиазмом воспринял известие о его возникновении, вступил в ряды общества. Вскоре, 15 июля 1922 года, Василий Ильич ушел из ИНО, покинул Усть-Сысольск и уехал в Москву, решив продолжить свое образование. 1 сентября он стал студентом Московского государственного университета. Связей с ОИКК, однако, В.И.Лыткин не утратил, став одним из организаторов Московского отделения общества. В этом отделении (филиале), возникшем 14 апреля 1923 года, объединились, в основном, коми студенты, учившиеся в вузах Москвы. Каждый член МО ОИКК должен был ежегодно выступать на собрании с докладом. В первый год работы отделения В.И.Лыткин сделал доклад «Коми литература», в 1926 году прозвучало его сообщение «Коми литература да кыв историясь».

На заседаниях МО ОИКК бурно обсуждались проблемы объединения коми-зырян и коми-пермяков в одну административно-территориальную единицу. В.И.Лыткин активно участвовал в этих дискуссиях. Вызвал интерес слушателей и его доклад «О расселении коми народа». Позже В.И.Лыткин сообщил, что «активно поддерживал идею объединения всех коми в одну автономную советскую республику». Василий Ильич вспоминал, что в то же время он спорил с Кузубаем Гердом, удмуртским писателем и ученым, относительно целесообразности объединения Коми и Удмуртской областей, создания единого языка для удмуртов и коми (К.Герд был активным сторонником этой идеи, В.И.Лыткин выступал против).

Члены Московского отделения ОИКК составили указатель литературы о Коми крае, в который вошла тысяча названий, планировали издать социально-экономический атлас Коми области. Вероятно, по инициативе В.И.Лыткина при МО ОИКК была организована секция коми литературы и языка. В течение первого года существования отделения состоялось шесть заседаний этой секции. Одно из них было посвящено повести «т. Сажина, нигде еще не печатавшейся» (скорее всего, это был И.И.Сажин, несколько лет спустя входивший в комиссию по чистке Коми ассоциации пролетарских писателей; комиссия обвинит В.И.Лыткина в национализме...). Отделение выпускало рукописный журнал «Коми му» (за первый год работы вышло три номера). К сожалению, журналы эти пока не найдены. Сохранились ли они?..

МО ОИКК принимало участие в работе Угро-финской комиссии, его члены состояли в возникшем весной 1926 года по инициативе эстонцев Объединении угро-финских краеведческих обществ (идею организации «финно-угорского научного общества» в СССР еще раньше обсуждали В.И.Лыткин, К.Герд и их друзья и коллеги; они даже обращались со своими предложениями в официальные инстанции, но тогда дело не сдвинулось с места). Одним словом, возникшее при самом непосредственном участии Василия Ильича Московское отделение ОИКК стало одним из самых

деятельных подразделений общества. Позднее, когда В.И.Лыткин на время отошел от участия в работе МО ОИКК в связи с длительной командировкой за рубеж, секция литературы и языка прекратила существование.

В МГУ В.И.Лыткин учился у выдающихся ученых: профессора Д.Н.Ушакова, энциклопедиста русистики и славяноведения, труды которого стали основой для развития русской диалектологии, профессора А.М.Селищева, специалиста по исторической диалектологии македонского языка, русской диалектологии, балканистике, профессора М.Н.Петерсона, автора ряда трудов по общему языкознанию, по современному русскому и французскому языкам, читавшего курсы по сравнительной грамматике индоевропейских языков, санскриту и др. На материале индоевропейских языков В.И.Лыткин изучал различные методы исследований по диалектологии, истории языков, проблемам взаимодействия родственных и неродственных языков.

Во время учебы в университете В.И.Лыткин стал активно вести научную работу, публиковать статьи в журналах. В двух номерах коми литературного журнала «Парма ёль» (1922 и 1923) появились его статьи, посвященные становлению коми поэзии и драматургии. В 1923-м Лыткин выступил на конференции коми писателей в Усть-Сысольске с докладом о коми поэзии. В начале 1925 года при Московской ассоциации пролетарских писателей была создана коми секция, в состав которой вошел и В.И.Лыткин.

Много внимания В.И.Лыткин уделял и подготовке учебных пособий для коми школ (пригодился опыт работы школьным учителем). В 1923-м было издано его учебное пособие для учителей по коми языку (сборник упражнений), в 1925-м – первая часть грамматики коми языка. Участвовал он и в составлении опубликованных в 1922 и 1924 годах хрестоматий «Выль туйёд» и «Асья кыа».

Стажировка за рубежом.

Научные работы В.И.Лыткина были новы, интересны. Но для того, чтобы углубить свои знания в области финно-угроведения, необходимые для проведения научных исследований, нужно было ехать за границу (отечественное финно-угроведение делало только первые шаги). Позднее В.И.Лыткин писал: «В 1922–1925 гг. в СССР серьезно финно-угорской лингвистикой и этнографией никто не занимался, если не считать Налимова и Бубриха, было только несколько молодых людей, начинающих вести наукообразную работу, в числе которых был и я сам, Бондяков, Герд, Маркелов».

В.И.Лыткин время от времени задумывался над советом, данным ему В.А.Молодцовым (о необходимости зарубежной командировки). Но как было воплотить эту идею в жизнь? На помощь пришел случай. В 1924 году в Москву приехал венгерский исследователь И.Фалуди. Он интере-

совался литературой на различных языках, в том числе и на коми, и в связи с этим посетил В.И.Лыткина. В ходе беседы Фалуди сказал ему, что хорошо знает директора Венгерского института в Берлине Р.Граггера и порекомендовал связаться с ним и договориться о стажировке. В.И.Лыткин, не откладывая дело в долгий ящик, написал Граггеру и получил ответ «радушного содержания» с приглашением приехать. Обрадованный Лыткин рассказал о письме из Берлина своим товарищам, а затем и некоторым профессорам, в том числе А.М.Селищеву и Д.Н.Ушакову. Профессора, посоветовавшись, решили поддержать инициативу талантливого студента. А.М.Селищев дал ему рекомендацию для оформления стажировки за рубежом. Но времени для согласований потребовалось изрядно...

Закончив университет 1 июля 1925 года, В.И.Лыткин, по его словам, «был выдвинут в аспирантуру», которую с осени того же года проходил в институте народов Востока (преобразованного вскоре в научно-исследовательский институт по изучению культур и языков народов Советского Востока). 15 февраля 1926 года он, наконец, отправился за рубеж – в Финляндию. Начало своего путешествия Василий Ильич с юмором описывал так: «Сажусь в международный вагон прямого сообщения Ленинград-Гельсингфорс. Вагоновожатый, финляндец, подозрительно смотря на мою засаленную английскую шубу, требует билет... Пристально осматривает его: “Да, сюда! Пожалуйте”». В Хельсинки В.И.Лыткин четверть часа ехал на извозчике от вокзала до гостиницы, находившихся, как вскоре выяснилось, в полусотне метров друг от друга (извозчик прокатил его по городу, чтобы взять плату побольше)...

На следующий день после приезда в Хельсинки Василий Ильич отправился к финскому ученому Я.Калима с рекомендательным письмом от проф. А.М.Селищева, работавшего до революции вместе с Калима в Казанском университете. Тот приветливо принял молодого зырянина, посоветовал, какие курсы в Хельсинкском университете следует посещать, в каких библиотеках работать, снабдил научной литературой, помог подыскать квартиру, познакомил с городом.

Гостем из России заинтересовались. В.И.Лыткина посетил корреспондент одной из крупнейших газет. Рассказ Василия Ильича о жизни коми и привезенная им литература на коми и других языках (как вспоминал он сам, его «вещи... почти исключительно состояли из книг и рукописей») удивили журналиста. Под конец корреспондент спросил: «Значит, зыряне не обрусели?» «Нет, – ответил В.И.Лыткин, – лет через 10–15 у нас будет высшее учебное заведение на родном языке» (Коми пединститут открыли уже через шесть лет; правда, преподавание в нем велось не только на коми языке). В газетах появились статьи, посвященные В.И.Лыткину, поло-

жению финно-угорских народов в СССР, фотографии Василия Ильича. Его стали узнавать на улицах...

В.И.Лыткина представили известному лингвисту Э.Сетяля, занимавшему тогда пост министра иностранных дел Финляндии (эта встреча потом дорого обойдется Василию Ильичу) и другим финским ученым. «Первым долгом я посетил знатока коми языка... проф. Вихмана, бывшего в коми крае в 1901 г., известного ученого и главного моего учителя в Финляндии», рассказывал В.И.Лыткин. Затем дни, проведенные в Хельсинки, были заполнены посещением лекций в университете (они читались по-фински, и В.И.Лыткину поначалу было трудно – этот язык он знал неважно. На первых порах Вихман и другие ученые разъясняли ему наиболее важные проблемы по-немецки). Сам Василий Ильич позднее сообщал, что он, «помимо практического изучения финского языка при... университете, слушал до 15 разных курсов по финно-угорской лингвистике, работал в трех семинариях, еженедельно под руководством профессора Калима занимался экспериментальной фонетикой (исследовал собственное зырянское произношение)». Особенно полезными оказались лекции Ю.Вихмана, который читал некоторые курсы специально для В.И.Лыткина.

Василий Ильич сделал доклад в авторитетном научном Финно-угорском обществе на тему «В каком состоянии находится финно-угроведение в СССР», встреченный финскими исследователями с большим интересом; позднее он выступил там еще раз, был избран зарубежным членом этого общества. Финно-угорское общество приобрело у В.И.Лыткина собранные и привезенные им в Финляндию тексты коми-зырянских сказок и песен. Находясь в Финляндии, В.И.Лыткин, по его словам, «увлекался финским языком и считал необходимым знание финского языка для всех научных работников, работающих в области финно-угорского языкознания, этнографии, археологии», «в своих письмах... высказывал... мысль, что финский язык не мешает изучать... и широкой публике... (например, в средней школе)». По поручению Коми обласполкома В.И.Лыткин приобретал книги для организации финно-угроведческой библиотеки в Усть-Сысольске. В одном из писем он информировал, что «послал 15 посылок» с книгами в Коми областной музей, но «получают ли [их] в музее, ничего не сообщают, вследствие чего беспокоюсь и не знаю, каким путем посылать дальше» новые книги.

Наряду с тем удовлетворением, которое В.И.Лыткин получал от общения с финскими учеными Ю.Марком, А.М.Тальгреном, Ю.А.Каннисто, Сирелиусом, Тойвоненом, Л.Кеттуненом и другими («вообще финская профессура была очень любезна, благодаря чему мне удалось заполнить те пробелы в области финно-угорской лингвистики, которые у меня были», – вспоминал он позднее), случались у него в Финляндии огорчения и обиды. 1 июля 1926 года Василий Ильич даже записал в своем

дневнике: «Ужасное, тяжелое разочарование в Финляндии. Неделikatное обращение во всех учреждениях и заведениях... Презрительное отношение у всех людей. Нежелание говорить с человеком, плохо знающим по-фински... Худо приходится плохо одетым иностранцам».

В Хельсинки В.И.Лыткин встретился с активистами общества «Великая Финляндия» – группой студентов университета и проф. Янсоном. «Последний, пригласив к себе на квартиру, повел... разговор об общности с Финляндией финно-угорских народов, населяющих СССР, – рассказывал Василий Ильич позднее. – Янсон указал тогда примерно так: эти народности раньше жили вместе с финским народом, следовательно, и теперь пора объединяться. При этом показал... карту европейской части СССР, на которой весь Север и Поволжье были окрашены в один цвет – Финляндии».

Осенью 1926 года В.И.Лыткин написал письмо с просьбой о продлении заграничной командировки на шесть месяцев и о выделении денег на посещение Эстонии и Латвии для приобретения там книг коми писателя и ученого К.Ф.Жакова. Правление Общества изучения Коми края 4 декабря 1926 года решило поддержать просьбу В.И.Лыткина, обратилось за помощью в Коми облисполком, который направил соответствующее ходатайство в Главнауку; командировка была продлена. В конце декабря 1926 года Василий Ильич приехал в Эстонию, побывал в Таллине, Тарту, где 27 декабря выступил с докладом о культурном возрождении коми народа; в студенческой газете «Räevaleht» в начале января 1927 года была опубликована статья В.И.Лыткина на эту тему. Там он впервые узнал о существовании неопубликованной поэмы К.Ф.Жакова «Биармия». После 10-дневного пребывания в Эстонии В.И.Лыткин вернулся в Финляндию.

Венгерские ученые пригласили Василия Ильича продолжить стажировку в их стране. В начале февраля 1927 года В.И.Лыткин уехал из Финляндии в Эстонию, оттуда в Латвию и Германию (в Берлине он пробыл 10 дней). 21 февраля он был уже в Венгрии. Срок его командировки истекал в середине 1927 года, но В.И.Лыткину удалось добиться продления стажировки еще на полгода благодаря сочувственному отношению наиболее влиятельного в СССР лингвиста академика Н.Я.Марра. 12 апреля 1927 года В.И.Лыткин написал Н.Я.Марру письмо, в котором поблагодарил за поддержку и сообщил о своей жизни в Будапеште: «Устроили меня в студенческом общежитии, живу в дешевых условиях. Главное внимание обращаю теперь на практическое изучение венгерского языка. Обстановка для этого очень хорошая. В университете слушаю только 12 часов в неделю (впрочем, понимаю еще с трудом)». В последующие месяцы В.И.Лыткин намеревался, освоившись с венгерским языком, познакомиться с трудами венгерских лингвистов.

Венгрия и Финляндия являлись центрами финно-угорского сравнительно-исторического языкознания, которое бурно развивалось; пересмат-

ривались результаты работ предшествовавшего периода. Здесь у В.И.Лыткина родилось много интересных и плодотворных лингвистических идей. Пребывание в Венгрии было особенно удачным для Василия Ильича. В 1927 году он экстерном сдал экзамены за весь курс Будапештского университета. В том же году в Будапеште была издана на венгерском языке написанная Лыткиным за границей работа «С-овые суффиксы в пермских языках». За этот труд ученые Будапештского университета удостоили В.И.Лыткина ученой степени доктора философии (под философией понимались гуманитарные науки).

В 1927 году в Будапеште планировалось провести съезд финно-угорских народов «для взаимного ознакомления с культурными достижениями». По словам В.И.Лыткина, он «не прочь был участвовать на этом съезде и посоветовал проф. Синнею (*Синнеи – Авт.*) также пригласить представителей угро-финских народов СССР». Василий Ильич написал о подготовке съезда в СССР и получил ответ, в котором ему предлагалось принять участие в съезде, придав последнему «советский характер, правильно освещая подъем культуры финских народностей Советского Союза». Но съезд не состоялся. В декабре 1927 года В.И.Лыткин уехал из Венгрии в Финляндию.

Двухлетнее пребывание за рубежом, интенсивное изучение достижений финно-угорского языкознания позволили В.И.Лыткину сформировать ясное представление о состоянии этой науки, о стоявших перед исследователями проблемах. На родине с интересом следили за зарубежной поездкой В.И.Лыткина. Газета «Югд туй» помещала сообщения «О пребывании Лыткина в Финляндии». В феврале 1928 года газета информировала о том, что 21 января 1928 года Василий Ильич приехал в Ленинград из Хельсинки, и подчеркнула: «Лыткин будет в СССР единственным специалистом по угро-финскому языкознанию. Сейчас он будет работать в Московском университете».

Где работать?

В отличие от своих коллег по коми языкознанию – В.А.Молодцова и А.С.Сидорова, – Василий Ильич «новое учение о языке» не воспринял. Вероятно, свою роль сыграла в этом зарубежная командировка, во время которой он общался с мэтрами классического языкознания. По возвращении со стажировки Лыткин, как возмущался один из приверженцев яфетидологии, «не заглянул ни на одну лекцию Марра, не посетил ни одного языковедческого семинара с материалистическим (*то есть марристским – Авт.*) направлением и не сдал до 5-го года своего аспирантства зачетов по диамату», то есть диалектическому материализму – вот уж, действительно, беда для лингвиста! По тогдашней установке, время от времени в учреждениях и вузах проводились «чистки», на которых следовало выявлять «чуждых народу» личностей. Состоялась такая чистка

и среди аспирантов. Лыткину вменили «его знакомство... с тогдашней (так в тексте – Авт.) главой финского фашизма», но, к счастью, все обошлось.

Срок обучения В.И.Лыткина в аспирантуре истек. В мае 1928 года он, как сказано в его автобиографии, «подвергался испытаниям в Государственной квалификационной комиссии и защитил квалификационную работу на тему “Русские заимствования в зырянском (коми) языке как материал для изучения фонетики северо-восточных русских говоров”» (над этой проблемой Лыткин начал работать еще во время учебы в университете, писал по ней дипломную работу). По сути дела, это была его кандидатская диссертация. Но по ряду причин кандидатом наук Василий Ильич стал гораздо позже... В том же 1928 году В.И.Лыткин женился.

С 1 сентября 1928 года Лыткин работал старшим ассистентом этнологического факультета Московского госуниверситета, а с 1 октября 1929 по 28 марта 1931 года являлся доцентом этого факультета, затем перешел в Институт национальностей при ЦИК СССР. Он интенсивно занимался организацией исследований коми языка. После стажировки за рубежом творческая активность В.И.Лыткина явно возросла, расширился круг интересовавших его проблем. В 1928–1932 годах В.И.Лыткин являлся членом Государственного Ученого совета Наркомпроса РСФСР, в 1929–1931 годах – членом Коми облисполкома. В 1931 году было принято решение об открытии в Сыктывкаре с 1 января 1932 года педагогического института. Для работы в нем пригласили коми ученых и педагогов, работавших в Москве, Ленинграде, Вологде. В декабре 1931 года были назначены заведующие кафедрами. Кафедру языка и литературы возглавил В.И.Лыткин.

Однако, как писал Василий Ильич в сентябре 1932-го, ему «в Москве не удалось освободиться от работы и вследствие этого» он не мог достаточно времени уделять руководству кафедрой, поскольку в январе–сентябре находился в Сыктывкаре только в течение трех с половиной месяцев. 11 марта он попросил освободить его от заведования кафедрой. Позднее в одном из своих писем Лыткин отмечал, что в 1931–1932 годах являлся «членом месткома Института национальностей... в Москве», а в 1932–1933-м – «председателем ревкомиссии там же».

Тучи сгущаются.

Постепенно над головой Василия Ильича стали сгущаться тучи. Началась борьба с «националистической» и «кулацкой» идеологией. Было объявлено, что литература и наука являются «полем битвы» между «пролетарской» и «буржуазной» культурами. После состоявшегося в марте 1930 года объединенного пленума Коми обкома ВКП(б) и областной контрольной комиссии (он прошел под лозунгом «Усилить борьбу с

национал-шовинизмом!») объявилось множество бдительных сторонников «классового подхода», которые принялись старательно выискивать «ошибки» в произведениях коми писателей и ученых.

И.И.Оботуров на страницах журнала «Ордым» (орган Коми ассоциации пролетарских писателей) в мае 1930 года подверг В.И.Лыткина критике за «неклассовый подход» в поэме «Мунёны». Тогда же в журнале «Ленин туйёд» (орган Коми обкома ВКП(б)) И.И.Оботуров писал: «Шедевром коми националистической поэзии надо признать поэму Лыткина... «Мунёны» есть художественное извращение истории борьбы коми бедняка и середняка... Лыткин поэмой «Мунёны» зарекомендовал себя как проводник националистических идей».

И.И.Оботуров напомнил также об изданной в 1926 году книге «Коми гижысьяс» (составителем которой являлся В.И.Лыткин) и, в частности, о включенном в нее очерке о К.Ф.Жакове. «Нам мало интересен теперь сам профессор Жаков, – писал Оботуров. – Нас интересует, почему Илля Вась и другие коми писатели идеализировали таких мелкобуржуазных идеалистических апостолов, как Жаков... Они (*В.И.Лыткин и другие – Авт.*)... объективно проводили... политику охвостьев коми торговой буржуазии и коми кулачества». Суровый критик выговаривал В.И.Лыткину за отсутствие «марксистской оценки», «национальную эклектику» и т.п. После этого книга «Коми гижысьяс» словно бы перестала существовать на многие десятилетия. О ней не было упомянуто даже в «Истории коми литературы» в 1980 году – а ведь в «Коми гижысьяс» была предпринята, пожалуй, первая попытка познакомить читателей с жизнью и деятельностью коми писателей и ученых.

В октябре 1930 года комиссия по чистке КАПП (И.Оботуров, И.Кутькин, И.Сажин) постановила: «Стихи Лыткина мелкобуржуазные и национал-шовинистические... 1) Предложить Лыткину создать новые художественные произведения, в которых была бы показана борьба коми трудового народа за новый индустриальный Север и социализм. 2)...Через 1 год проверить творческие работы Лыткина».

В декабре того же года Василий Ильич вынужден был опубликовать статью с признанием своих «ошибок». Но и тогда он сделал чрезвычайно смелое в тех условиях заявление о том, что К.Ф.Жаков и другие дореволюционные писатели и ученые дали много хорошего коми народу, его культуре, и что надо объективно подходить к их оценке. То была одна из последних попыток отстоять объективный подход к дореволюционному культурному наследию. Статья В.И.Лыткина не удовлетворила руководство КАПП: в предисловии к ней, написанном М.П.Дорониным, провозглашалось, что в начавшейся борьбе с «левыми», «правыми», «националистическими», «великодержавно-шовинистическими» и «примиренческими» писателями Василию Ильичу надо выбирать – «или здесь, или там».

Требование «классового», «материалистического» подхода предъявлялось и к лингвистике. Начались преследования так называемого «формального языкознания», научные взгляды представителей которого не совпадали с «новым учением о языке», насаждавшимся в тридцатые годы. Один из коми исследователей, Г.А.Старцев, в 1929 году в журнале «Коми му» назвал В.И.Лыткина и В.А.Молодцова «формалистами-идеалистами». Василий Ильич по этому поводу иронично заметил: «В.А.Молодцов меня тоже (на одном заседании) прозывал формалистом, теперь, значит, угодил и сам в этот разряд. Если теперь какой-нибудь четвертый научный работник захочет себя противопоставить нам, то нас всех троих (меня, Молодцова и Старцева) отнесет, наверно, ...к формалистам-идеалистам». В.И.Лыткин точно подметил ярко проявившееся в конце двадцатых-тридцатых годах стремление наклеивать на людей политические ярлыки. По данным исследователя А.И.Туркина, особая комиссия Института народов Востока в 1929 году рассмотрела упоминавшуюся выше диссертационную работу В.И.Лыткина и сочла, что диссертация противоречит «новому учению» Н.Я.Марра. Василий Ильич вынужден был официально отказаться от своей диссертации, так как «она была написана по буржуазной методологии».

«Боролись» и с «националистическим уклоном» в языкознании. В.И.Лыткину ставилось в вину, что он в своих работах ссылался на «буржуазный», «национал-шовинистический» венгерский опыт развития литературного языка, на их азбуку. А «венгерская азбука, – объявил Г.А.Старцев, – составлялась под ударом шовинизма: им во что бы то ни стало хотелось отмежеваться от других народов Западной Европы в культурно-национальном отношении».

Свою роль сыграла и зарубежная командировка В.И.Лыткина: на проводившейся в Институте народов Востока «чистке» «доброжелатели» (среди которых оказался, увы, и В.А.Молодцов) вспомнили о его длительном пребывании «у капиталистов», о «подозрительном» знакомстве Василия Ильича с профессором Сетяля (провозглашенного обличителями почему-то «главой финского фашизма») и не менее «подозрительном» факте получения им стипендии от Финно-угорского общества...

В годы репрессий.

Весной 1932 года положение В.И.Лыткина улучшилось в связи с новыми веяниями в культурной политике. Нападки на Василия Ильича со стороны КАПП прекратились, поскольку Ассоциация пролетарских писателей была распущена. Оргкомитет, созданный для подготовки съезда писателей Коми области, совсем иначе относился к творчеству В.И.Лыткина. Секретарь оргкомитета И.Осипов охарактеризовал его как «большого мастера коми советской литературы».

Но в конце 1932 года начались аресты среди коми интеллигенции. Василию Ильичу не суждено было избежать гигантской сети, сотканной «компетентными органами» для поимки «врагов народа». «Компромат» на писателя и ученого уже набрался. Еще в 1931 году ОГПУ начало следствие по так называемому «делу СОФИН» (Союза освобождения финских народностей), будто бы образованному удмуртской интеллигенцией. Целью союза, по утверждению чекистов, являлось «отторжение путем вооруженного восстания Удмуртской автономной области и других автономий (Марийской, Мордовской, Карельской, Коми-Зырянской) от СССР и создание единой финно-угорской федерации с демократической формой правления под протекторатом Финляндии». Основную роль в СОФИН органы ОГПУ отводили удмуртам (К.Герду и другим), но стремились привлечь по этому делу и представителей других национальностей. Василий Ильич, хорошо знакомый с Кузбаем Гердом и многими другими писателями и учеными, побывавший за рубежом, как нельзя более подходил на роль одного из «заговорщиков»...

15 января 1933 года в Москве В.И.Лыткина вызвали в ОГПУ на допрос. (Материалы следствия опубликованы в книге В.М.Полещикова «За семью печатями», по которой они и цитируются). Следователя заинтересовало, что ему известно об идее «Великой Финляндии» и какие связи Лыткин поддерживал с Финно-угорским обществом. «Какие задания дало вам финно-угорское общество при выезде из Финляндии?» – грозно спрашивал он. Василий Ильич не стал скрывать своих встреч со сторонниками «Великой Финляндии» (подчеркнув, что он этих идей не разделяет), рассказал, что финские ученые поручили ему глубже изучать коми язык, собирать коми фольклор и попросили знакомить их с результатами исследований. Для ОГПУ этого было вполне достаточно – вот он, шпион!

21 января 1933 года чекисты пришли к выводу, что «гр. Лыткин Василий Ильич... достаточно изобличается в том, что является членом к-р (*контрреволюционной – Авт.*) организации, ставившей себе целью объединение финно-угорских народностей, населяющих СССР, и путем вооруженного восстания отторжение Коми области от СССР под протекторат Финляндии», «был связан с руководителями пан-финского движения, информируя их о положении в СССР, служил связью между ними и к-р организацией, находящейся в СССР», и постановили арестовать его. По иронии судьбы подписавший это нагромождение лжи чекист носил фамилию Правдин... В тот же день В.И.Лыткина арестовали. (По данным А.И.Туркина, В.И.Лыткин был арестован еще до первого допроса, 14 января; мы опираемся на сведения, опубликованные В.М.Полещиковым).

24, 28, 30 и 31 января, 22 и 25 марта 1933 года поэта и ученого допрашивали. Под давлением следователя В.И.Лыткин вынужден был «признаться», что его «убеждения в национальном вопросе в период 1922–

1926 гг. носили националистический характер. Они развивались на почве борьбы за родной коми язык, против которого резко выступали остатки старого руссификаторского чиновничества. В борьбе с руссификаторами у меня выработались взгляды одностороннего разрешения национального вопроса. Выпирал вопрос по линии только коми народа, коми языка, ...не было достаточного учета интересов всего Советского Союза, моменты классовой борьбы или совершенно отпадали, или отходили на задний план». «В 1923–25 гг. мой узкий национализм выразился в моих стихотворениях на коми языке, напечатанных в прессе Коми области... Моя буржуазная методология в области языкознания, первобытной коми истории выразилась в моем докладе о первобытной истории коми народа, ...в моих статьях, помещенных в... журнале «Коми му». Мои стихотворения, ...призывающие к объединению коми и т.д., а также некоторые научно-популярные статьи, где говорилось об угрофинском праязыке, пранароде, прародине... и т.д., были на руку коми националистической интеллигенции и буржуазии».

Вместе с тем В.И.Лыткин решительно заявил: «Никогда я не был контрреволюционером, не состоял ни в какой контрреволюционной панфинской организации, не только не принимал никакого участия, но никогда не слышал о стремлении свергнуть Советскую власть в Коми области посредством вооруженного восстания». Впрочем, эти слова следствие не интересовали... 9 июля 1933 года внесудебное заседание коллегии ОГПУ, рассмотрев «дело СОФИН», на основании печально знаменитой 58-й статьи (пункты 4 и 11) вынесло приговор: «Лыткина Василия Ильича заключить в исправтрудлагерь сроком на пять лет». 26 июля того же года Василий Ильич обратился к Генеральному прокурору СССР с просьбой о пересмотре дела. 22 октября 1933 года коллегия ОГПУ сократила срок заключения до трех лет.

В.И.Лыткин отбывал срок в Дальлаге НКВД, в Хабаровском крае, работая экономистом планового отдела лагеря (вероятно, эта относительно спокойная должность спасла ему жизнь – смертность среди заключенных, как известно, была очень велика). В письме секретарю Коми обкома ВКП(б) он сообщал, что «был все время ударником, активно принимал участие в общественной работе, два раза премирован с занесением в Красную книгу центрального штаба социалистического соревнования и был делегатом на I Вселагерном съезде ударников» (каких только съездов не проводилось в нашем Отечестве!..).

Научные и литературные труды В.И.Лыткина были объявлены ненужными, вредными и контрреволюционными. Подготовленный им к изданию словарь коми диалектов так и не вышел в свет – рукопись была изъята из издательства и исчезла. Много книг и рукописей конфисковали у В.И.Лыткина в Сыктывкаре. Вся его библиотека, оставшаяся в московской квартире, тоже пропала. Позднее сам Василий Ильич с горечью писал: «Всё,

что у меня было о Жакове (о других писателях, о диалектах и т.д.), утрачено...» Жившие в квартире «посторонние люди жгли мои книги и рукописи вместо дров...» Семья его распалась.

Находились мужественные люди, которые после ареста В.И.Лыткина открыто высказывались в его защиту. В 1933 году в журнале «Ударник» были напечатаны положительные отзывы о его творчестве. Но вскоре подобные отзывы стали рассматриваться как «потеря бдительности» или «вылазка классового врага». Так, А.И.Рочеву, заместителя председателя областного радиокomiteта, исключили из партии с формулировкой «за защиту Лыткина (Илля-Вась)».

Первый секретарь Коми обкома ВКП(б) А.А.Семичев, сообщала весной 1934 года газета «За новый север», указал коми писателям «на необходимость глубоко разоблачения антисоветского существа в творчестве и критики националистического писателя Илля-Вась (В.И.Лыткина)». На страницах той же газеты И.И.Оботуров выступил с фантастическим заявлением: «Идеал Илля-Вась – восстановление легендарного государства, т.н. Биармии, объединение всех финских народов на базе капитализма. Эта идея, взятая от финских фашистов, мечтающих о фашистской великой Финляндии, проводилась Илля Васем до последних лет». На состоявшейся в августе-сентябре 1934 года в Сыктывкаре конференции коми-зырянских и коми-пермяцких лингвистов (с основным докладом там выступил И.И.Оботуров) Лыткина заклеили как «верного интересам коми кулачества и буржуазии националистического элемента», а его исследования были названы Оботуровым «псевдонаучными», представляющими собой «скрытую борьбу против ленинской национальной политики... в вопросах языка».

Выступать с критикой Лыткина стало едва ли не обязательным для всей коми интеллигенции. Но если отказаться от подобных обличительных выступлений было практически невозможно («примиренчество», «покрывательство!»), то тон самого заявления мог быть различным. По публикациям нетрудно догадаться, кто вынужденно критиковал В.И.Лыткина и кто делал это с азартом, старательно. Например, в 1935 году в упоминавшейся уже статье А.С.Сидорова в газете «За новый север», в которой автор вынужден был «покаяться» в «ошибках», есть и критика В.И.Лыткина, связанная с расхождением взглядов двух ученых на некоторые проблемы языкознания. По сути дела, А.С.Сидоров постарался ограничиться чисто научной полемикой с В.И.Лыткиным, хотя ему и пришлось при этом в двух-трех местах употребить обязательные для того времени штампы «контрреволюционный национал-шовинист» и «контрреволюционный воинствующий буржуазный формализм» (а может быть, эти слова были вписаны в его статью предусмотрительными редакторами).

Сдержанность А.С.Сидорова хорошо видна при сравнении его статьи, например, с заметкой К.Коничева, напечатанной в той же газете в том же

году. Коничев не спорит, а проклинает: «Махровский националист Илья-Вась (Лыткин) написал в свое время поэму об Октябре «Мунбны»... Октябрь в этой гнусной поэме Лыткина прошел без участия большевиков и Ленина...» К подобным обличительным публикациям принадлежала и также упоминавшаяся уже не раз статья Г.А.Старцева, который писал, что В.И.Лыткин будто бы выдвинул лозунг «ва-коми» (чистого коми) языка (а в действительности Василий Ильич критиковал взгляды ва-комистов). «В.Лыткин недалеко ушел от распространения религиозного яда, – утверждал Г.А.Старцев. – Наоборот, он подменял пролетарский праздник Первое мая поповской пасхой. Еще в 1922 году в стихотворении «Лым» (Снег) писал Лыткин: “Отдыхай, праздной пасху, зырянский народ”». (Самое примечательное, что в стихотворении «Лым» нет ни слова ни о Пасхе, ни о Первомае...).

Кто же «враг народа»?

В.И.Лыткин должен был освободиться в январе 1936 года, но удача внезапно повернулась к нему лицом: как «ударник», перевыполнивший норму выработки, он «по зачету рабочих дней» вышел на свободу раньше, 8 сентября 1935 года. Однако далеко не сразу удалось ему уехать из тех краев. В.И.Лыткина оставили работать – уже в качестве вольнонаемного старшим экономистом планового отдела Дальлага НКВД в Хабаровске. Там, вдали от дома, Василий Ильич продолжал писать стихи – в частности, начал работу над двумя поэмами, но дело двигалось с трудом, творчеству мешало подорванное в лагере здоровье, да и сама обстановка давила на него, недавнего заключенного. Ему очень нужна была, как выразился сам В.И.Лыткин, «поддержка морального порядка»; что касалось материального положения, то, по злой иронии судьбы, именно послелагерная полуподневальная работа в системе Дальлага привела к тому, что Василий Ильич, по его тогдашним словам, «никогда в жизни не был так хорошо материально обеспечен, как теперь».

28 февраля 1936 года В.И.Лыткин направил секретарю Коми обкома ВКП(б) заявление, в котором писал: «Всю свою сознательную жизнь я работал в области науки и культуры, имеющей непосредственное отношение к автономной области Коми, поэтому – хотя и в настоящий момент я не имею возможности все свои силы и знания посвятить этому делу – обращаюсь с настоящим заявлением именно к Вам, руководству Коми области... Прошу: 1) о возбуждении ходатайства перед ЦИК СССР о персональном снятии с меня судимости и 2) о возвращении меня в ряды работников коми литературы». К своему заявлению В.И.Лыткин приложил рукописи двух еще не законченных поэм (одной из них, вероятно, была поэма «Ольбк», написанная, по данным А.И.Туркина, в 1933–1936 годах и подписанная псевдонимом «Аке-Маке»). Однако секретарь обкома А.А.Семичев оказался глух к обращению ученого и поэта. Резолюция на

заявлении гласила: «Незачем вести переписку, как с осужденным за контрреволюцию». Вскоре «осужденным за контрреволюцию» оказался и сам Семичев... В августе-сентябре 1936 года Василия Ильича в Хабаровске навестили жена и дочь.

Возможно, то, что Василий Ильич не вернулся сразу после освобождения в Коми область, спасло его от повторного ареста и осуждения во время волны репрессий 1937–1938 годах, как это произошло с Д.А.Батиевым и А.А.Чеусовым, коллегами В.И.Лыткина по Обществу изучения Коми края. Тогда были осуждены вместе, по одному большому делу, и товарищи, и обличители Василия Ильича (среди последних – А.А.Семичев, И.И.Оботуров и М.П.Доронин). И вот журнал «Ударник», на страницах которого еще недавно Оботуров призывал к борьбе с «националистом Лыткиным», сообщает, что разоблачены враги народа, которые «вели контрреволюционную работу». Теперь уже другие склоняют их имена: «...буржуазно-националистические контрреволюционные вредители Батиев, Коюшев, В.Лыткин (Илья Вась), ...И.Оботуров, Доронин М., ...В.Савин» и т.д. и т.п. «И.Оботуров проводил латинизацию (*коми алфавита – Авт.*), которая принесла вред, по наущению контрреволюционера, фашиста, шпиона В.Лыткина» («Ударник», 1937, № 9-10). Удивительные происходили метаморфозы...

Снова в науке.

Только 10 июня 1938 года В.И.Лыткин наконец-то распрощался с опостылевшей ему работой, покинул Дальний Восток, приехал в европейскую часть страны и на 43-м году жизни вернулся к знакомой ему преподавательской, а затем и научной работе. Вначале он избрал местом жительства подмосковный город Каширу, где с 16 октября 1938 по 23 июля 1939 года преподавал в средней железнодорожной школе русский язык. Летом 1939 года В.И.Лыткин уехал в Уфу для работы в университете, но там возникли трудности с квартирой, и пришлось отправиться еще дальше, в Чкалов (Оренбург). 1 сентября Василий Ильич стал доцентом тамошнего педагогического института, позднее возглавил кафедру русского языка. В Оренбурге В.И.Лыткин вновь занялся лингвистическими исследованиями. В марте 1943 года он защитил в МГУ кандидатскую диссертацию, в октябре 1946 года – докторскую. В 1946 году, после долгого (с 1932 года) перерыва были опубликованы его новые научные работы. В начале 1947 года В.И.Лыткин участвовал в первой Всесоюзной научной конференции по вопросам финно-угорской филологии, выступил там с тремя докладами. В том же году ему присвоили ученое звание профессора. В.И.Лыткин женился, но личная жизнь не сложилась, и он снова остался один.

В сентябре 1948 года В.И.Лыткин уехал в Москву и до октября 1949 года заведовал кафедрой русского языка в Московском областном пединституте. Лингвисты высоко ценили его знания, признали его научный

авторитет. Василия Ильича пригласили работать в Институт языка и мышления АН СССР. Но борьба между сторонниками учения Н.Я.Марра и приверженцами сравнительно-исторического языкознания (к которым принадлежал В.И.Лыткин) вынудила Лыткина уехать в Рязань. К тому же власти не давали бывшему «врагу народа» разрешение на дальнейшее проживание в столице (запрещено ему было жить также в Ленинграде и Сыктывкаре). В Рязани с 21 октября 1949 года по сентябрь 1959 года он работал в пединституте, являлся профессором, с 8 ноября заведовал кафедрой русского языка. С 1950 года В.И.Лыткин был также старшим научным сотрудником Института языка и мышления (позднее – Институт языкознания) АН СССР; на работу в этот московский институт он приезжал из Рязани раз в неделю на один день.

Времена менялись. Василия Ильича перестали именовать «контрреволюционером» и «агентом финских фашистов». В 1950 году, марризм, в пренебрежении которым 20 лет назад упрекали Лыткина, внезапно был объявлен «неправильной», совсем не «марксистской» теорией. Наконец стала налаживаться семейная жизнь: В.И.Лыткин вступил в брак с Т.И.Тепляшиной. Но клеймо судимого за «контрреволюционную деятельность» продолжало давить на него до середины 50-х годов. В 1952 году в Сыктывкаре состоялось научное совещание по вопросам языкознания; Василий Ильич хотел участвовать в нем, но ему не разрешили приехать. Изданная в том же году монография В.И.Лыткина «Древнепермский язык» была выдвинута на Сталинскую премию, но (хотя «наверху» вроде бы все было согласовано) премии он не получил. Когда началась некоторая либерализация политического режима в стране, стали возвращаться из лагерей первые реабилитированные, В.И.Лыткин обратился (в 1956 году) с письмом к председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е.Ворошилову. Он писал, что был осужден по клеветническим обвинениям, безосновательно, и настаивал на пересмотре своего дела. Это обращение сыграло свою роль, и 2 ноября 1956 года В.И.Лыткин был реабилитирован. С того же года вновь стали публиковаться его стихи, не печатавшиеся 24 года. В 1958 году он стал членом Союза писателей СССР.

В 1959 году Василий Ильич переехал в Москву, с 1 октября работал в Институте языкознания АН СССР старшим научным сотрудником, в 1961 году стал исполняющим обязанности заведующего, а с 29 мая 1962 года – заведующим сектором финно-угорских языков. Его многогранная научная деятельность в этот период хорошо известна. Он был одним из видных финноугроведов, обладавших обширными знаниями, поразительной наблюдательностью и широким кругом научных интересов. Труды В.И.Лыткина пользовались признанием не только в СССР, но и за рубежом. 9 апреля 1969 года Финская Академия наук избрала его своим зарубежным членом. В том же году он стал почетным членом Финно-угорского общества (Хельсинки).

С конца 40-х годов В.И.Лыткин поддерживал тесные контакты с языковедами Коми базы (филиала) АН СССР: читал, редактировал и рецензировал их работы, оказывал помощь в научно-организационной деятельности. Позднее он писал, что «принимал активное участие в филологических исследованиях Коми филиала с самого основания его». Сотрудник отдела языка, литературы и истории КФАН СССР А.И.Подорова вспоминала, что в 1949 году В.И.Лыткин ознакомился с подготовленной ею рукописью, «дал ценные указания и этим оказал мне великую помощь». В 1950 году В.И.Лыткин являлся оппонентом на защите кандидатской диссертации аспирантки КФАН СССР Е.Г.Жижевой, в 1951 году – оппонентом на защите диссертации языковеда отдела ЯЛИ В.А.Сорвачевой. В 1954 году он дал отзыв на кандидатскую диссертацию А.И.Подоровой, отметив, что эта диссертация «представляет собой подлинную научно-исследовательскую работу, выполненную со знанием дела, с умением оперировать языковым материалом и с любовью».

В.И.Лыткин очень серьезно относился к присылаемым ему на просмотр рукописям. В 1953 году он получил рукопись учебника по коми языку для вуза и после ознакомления с нею сообщил, что находит ее несовершенной и сам будет «беспощадно переделывать» и улучшать ее; учебник «Современный коми язык» был издан в 1955 году под редакцией В.И.Лыткина, он написал и несколько разделов. Позднее, получив на отзыв рукопись вводного очерка, подготовленного для «Коми-русского словаря» лингвистом Д.А.Тимушевым, Василий Ильич положительно оценил его, но отметил отсутствие во введении раздела по лексике и вызвался сам написать его. Он осуществлял и общее руководство подготовкой этого словаря, являлся его ответственным редактором.

Весной 1955 года В.И.Лыткин был приглашен в Коми филиал АН СССР для проверки деятельности отдела языка, литературы и истории. Василий Ильич в целом хорошо оценил научно-исследовательскую работу сотрудников, особенно подчеркнув важность подготовки различных словарей. Иногда высказывалось мнение, что составление словарей – это работа для лаборантов. В.И.Лыткин сказал: «Работа над составлением диалектологического словаря – очень сложная научная работа. Потому малоквалифицированным работникам доверять такую работу нельзя ни в коем случае. Это очень серьезная научная работа». Василий Ильич отметил и некоторые недостатки: в частности, то, что публикуется мало работ (он порекомендовал, например, издавать диссертации).

В.И.Лыткин поставил ряд задач перед языковедами, отметив необходимость специального изучения культуры речи, истории коми языка. По его мнению, отдел ЯЛИ следовало разделить на исторический и филологический отделы (это было сделано в начале 1958 года). Сотрудники ОЯЛИ отмечали полезность приезда В.И.Лыткина: «Желательно было бы, чтобы Василий Ильич дольше у нас задержался и помог бы нам

в работе, посмотрел бы наши законченные работы» (М.А.Сахарова); «Хотелось бы, чтобы Василий Ильич просмотрел... картотеку и дал бы указания, помощь» (А.И.Подорова).

Творческое сотрудничество В.И.Лыткина с языковедами КФАН СССР продолжалось и в последующие годы. Много труда он вложил в подготовку «Краткого этимологического словаря», помогал молодым языковедам работать над диссертациями и другими исследованиями. В 1965 году Василий Ильич стал заслуженным деятелем науки и техники Коми АССР. В 1971 году ему было присвоено звание лауреата Государственной премии Коми АССР. 22 ноября 1972 года В.И.Лыткин вышел на пенсию, а 18 декабря того же года стал научным консультантом сектора языка Института языка, литературы и истории КФАН СССР. На этой должности он проработал всего год, до 15 декабря 1973 года, но при уходе отметил, что в дальнейшем ему «хотелось бы продолжить совместную работу с сектором языка... в какой-либо иной форме». В 1974 году В.И.Лыткина избрали почетным членом Общества родного языка (Таллинн). В 1976 году он работал старшим научным сотрудником сектора языка ИЯЛИ КФАН СССР, затем в том же году стал профессором-консультантом кафедры общего языкознания Университета Дружбы народов (Москва); тогда же Василия Ильича избрали почетным членом Международного общества по венгерской филологии (Будапешт). В 1977 году В.И.Лыткин оставил работу в университете. Скончался он 27 августа 1981 года, не дожив нескольких лет до того времени, когда стало возможным вспоминать о прошлом без умолчаний и розовой краски. Похоронен Василий Ильич на родине, в Сыктывкаре.

Основная использованная литература и источники

Бараксанов Г.Г., Гуляев Е.С., Мартынов В.И., Туркин А.И. Василий Ильич Лыткин // Коми филология. Сыктывкар, 1975.

Бараксанов Г.Г., Гуляев Е.С., Туркин А.И. Коми ученый и писатель В.И.Лыткин. Сыктывкар, 1970.

Бараксанов Г.Г., Жеребцов И.Л. Илья Вась: малоизвестные страницы биографии // Финно-угроведение, 1994. № 2.

Василий Ильич Лыткин. Указатель литературы / Сост. Е.П.Березина, отв.ред. Г.Г.Бараксанов. Сыктывкар, 1981.

Василий Ильич Лыткин. Библиографический указатель / Сост. Г.Д.Осипова. Сыктывкар, 1995. .

Вежев А.А. Коми советские писатели. Сыктывкар, 1968.

Жеребцов И.Л. Лыткин Василий Ильич. // Историко-культурный атлас Республики Коми. М., 1997.

Жеребцов И.Л. Лыткин Василий Ильич // Атлас Республики Коми. М., 2001.

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. В. И. Лыткин на гражданской войне // В.И.Лыткин и финно-угорский мир. Сыктывкар, 1999.

- Жеребцов И.Л. Клином марксистско-ленинского анализа // Покаяние. Мартиролог. Сыктывкар, 1998. Т. 1.
- Жеребцов И.Л. Лыткин Василий Ильич // Ученые Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2000.
- Жеребцов И.Л., Некрасова Г.А. Биография без ретуши // Они любили край родной. Сыктывкар, 1993.
- Жеребцов И.Л., Некрасова Г.А., Демин В.Н. Василий Ильич Лыткин. Сыктывкар, 1997.
- Жеребцов И.Л., Некрасова Г.А., Демин В.Н. В.И.Лыткин: жизнь и творчество. Сыктывкар, 1997.
- Илля Вась йылысь // Коми му, 1925. № 3–4.
- Исследователи Коми края. Сыктывкар, 1984.
- Кельмаков В.К. В.И.Лыткин но удмурт филология // Вордскем кыл, 1992. № 2. К 100-летию со дня рождения Василия Ильича Лыткина / Сост. А.Туркин, В.Феенкер. Гамбург, 1995.
- Майтинская К.Е. Василий Ильич Лыткин // Вопросы финно-угорского языкознания. М., 1965. Вып.3.
- Мартынов В.И. Василий Ильич Лыткин // История коми литературы. Сыктывкар, 1980. Т. 2
- Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 19, д. 736.
- Национальный архив Республики Коми. Хр. 1, ф. 952, оп. 1, д. 3.
- Некрасова Г.А. В.И.Лыткин и проблемы истории пермских языков // *Linguistica uralica*, 1995. № 4.
- Некрасова Г.А. Деятельность В.И.Лыткина в Обществе изучения Коми края // От краеведения к науке. Сыктывкар, 2003.
- Некрасова Г.А., Жеребцов И.Л. Деятельность В. И. Лыткина в Комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка // *Linguistica uralica*, 1996. № 1.
- Некрасова Г. А., Жеребцов И.Л. Деятельность В. И. Лыткина в 1920–1930-е гг. // Пермистика – 5. Ижевск, 2002.
- Остапова Е.В. Экспрессивная образность в лирике В.И.Лыткина на примере произведений 20-х годов // Музеи и краеведение. Сыктывкар, 2000. (Труды Национального музея Республики Коми; Вып. 2).
- Полещиков В.М. За семью печатями. Сыктывкар, 1995.
- Серебrenников Б.А. Василий Ильич Лыткин // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка; Т. XXV, вып. 1. М., 1966.
- Торлопов Г. Илля Васькӧд гижасьӧм // Войвыв кодзув, 1993. № 11, 12.
- Туркин А.И. К 100-летию со дня рождения В.И.Лыткина // *Linguistica uralica*, 1995. № 3, 4; 1996, № 1.
- Туркин А.И., Ракин А.Н. Лыткин Василий Ильич // Коми язык. Энциклопедия. М., 1998.
- Феоктистов А.П., Цыганкин Д.В. Выдающийся представитель советского финно-угорского языкознания // Проблемы грамматического строя мордовских языков. Саранск, 1984. (Труды Мордовского НИИ ЯЛИЭ; Вып. 77).

Вместо заключения

Из этих кратких очерков читатели смогли узнать, как от первых, отрывочных и неточных упоминаний о жителях Европейского Северо-Востока, первых подступов к изучению коми языка, истории и культуры, первых исследовательских экспедиций постепенное накопление гуманитарных знаний о коми народе привело к усилению интереса местного населения к научно-изыскательской работе, к появлению коми ученых, вначале имевших возможность работать лишь вдали от родных мест, а затем к складыванию условий для постоянного проведения гуманитарных исследований в Коми местными силами – поначалу энтузиастами-краеведами, а затем и профессиональными работниками науки.

Напомним еще раз ключевые вехи на этом пути: разработка коми письменности Стефаном пермским; создание Вычегодско-Вымской летописи; научная экспедиция И.И.Лепехина и Н.Я.Озерецковского; исследовательская и собирательная работа Императорского русского географического общества и публикаторская деятельность архангельских и вологодских «Ведомостей»; научные труды Г.С.Лыткина и его последователей – К.Ф.Жакова, В.П.Налимова, П.А.Сорокина; организация Усть-Сысольского отделения Архангельского общества изучения Русского Севера и Усть-Сысольского музея; разработка коми алфавита В.А.Молодцовым; открытие Института народного образования, учреждение Общества изучения Коми края и журнала «Коми му»; укрепление связи краеведов с центральными научными учреждениями и разработка проектов организации собственных профессиональных научных учреждений в Коми; открытие Коми пединститута и Коми научно-исследовательского института; включение Коми НИИ в состав Коми базы АН СССР на правах гуманитарного отдела.

Весьма важно и поучительно, что на важнейших поворотных моментах развития гуманитарных исследований в Коми в первой половине XX века краеведов поддержали местные власти. Так было с созданием Усть-Сысольского музея, которому финансово помогали уездные земские органы. Так было с молодцовским алфавитом, для внедрения которого в жизнь (начиная с изготовления букв-клише для типографии) много сделал Усть-Сысольский уездный Совет депутатов и его исполком. Так было и с Институтом народного образования, необходимость которого отчаянно отстаивали лидеры только еще рождавшейся Коми автономии. Весьма показательны и участие руководителей Коми автономной области в учреждении Общества изучения Коми края, в работе его руководящих органов, совместное издание журнала «Коми му» областным исполкомом и обществом краеведов. А о том, что открытие и деятельность Коми НИИ и Коми пединститута были бы невозможны без поддержки областного руководства, и говорить не надо. Наконец, создание Коми базы АН СССР

стало возможным только в результате активной позиции лидеров Коми республики.

Отрадно, что заложенная еще в начале XX века традиция сотрудничества исследователей-гуманитариев и органов власти – причем сотрудничества взаимовыгодного, при котором ученые получают поддержку в проведении своих исследований, а министерства и ведомства имеют возможность использовать результаты научно-исследовательской работы в практической деятельности – успешно продолжается и сегодня. Многим знакомы такие замечательные плоды этого сотрудничества как энциклопедия «Республика Коми», «Историко-культурный атлас», книга «Связь времен», изданный недавно двухтомник «История Коми». Но далеко не всем известно, что сотрудничество имеет гораздо более широкие масштабы.

Например, чрезвычайно активно и плодотворно ведется совместная работа в контексте реализации мероприятий по национальной политике. Перечислим лишь некоторые мероприятия, проведенные Министерством по национальной политике Республики Коми и Департаментом национальной политики Министерства культуры и национальной политики Республики Коми на рубеже XX и XXI столетий совместно с учеными-гуманитариями. В 1997 году при Министерстве по делам национальностей Республики Коми был организован Консультативный Совет по делам национально-культурных автономий, который возглавил известный ученый доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН В.И.Чупров, председатель Сыктывкарского отделения Историко-культурного общества «Русь Печорская». В том же году состоялись научные конференции «Актуальные проблемы краеведения в Республике Коми», посвященная 75-летию Общества изучения Коми края, «Республика Коми: Актуальные проблемы социального, экономического и политического развития» и ряд других научно-практических конференций, семинаров и съездов, вышел в свет первый номер республиканского литературно-публицистического, историко-культурологического, художественного журнала «Арт»...

В последующие, последние годы XX века ежегодно проводились разнообразные научно-практические форумы, на которых ученые и специалисты-практики обменивались мнениями по актуальным проблемам национально-культурного, политического, социального и экономического развития республики.

Особо отметим состоявшиеся на исходе тысячелетия, в 2000 году XIV Коми республиканскую молодежную научную конференцию, на которой получили возможность заявить о себе начинающие исследователи, немалая часть которых сегодня уже уверенно чувствует себя в «большой науке», научную конференцию «Коренные этносы Севера» и научный симпозиум «Диалекты и история пермских народов». В том же

2000 году при поддержке Министерства национальной политики РК были изданы материалы молодежной конференции, а также материалы республиканской научно-практической конференции «Развитие коми языка на современном этапе: проблемы и перспективы», учебное пособие по истории на коми языке «Коми нэм». Министерство оказало помощь в оснащении Коми фольклорного фонда ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.

Не менее насыщенными оказались и первые годы нового тысячелетия. Назовем лишь некоторые мероприятия (ибо полный их список занял бы слишком много места). В 2001 году состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Коми-зырянская культура XX века и финно-угорский мир». В 2002-м проведен «Круглый стол» по вопросам функционирования родных языков в условиях двуязычия. В 2003 году прошла научно-практическая конференция «Демографическая наука в Республике Коми: итоги исследования и практические результаты развития», изданы «Русско-коми словарь», «Словарь синонимов коми языка», материалы республиканского семинара «О государственных языках Республики Коми». В 2004-м проведена республиканская научно-практическая конференция «Модели формирования и реализации современной национальной политики РК: проблемы и направления оптимизации», напечатаны материалы республиканской краеведческой конференции «Краеведение в Республике Коми: история, современность, перспективы».

Наконец, в нынешнем, 2005 году департамент по делам национальностей совместно с ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН при участии Института Российской истории РАН, Института истории и археологии УрО РАН, Научного совета РАН по исторической демографии проводит крупный и чрезвычайно важный научный форум – Всероссийскую научную конференцию по исторической демографии «Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX века)», в котором примут участие ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Екатеринбурга, Тюмени, Вологды, Архангельска, Мурманска, Петрозаводска, Ижевска, Перми, Кирова, Ульяновска, Краснодара, Тулы, Казани, Уфы и других городов России, из Казахстана и Украины. Уже готов к изданию первый сборник поступивших на конференцию материалов.

Будем надеяться, что наше сотрудничество (примером которого, к слову сказать, является и книжка, которую вы сейчас держите в руках) будет с немалым успехом продолжаться и в дальнейшем. Уже сейчас намечено немало планов, реализация которых может принести немалую пользу науке, культуре, просвещению. Почти столетие назад выдающийся ученый, уроженец Коми края Питирим Сорокин справедливо заметил, что «работа в области науки и народного просвещения всегда полезна, всегда нужна народу». Время подтвердило правоту этих слов.

Оглавление

Предисловие редактора.....	3
Очерк 1. Предыстория: от Геродота до Георгия Лыткина	6
Преданья старины глубокой.....	6
Стефан и Епифаний.....	6
О чем рассказывают летописи.....	8
От азбуки – к разговорникам.....	8
Академики приехали.....	9
Зыряне учености не пугаются.....	10
Из Бельфора – в Усть-Сысольск.....	12
Корреспонденты Географического общества.....	13
«Ведомости» – о коми.....	14
«Безукоризненное служение науке».....	15
Очерк 2. Первые организации краеведов	22
«Зырянский Ломоносов».....	22
«Работа в области науки нужна народу».....	28
Медаль за ценные работы.....	30
Два Алексея.....	31
Потомок польского гвардейца.....	32
Очерк 3. «Подлинный исследователь-лингвист»	38
Путь в науку.....	38
Алфавиту – быть.....	39
Бремя лидера.....	41
Кто друг коми народа?.....	44
«Подлинный исследователь».....	46
Саратов и Вологда: Борьба за марризм.....	48
Последние годы.....	50
Очерк 4. «Золотой век» краеведения	53
Рождение «Общества изучения Коми края».....	53
Новое о былом.....	55
От музея до Академии наук.....	57
«Вредное краеведение».....	58
Очерк 5. Гуманитарий-энциклопедист	61
Первые шаги.....	61
«Началась исследовательская работа».....	62
Открытие Куратова.....	63
Гуманитарий-энциклопедист.....	64

Знакомство с яфетинологией.....	65
«Кое-что о колдунах».....	66
На рубеже десятилетий.....	67
Контрреволюционная грамматика.....	69
Полон стремления работать... ..	71
«Контрреволюционный агитатор».....	72
Возвращение в науку.....	72
«Не имеет себе равных».....	74
Смертельное потрясение.....	76
Очерк 6. Тернистый путь к вершинам науки.....	78
Родом из Тентюково.....	78
На Гражданской войне.....	82
Начало научной деятельности.....	84
Стажировка за рубежом.....	86
Где работать?.....	90
Тучи сгущаются.....	91
В годы репрессий.....	93
«Кто же враг народа?».....	97
Снова в науке.....	98
Вместо заключения.....	103

Игорь Любомирович Жеребцов
Евгений Николаевич Рожкин

СТОЯВШИЕ У ИСТОКОВ
(Очерки истории становления гуманитарной науки в коми)

Оригинал-макет: Н.К.Забоева

Компьютерный набор. Уч.-изд. л. 6,7. Усл. печ. л. 7,0. Тираж 500 экз.

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «Полиграф-Сервис».
ЧП Сысуев А.Н. Лицензия ПЛД 19-40.
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел./факс 21-48-36